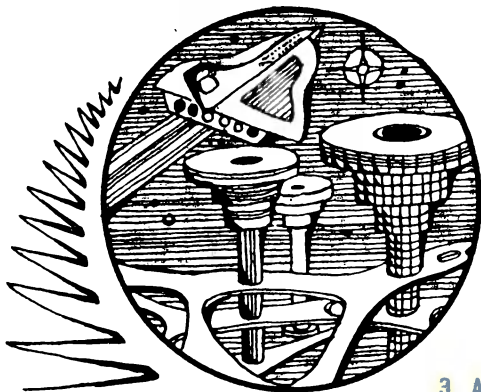

1950
1955
1960
1965
1970
1975
1980
1985
1990
2000

Э. А. АРАБ-ОГЛЫ

В ЛАБИРИНТЕ ПРОРОЧЕСТВ

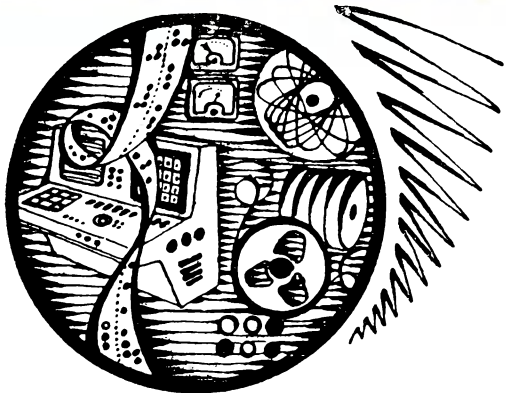
Э. А. АРАБ-ОГЛЫ

В ЛАБИРИНТЕ ПРОРОЧЕСТВ

Социальное прогнозирование и идеологическая борьба

Москва. «Молодая гвардия». 1973

1ФБ
А79

1—5—5

Б. 3. № 51 — 1972 г. (3) © Издательство «Молодая гвардия». 1973 г.

БУМ ПРОГНОЗОВ: ФУТУРОЛОГИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

С каждым годом становится все более очевидным, что научно-техническая революция нашего столетия ведет к глубоким и необратимым преобразованиям в обществе. Одним из ее социальных последствий является гигантское ускорение поступательного развития общества. В нашу эпоху на протяжении жизни одного поколения происходят такие социальные, экономические и политические изменения, которые в прошлом растягивались на долгие десятилетия и даже века. Неизмеримо возросла власть человека над природой и собственной судьбой. Теперь уже не нашим отдаленным потомкам, а ныне живущим на земле людям доведется не только пожинать плоды, но и расплачиваться за свою деятельность. Причем как вознаграждение, так и расплата окажутся прямо пропорциональны могуществу современного человека. В создавшихся условиях социальное предвидение, как никогда прежде, становится властным велением времени.

Чтобы быть уверенным в эффективности своей деятельности и достоверно знать о ее вероятных последствиях, необходимо предвидеть на все больший

срок вперед. Метод импровизации решений по мере возникновения проблем становится все менее надежным. Возможные трудности, стечения обстоятельств должны быть предусмотрены заранее, и в случае необходимости соответствующие меры заготовлены заблаговременно. Действуя в текущем году, следует заглядывать в следующие пять лет; планируя на пять-десять лет, надо прогнозировать на десятилетия. Здесь напрашивается сравнение с автомобилем. Чем больше возрастает скорость, тем на большее расстояние приходится обозревать предстоящий путь: при движении со скоростью около десяти километров в час вполне достаточно видеть на несколько шагов прямо перед собой, когда же скорость достигает ста и более километров в час, то надо пристально держать в своем обзоре пространство на сотни метров вперед, в том числе и по обе стороны дороги, ибо даже незначительные препятствия, при неожиданности их, грозят катастрофическими последствиями.

Прошлое, настоящее, будущее... Кое-кому, быть может, настоящее кажется просто хрупкой, неуловимой, постоянно перемещающейся пленкой между подавляющей массой прошлого, находящегося вне нашей власти, и всецело предопределенным будущим. В действительности же объективные закономерности и тенденции, определяющие ход истории, отнюдь не проходят сквозь настоящее, как сквозь стекло, но фокусируются и преломляются в нем, как в гигантской линзе.

Настоящее — это своего рода плавильная печь, в которой из продуктов, предоставленных прошлым, отличается будущее. Впрочем, откуда взятся будущему, как не из прошлого! Эту мысль удачно выразил писатель Роберт Пен Уорен: «...если ты не можешь принять прошлого и его бремени, у тебя нет будущего»

го, ибо без одного не бывает другого... только из прошлого ты можешь построить будущее»¹. Будущее не прямолинейно и не однозначно, оно таит в себе много возможностей, хотя и с разной долей вероятности. Как известно, в истории человечества происходили далеко не одни лишь наиболее вероятные события и явления. Именно от конкретной социальной деятельности людей зависит, какие из реальных возможностей предстоящего развития воплотятся в действительность. В этом смысле будущее будущего — это настоящее.

Появление обширной футурологической литературы в 60-х годах нашего столетия для многих оказалось неожиданным и в определенном смысле даже парадоксальным явлением. Еще в 1957 году такой авторитетный на Западе социолог, как Реймон Арон, с апломбом провозгласил: «Мы слишком озабочены XX веком, чтобы спекулировать насчет XXI. Долговременные исторические предвидения вышли из моды»². Увы, на этот раз обычно дальновидный социолог оказался элементарно непредусмотрительным. Ирония истории, собственно говоря, в том и заключается, что необычайно возросший в последние годы интерес людей к долговременному предвидению объясняется именно их озабоченностью настоящим.

Вот почему социальное прогнозирование, вызванное к жизни настоятельными потребностями современной эпохи, призвано не только и даже не столько предвидеть некое уготованное человечеству будущее, сколько повлиять на сознание и поведение людей в настоящем, побудить их к определенной деятельности и тем самым реализовать одно из возможных

---

¹ Р. П. Уорен, *Вся королевская рать*. М., 1968, стр. 533.

² R. Aron, *La société industrielle et la guerre*, Paris, 1959, p. 3.

будущих. Социальное предвидение, следовательно, становится ареной ожесточенной борьбы между силами общественного прогресса и реакции.

В то время как марксистское предвидение, теория научного коммунизма, вдохновляет трудящееся человечество на борьбу за лучшее будущее, за социальную справедливость, ставшую наконец достижимой, реакционные буржуазные идеологи обращаются к футурологии, чтобы завлечь людей в лабиринты своих пророчеств, помешать им осознать реальные перспективы и альтернативы нашего века, заставить примириться с будущим, уготованным для них государственно-монополистическим капитализмом. Критическому анализу этих футурологических концепций и посвящены данные очерки ¹.

Эпизодические экскурсы в непосредственное и отдаленное будущее, которые раньше на свой страх и риск предпринимали отдельные ученые, вроде Фрица Бааде и Роберта Юнгка, Джорджа Томсона и Артура Кларка, Гаррисона Брауна и Фреда Полака, сменились теперь организованными и систематическими исследованиями долговременных тенденций предстоящего развития общества. Еще несколько лет назад мало кто даже среди специалистов слышал термин «футурология», ныне же он не сходит со страниц печати. Комиссия 2000 года Американской академии искусств

---

¹ За последнее время появился ряд работ, посвященных критике буржуазных концепций о будущем общества, в том числе книги «Будущее человеческого общества» под редакцией Е. Д. Модрижской и Ц. А. Степаняна. М., 1971; И. В. Бестужев-Лада, Окно в будущее. М., 1970; Ю. П. Ожегов, Проблема предвидения в современной буржуазной идеологии. Новосибирск, 1971.

и наук, Гудзоновский институт, Институт по исследованию будущего, корпорации РЭНД и «Ресурсы для будущего» в Соединенных Штатах; Международная ассоциация футюриблей, Международный центр перспективных исследований, «Группа 1985 года» во Франции; Западногерманское общество по проблемам будущего, институты изучения будущего в Западном Берлине, Мюнхене и Тюбингене; Комитет «следующих тридцати лет» и рабочая группа «Человечество 2000 года» в Англии; футурологические центры в Риме, Токио, Вене, Осло, Базеле, Амерсфорте — таков далеко не полный перечень наиболее влиятельных научных учреждений, занятых социальным прогнозированием в развитых капиталистических странах.

Футурологи обзавелись своими журналами («Фьючерист», «Анализ э превизьон», «2000») и рядом других периодических органов; социальному прогнозированию посвящаются специальные номера общественно-политических и академических изданий — «Дедалус», «Паблик интерес», «Курсбух» и другие. Футурология ныне претендует на роль не просто еще одной специальной отрасли знания, но своего рода общественного движения, о чем, в частности, свидетельствуют две международные конференции, проведенные в Осло (1967 г.) и Киото (1970 г.) и завершившиеся учреждением международной футурологической организации и международного Дома футурологов в Париже. В сентябре 1972 года в Бухаресте состоялась III международная конференция по социальному прогнозированию.

Повальное увлечение футурологией на капиталистическом Западе — это отнюдь не преходящая мода, а весьма специфическое социальное явление, вызванное к жизни серьезной озабоченностью перспективами общественного развития в нашу эпоху как со стороны

господствующих классов, так и среди широких слоев населения. Создавая различные научные центры и печатные органы, посвященные социальному прогнозированию, государственно-монополистический капитал руководствуется при этом отнюдь не праздным любопытством, а в первую очередь намерением удержать под своим контролем стремительный ход событий. Именно этими соображениями была продиктована и работа Комиссии 2000 года Американской академии искусств и наук. «Все больше людей хотят, чтобы с ними считались, и настаивают на том, чтобы высказать мнение о своем будущем. Это может полностью опрокинуть все наши предсказания, ибо эти люди скорее предпочтут то, чего желают *они*, чем то, чего могут пожелать все технологи и ученые»¹, — заявил в ходе заседаний один из членов комиссии, Леонард Дж. Дьюл.

Современное общество в отличие от традиционного, от докапиталистических формаций, идеологически ориентировано в будущее. Если ранее социальные системы и институты обычно искали свое обоснование в прошлом, в традициях, освященных временем, то сейчас в поисках смысла своего существования они обращаются к социальному идеалу, осуществимому в предстоящем будущем. Перефразируя знаменитое изречение Клаузевица о войне как продолжении политики другими средствами, один из пионеров футурологии на Западе, голландский социолог Фред Л. Полак, весьма выразительно подчеркнул, что прогнозирование — это тоже политика, только осуществляемая другими средствами. Социальное прогнозирование, конечно, не сводится к тому, чтобы служить оружием

---

¹ См.: «Daedalus» (Toward the Year 2000: Work in Progress), Summer, 1967, p. 662.

в идеологической борьбе. Оно включает в себя теоретическую и практическую функцию, как и всякая наука, а также сопутствующие ей методологию и технику. Однако именно идеологическое назначение социального прогнозирования особенно привлекает к нему надежды реакционной буржуазии, стремящейся противопоставить свои футурологические концепции теории научного коммунизма. По аналогии с печально знаменитой интерпретацией истории как политики, опрокинутой в прошлое, они рассматривают футурологию как *политику, опрокинутую в будущее*. Их цель не в том, чтобы предвидеть будущее, а в том, чтобы повлиять на настоящее. Этого не скрывают сами футурологи. Уже на первых страницах своей книги «Год 2000-й» Кан и Винер откровенно пишут: «Как бы то ни было, подобные исследования, даже если они успешны лишь отчасти, снабжают нас занимательным чтивом, побуждают к познанию и стимулируют беседу, способствуя тем самым расширению кругозора и поощряя творческие способности, — все это польза, которой не следует пренебрегать. Важнее, однако, что эти исследования могут воздействовать на коренные убеждения, представления и предпочтения. А самое важное, вероятно, по крайней мере для нас в Гудзоновском институте, — это то, что долгосрочные прогнозы представляют контекст для разработки 5—10-летних прогнозов, которые могут повлиять и влияют на политические решения»¹. Еще более определенно и недвусмысленно высказался на этот счет профессор Стэнфордского университета Доналд Данн: «Наиболее полезна не та футурология, которая отвечает на вопрос: «Что будет?», а та, которая отвечает на вопрос:

---

¹ Н. Kahn and A. J. Wiener, *The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty-three Years*, New York, 1967, p. 1.

«Что мы хотим, чтобы случилось?» И, не оставляя никаких сомнений на этот счет, он заключает: «Иными словами, футурология приобретает особое значение, когда она озабочена не будущим, а тем, что мы намерены делать сейчас. Самое интересное в футурологии — это, как оказывается, политическая деятельность»¹.

«Футурология», «фьюрибли» или «перспективная разведка» — какими бы неологизмами ни обозначалось на Западе это возрастающее стремление мысленно проникнуть в будущее, оно, несомненно, вызвано к жизни главным образом двумя реальными тенденциями нашей эпохи: стремительным ускорением общественного развития и вовлечением все более широких народных масс в активную историческую деятельность. Обе бросают вызов господствующим классам антагонистического общества, теряющим контроль и над ходом событий в мире, и над общественным сознанием. С их точки зрения, футурология, собственно говоря, призвана восстановить этот контроль, предусмотреть возможный ход событий и позволить тем самым принять заблаговременные меры, *с одной стороны*, сформулировать альтернативу социализму и загипнотизировать сознание масс «уготованным будущим» — *с другой*. В первом случае речь идет о тщательной разработке так называемой «социальной технологии», о систематическом использовании достижений науки и техники для управления социальными процессами. Во втором — об изощренной «интеллектуальной технологии» как средстве манипулирования сознанием и поведением людей. Таковы две стороны футурологической медали.

На протяжении последнего десятилетия в США

---

¹ «Observer», 10 January, 1971, p. 21.

было вложено свыше двухсот миллиардов долларов в научные исследования и разработки, требуемые развитием современной научно-технической революции. Не будет преувеличением сказать, что многие десятки, если не сотни, миллионов долларов из них были прямо или косвенно израсходованы на различные футурологические исследования. Так называемый «бум прогнозов», в том числе и социальных, о котором не перестает писать мировая печать, своим появлением на свет и последующим стремительным взлетом в основном обязан щедрости гигантских монополистических корпораций.

Наиболее типичным в этом отношении является пример «Интернэшнл бизнес мэшинз (ИБМ)», ведущей корпорации по производству вычислительных машин и электронного оборудования. В 60-х годах она вложила 5 миллиардов долларов в развитие интегральных схем и создание знаменитой модели ИБМ-360, одной из наиболее совершенных вычислительных машин «третьего поколения». Одновременно она выделила миллионы долларов на исследование социальных и экономических последствий научно-технической революции, взяла на себя обязательство финансировать в течение десятилетия программу исследований технологии и общества Гарвардского университета, субсидировала футурологические конференции и публикации, посвященные, в частности, перспективам бизнеса в предстоящие десятилетия. ИБМ — далеко не единственный пример подобной заинтересованности корпораций в футурологических исследованиях. В качестве иллюстрации можно сослаться и на «Дженерал электрик», которая была одним из учредителей футурологической организации «Уорлд фьючер сосайети», издающей журнал «Фьючерист»; и на фонд Форда, который предоставил около 5 миллионов долларов корпо-

рации «Ресурсы для будущего», субсидировал деятельность «Института для будущего» в Коннектикуте, активно поддержал «Международную ассоциацию по изучению будущего», основанную известным французским футурологом Бертраном де Жувенелем, японский комитет по экономическому развитию и многие другие начинания в области социального прогнозирования; и на фонд Карнеджи, который финансировал Комиссию 2000 года Американской академии искусств и наук, проекты исследования будущего в Латинской Америке, в Индии и т. д. Крупнейшие японские фирмы субсидируют исследования национального футурологического общества; они обеспечили финансовую поддержку международной конференции на тему «Мир в 2000 году» осенью 1967 года в Токио и международной конференции по исследованию будущего весной 1970 года в Киото. Значительные средства на социальное прогнозирование ассигнованы английской корпорацией «Империал кемикл индастриз», западногерманской компанией «Фольксваген», итальянскими фирмами «Фиат» и «Оливетти» и т. д.

Футурология, как считают многие, призвана заменить традиционные, изжившие себя формы буржуазной идеологии. Не кто иной, как изобретатель самого термина «футурология» Осип Флехтхайм разъяснял на международной конференции по социальному прогнозированию в Осло в 1967 году, что этот термин был введен им в 40-х годах в США с целью отмежеваться как от одиозных идеологических доктрин прошлого, так и от «марксистского утопического мышления». Футурология, задуманная им как привлекательный, позитивный контраст и идеологии и утопии, должна была помочь вновь увлечь широкие массы буржуазно-демократическими социальными идеалами и ценностями. Не случайно также, что расцвет футу-

рологии на капиталистическом Западе хронологически совпал с настойчивой пропагандой концепции «деидеологизации» современного общества, а один из наиболее видных представителей этой концепции американский социолог Дэниел Белл, автор книги «Конец идеологии» (1960 г.), возглавил Комиссию 2000 года и ныне пользуется огромным авторитетом среди футурологов.

Миф о «деидеологизации» общественных наук и политической жизни в современную эпоху с самого начала был направлен против марксизма, а также любых иных радикальных течений на Западе. Это не скрывали сами его проповедники, среди которых наряду с Д. Беллом были такие видные буржуазные социологи, как Эдвард Шилс, Сеймур Мартин Липсет, Реймон Арон и многие другие. Под предлогом критики «доктринерства, фанатизма, идеологической одержимости» они призывали человечество «освободиться от навязчивых взглядов и фантазий, от треволений идеологов и фанатиков» (Шилс), изображали идеологию вообще и революционные традиции как якобы «опиум интеллигентов» (Арон) и предвещали «истощение политических идей» и грядущий «закат идеологической эры» (Белл)¹.

Надо сказать, что эта концепция настойчиво насаждалась буржуазной пропагандой и получила сравнительно широкое распространение среди интеллигенции на Западе, особенно среди тех ее представителей, которые усматривали в ней благовидное оправдание для своего сотрудничества с господствующими классами капиталистического общества. Однако популярность мифа о «конце идеологии» оказалась недол-

---

¹ См. Л. Н. Москвичев, Теория «деидеологизации»: иллюзии и действительность. М., 1971.

говечной. С резкой критикой концепции «деидеологизации» выступили не только марксисты, убедительно показавшие несостоятельность противопоставления науки и идеологии, но и многие демократически настроенные социологи в лице Райта Миллса, Ирвинга Хоровица, Ла Паломбары и др. Отречение от идеологии, как подчеркивали они, означало бы примирение с существующим строем, со всеми его социальными несправедливостями. В сущности, отмечал, например, Миллс, это отречение является мнимым, ибо «конец идеологии, конечно же, сам является идеологией, пусть фрагментарной и, быть может, скорее даже выражающей определенное умонастроение. Конец идеологии — это в действительности идеология конца: отказа от политической сознательности как общественного явления»¹.

Резкое обострение противоречий и конфликтов в капиталистических странах на исходе 60-х годов сопровождалось, как и предсказывали марксисты, усилением политической и идеологической борьбы. Социальный кризис, в который оказалась ввергнута капиталистическая система, возвестил не о «закате идеологической эры», но о конце «конца идеологии» как сколько-нибудь правдоподобной социологической концепции. Теперь об этом пишут не только противники этой концепции; даже наиболее дальновидные ее представители предпочитают ныне отмежеваться от нее. Поучительно в этом смысле недавнее признание Дэниела Белла в одной из его статей, посвященных социальному кризису американского общества: «...целый ряд социологов, в том числе Реймон Арон, Эдвард Шилс, С. М. Липсет и я сам пришли к выводу, что для 50-х годов характерной чертой был «ко-

¹ См.: P. Jacobs and S. Landau, *The New Radicals*, New York, 1966, p. 104.

нец идеологии». Под этим мы подразумевали, что прежние политические идеи и радикальные движения истощили себя и не обладают способностью возбуждать страсти или приверженность к себе среди интеллигенции». Белл не довольствуется тем, что задним числом «исправляет» смысл данной концепции, ограничивая ее применимость лишь одним десятилетием в *прошлом США*, тогда как в действительности она претендовала объяснить будущее «индустриального общества» в целом. Оправдывая неспособность американских социологов предвидеть социальный кризис 60-х годов, Белл сетует на то, что хотя его глубокие корни лежали в прошлом, но «многое... было затемнено в 50-х годах», торжествующий консерватизм которых следует рассматривать как своего рода «историческую аномалию», лишь временно прервавшую вековое необратимое наступление радикализма.

И, наконец, свои рассуждения он завершает красноречивым примечанием: «Я намерен подчеркнуть, что содержание концепции «конца идеологии» отнюдь не предполагает, что все социальные конфликты завершились и что отныне интеллигенция навсегда отреклась от поисков новой идеологии»¹.

В настоящее время на Западе призывы к возрождению идеологии и идеологической борьбы исходят не только от радикально настроенных деятелей, но и от многих либералов и консерваторов. Само понятие «идеология», еще недавно употреблявшееся в правительственных и деловых кругах, а также в академическом мире в пренебрежительном смысле, неожиданно обрело респектабельность. Об идеологическом обновлении американского общества печется ныне даже такой орган государственно-монополистического капита-

---

¹ «The Public Interest», № 21, Fall, 1970, p. 24.

ла, как журнал «Форчун», который прямо ведет речь о возрастании идеологии в деятельности корпораций. «Больше анализа, больше планирования, более широкий взгляд на вещи и лучшая идеология — вот что необходимо для успеха», — настойчиво поучает он бизнесменов¹.

Именно в такой социальной обстановке на смену «концу идеологии» пришла «футурология», призванная в какой-то мере реабилитировать американских социологов в глазах общественного мнения. В этой связи весьма поучительны размышления Кришана Кумара о возникновении футурологии, опубликованные в английском еженедельнике «Лиснер»: «В 50-х годах некоторые видные американские интеллектуалы провозгласили так называемый «конец идеологии» на Западе... Эта оценка ими положения дел в наших индустриальных обществах сейчас, разумеется, воспринимается как небылица: назидательная сказка близоруких провидцев, явная идеология и поразительное самодовольство». Однако, продолжает Кумар, поборники этой концепции тоже извлекли урок из своего плачевного опыта:

«В течение этого десятилетия утраченных иллюзий теории «конца идеологии» сохраняли подозрительное молчание насчет насущных проблем. Быть может, перед лицом такого тотального краха их предвосхищений у них и не было никакого иного выхода. Теперь, однако, мы можем убедиться, что на протяжении этого периода они были весьма деятельны. Столкнувшись с очевидным распадом системы, которую прежде считали «здоровым обществом», они были заняты тем, чтобы разработать новое предвосхищение и новую идеологию. Поскольку идеологические

---

¹ «Fortune», October, 1970, p. 150.

доктрины сами себя таковыми не рассматривают и приобретают особое наименование лишь после того, как обстоятельства, вызвавшие их появление, канут в прошлое, то эта новая идеология пока что не имеет общепринятого обозначения. Мы наблюдаем ее в процессе становления. Но ее отличительная черта состоит в том, что она черпает свои перспективы не из прошлого, а из будущего. Ее научная сфера — исследование будущего, «футурология». А ее социальной опорой являются футурологические исследовательские институты, поддерживаемые правительствами, промышленностью и частными фондами, и заправляют ими многие лица из прежней клики 50-х годов»¹.

Кумар не одинок в подобного рода оценках.

Одновременно с повальным увлечением футурологией на Западе все чаще высказываются «веские подозрения, что большая часть литературы о будущем, особенно когда она затрагивает специфически социологические проблемы (в отличие от технологических изменений), на самом деле представляет собою не более чем риторическую позицию при обсуждении актуальных социальных проблем». Так, полемизируя с Беллом, согласно которому «назначение предсказания состоит не в... облегчении социального контроля, а в расширении сферы морального выбора», профессор Мичиганского университета Отис Дадли Дункан предостерегает от опасности слепой веры в прогнозы: «Как хорошо понимает Белл... когда работа, посвященная социальному анализу, завершающаяся изображением будущего, навязывает слепую веру, она становится идеологией, делающей уверовавших в нее своими интеллектуальными и моральными пленниками»².

---

¹ «The Listener», 18 February, 1971, pp. 204—205.

² „The Public Interest“, № 17, Fall, 1969, pp. 106--107.

Но даже в том случае, когда такого рода футурологические прогнозы не внушают большого доверия, они выполняют своего рода отвлекающую функцию, то есть объективно вынуждают пренебрегать насущными проблемами современности или же смотреть на них сквозь призму мнимого будущего. Подобное воздействие футурологических прогнозов на индивидуальное сознание и общественное мнение американский социолог Виктор К. Феркис обозначает даже специальным термином «футурологическая интоксикация» и, поясняя свою мысль, пишет: «Таким образом, те, кто убежден, что радикальные изменения происходят в обществе в результате технологического процесса, часто имеют склонность третировать проблемы настоящего, либо по меньшей мере увлекают других на этот путь. Если мы вступаем в новую «эпоху универсальной технологии», тогда различия между США и СССР выглядят не столь важными. Если проблема будущего сводится к тому, что делать с досугом в век автоматизированного изобилия, тогда, очевидно, классовой борьбой в США можно пренебречь, как не имеющей долговременного значения... Когда предсказывают, что новые технологические достижения позволят преобразить весь мир в сад или сделать передовые страны столь изобилующими, что они смогут содержать менее развитые за счет своих излишков, тогда революционное брожение, охватившее «третий мир», теряет свое значение» и т. д.¹ Футурологические экскурсы, следовательно, далеко не безобидны даже в том случае, когда они, казалось бы, беспристрастны и наивны.

Все это заставляет обращать внимание не только

---

¹ V. C. Ferkiss, *Technological Man: The Myth and the Reality*. New York, 1969, pp. 15--16.

на методологическую и теоретическую обоснованность социальных прогнозов, но и на их идеологическое содержание, на то, чьим интересам они объективно служат.

Идеологическая функция футурологических концепций становится вполне очевидной в таких акциях, как организация в 1967 году в США симпозиума на тему «Следующие пятьдесят лет: 1967—2017 годы», издание американской Ассоциацией внешней политики книги «К 2018 году». Конечно, никому не возбраняется стремление мысленно проникнуть в грядущее столетие; больше того, демографические, градостроительные, экологические и иные прогнозы долгосрочных тенденций на 50 и даже 100 лет вперед могут быть вполне оправданными и целесообразными. Однако совершенно нелепыми и научно несостоятельными были бы при этом попытки приурочить такие прогнозы не к десятилетиям, а к годам. Вот почему, приурочивая свои предсказания к 2017 или 2018 году, буржуазные экономисты, социологи и политологи просто набрасывают футурологические одеяния на свои идеологические мероприятия и кампании. В самом деле, то, что выглядит явно бессмысленным с точки зрения научной экстраполяции, приобретает весьма определенный идейно-политический смысл как изощренная попытка воздействовать на общественное мнение с целью умалить значение 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции, извратить события в 1967 и 1968 годах, досадные для правящих кругов на Западе.

В своих прогностических экскурсах буржуазные футурологи устремляются не только в следующее столетие, но даже в... XXV век, о чем свидетельствует, например, появление любопытной книги Бернхэма Патнэма Беквита «Следующие 500 лет: научные предска-

зания главных социальных тенденций»¹. Разумеется, ни о каком серьезном научном прогнозе на такой срок вообще не может быть и речи.

Социальное прогнозирование вообще и футурология в частности весьма неоднородное в теоретическом и в социальном отношениях явление. В условиях современного государственно-монополистического капитализма в области социального прогнозирования имеет место столкновение различных направлений, течений и школ, не говоря уже о футурологических концепциях. Это столкновение объективно обусловлено классовыми интересами и противоречиями; оно отражает борьбу между различными социальными идеалами. В калейдоскопе имен и концепций можно тем не менее весьма четко выделить два основных направления, хотя неоднородных по представительности и влиянию, но отличающихся друг от друга прежде всего по социальному содержанию, *буржуазно-апологетическое*, так или иначе выражающее интересы и стремления государственно-монополистического капитала, и *социально-критическое*, в большей или меньшей мере отражающее опасения широких слоев населения. На периферии этих двух направлений существуют весьма пестрые право- и левоэкстремистские течения, которые, несмотря на радикальные взгляды и лозунги, практически не в состоянии противопоставить первым двум сколько-нибудь ясной социальной перспективы. Следует отметить, что и внутри основных направлений ведется острая борьба, происходит столкновение различных концепций предстоящего развития общества. Так, апология государственно-монополистического капитализма сопровождается борь-

---

¹ B. P. Beckwith, *The Next 500 Years: Scientific Predictions of Major Social Trends*. New York, 1967.

бой между представителями трех социальных групп, выражающих партикулярные интересы «Большого бизнеса», «Большого государства» и «Большой науки», каждая из которых претендует на ведущую роль в будущем. В конечном счете за всеми футурологическими концепциями явственно выступают классовые интересы.

Легенда о мнимой «идеологической нейтральности» и «политической беспристрастности» футурологии теперь уже мало кого вводит в заблуждение. Как подтвердила III Международная конференция по исследованию будущего, состоявшаяся осенью 1972 года в Бухаресте, буржуазные футурологи сами склонны отказаться от декларации «чистой науки», призванной якобы лишь просветить людей относительно предстоящих событий, и открыто пишут об идеологическом назначении как чужих, так и своих собственных концепций будущего. Так, Энтони Винер, ближайший сотрудник и соавтор Германа Кана, в своем пространном докладе «Виды человечества на будущее и идеология 2000 года» отмечал, что нормативная идеологическая функция социального прогнозирования не менее важна, чем ее описательная и познавательная функция. «Мы подчеркиваем, что необходима новая идеология, которую мы называем идеологией 2000 года», — заявляет Винер. Он не скрывает при этом, что «рассматривает идеологию 2000 года как более или менее западную капиталистическую идеологию», намеренно противопоставляемую, с одной стороны, марксистской идеологии, а с другой — идеологии, господствующей в экономически отставших странах «третьего мира»¹. Речь идет о том, разъясняет Винер, чтобы

---

¹ A. J. Wiener, *The Prospect for Mankind and a Year 2000 Ideology*. Hudson Institute, 1972, pp. 4—5.

не просто нарисовать яркую картину будущего, но вдохновить ею правящую элиту Запада, а затем посредством пропаганды убедить общественное мнение воспринять это предвосхищение будущего в качестве социального идеала.

1.

ПОЛИТИКА, ОПРОКИНУТАЯ В БУДУЩЕЕ

У меня не выходит из головы одна фраза из старой исландской саги: «Снорри был самым мудрым человеком в Исландии, только он был лишен дара предвидения».

Мудрец, лишенный дара предвидения. Чем больше я приглядываюсь к западному обществу, тем больше эта мысль приходит мне на ум. Она не оставляла меня в покое ни в Соединенных Штатах, ни в Западной Европе. Наша самоуверенность огромна; мы знаем как свои пять пальцев, что и как следует делать. Только этого мало. Вот почему мне кажется желательным, чтобы деятели науки приняли участие в наших делах. Будет горько и обидно,

*если самой лучшей для нас эпитафией,
когда пронесутся исторические бури,
будут слова: «Это были самые мудрые
люди, но беда их состояла в том,
что они лишены были дара предви-
дения».*

Чарлз Сноу

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АЙСБЕРГ МОНОПОЛИЙ

Научно-техническая революция определенно вызвала довольно серьезные сдвиги в идеологических настроениях, преобладающих на монополистическом Олимпе. Среди крупнейших предпринимателей и управляющих верхов ныне пользуются популярностью иные социальные доктрины и экономические теории, чем еще десятилетие тому назад. Хотя их основные классовые установки претерпели при этом лишь смещение акцентов, они ныне, как правило, облачены в модные футурологические концепции. Выявление этих подлинных настроений позволяет многое понять в идеологических функциях социального прогнозирования на капиталистическом Западе. «Идеологи всегда проливали яркий свет на позиции господствующих классов, но в деловом обществе, где нет официальных идеологических установок, нелегко достоверно выяснить, какое из заявлений может быть воспринято «серьезно» как выражающее действительные настроения деловых кругов, — иронизирует либеральный американский социолог Роберт Хейлброунер. — Часто случайная фраза, вроде знаменитого заявления Чарльза Вильсона: «Что хорошо для «Дженерал моторз»,

то хорошо и для Соединенных Штатов, и наоборот», оказывается для нас более поучительной, чем изучение «программных документов» Национальной ассоциации промышленников или Торговой палаты»¹. Хотя много усилий было затрачено на то, чтобы выудить мнение «Большого бизнеса» из подобных официальных деклараций, продолжает он, беда, однако, состоит в том, что многие фирмы участвуют в деятельности целого ряда организаций, так что, следуя этому методу, пришлось бы умозаключить, будто они нередко придерживаются взаимно исключающих взглядов.

Вот почему, для того чтобы отличить подлинное веяние времени в настроениях «Большого бизнеса» от словесной дымовой завесы, следует в первую очередь обратиться к материалам, предназначенным для сравнительно узкого круга «посвященных», а уже во вторую — к идеологическому товару для массового потребления. Именно эти материалы красноречиво свидетельствуют о стремлении руководства ведущих корпораций «идти в ногу с веком», разумеется, в меру своих возможностей и интересов. В отличие от консервативных кругов (в том числе и в собственной среде), цепляющихся за социально-экономический статус-кво, увядшие политические традиции и идеологические предрассудки, неспособных скрыть своего страха перед будущим, «просвещенные» представители «Большого бизнеса» весьма решительно экстраполируют свой социальный идеал и свои экономические интересы в будущее, связывают с ним более чем смелые надежды. Их футурологическое кредо коротко сводится к заклинанию: «Будущее принадлежит большим корпорациям!»

---

¹ Robert L. Heilbroner, *The Limits of American Capitalism*. New York, 1966, p. 29.

Главный сдвиг в идеологических настроениях «Большого бизнеса» за истекшее десятилетие выражается в переходе от желания как-то приспособиться к необратимым изменениям, которыми сопровождается научно-техническая революция, к стремлению приспособить ее ход к своим долговременным интересам. Это придает буржуазно-апологетическому направлению в социальном прогнозировании воинствующий характер. Оно призвано теоретически обосновать намерения «Большого бизнеса» монополизировать плоды научно-технической революции, ввести ее экономические и социальные последствия в приемлемое для себя русло, присвоить себе решающий голос в определении политических целей, короче говоря, завладеть будущим.

В современных условиях апологетический характер этого направления проявляется не столько в оправдании капитализма вообще, сколько в тенденциозном обосновании своего рода «естественного права» на будущее со стороны государственно-монополистического капитализма. Рассматривая будущее как свое монопольное достояние, «Большой бизнес» возлагает на социальное прогнозирование вполне определенную идеологическую миссию — сделать свои представления о будущем достоянием возможно более широких слоев населения, навязывая общественности мнение об идентичности их обоюдных долговременных интересов.

Быть может, наиболее выразительно и недвусмысленно эта установка изложена в одном из тематических выпусков журнала «Дедалус», посвященном проблеме «Перспективы бизнеса» и являющимся итогом двух конференций, в которых приняли активное участие видные представители деловых кругов и их органов печати, профессора высших школ деловой администрации и руководители известных фи-

лантропических фондов. «Этот выпуск «Дедалуса» озаглавлен нейтрально. В беспристрастных словах «перспективы бизнеса» едва ли содержится какой-либо полемический намек, однако читатель не должен быть введен в заблуждение насчет того, что в данном случае предпринято, — считает нужным предупредить издатель. — Авторы тщательно избегали выражений, которыми часто пользовались с целью осудить либо восхвалить бизнес за то, что он сделал или же, напротив, не сделал. Они предпочли рассмотреть, не переживает ли бизнес, и в особенности крупная корпорация, переходный период, имеющий важное социальное и политическое значение... не находится ли он в таком положении, которое заставляет его возложить на себя новые задачи, связанные так или иначе с углублением социального кризиса нашего времени»¹. Как явствует из последующего изложения, «Большой бизнес» отнюдь не считает научно-техническую революцию угрозой своим интересам и расценивает «сообщение о предстоящей ему смерти как преждевременное». Пресловутая беспристрастность заглавия испаряется, как только речь заходит об отдельных статьях, носящих вполне тенденциозные названия: «Новые перспективы американского бизнеса», «Могущество бизнеса сегодня и завтра», «Бизнес в XXI веке» и т. п.

Научно-техническая революция, по единодушному мнению авторов, «не умаляет, а скорее увеличивает способность корпорации выжить и расти». Она, по их мнению, открывает перед «Большим бизнесом» новые горизонты для предпринимательской деятельности, новые сферы приложения капитала и извлечения прибылей, новые возможности для упрочения и распростра-

---

¹ „Daedalus“, Perspectives on Business. Winter 1969, p. V.

нения своего влияния как в Соединенных Штатах, так и за их пределами. Так, перечисляя потенциальные рынки сбыта, Эли Голдстон, президент «Истерн гэз энд фьюел ассошиэйтз», подчеркивает значение изобретения новых потребительских товаров, экономической экспансии за рубежом, правительственных программ борьбы с бедностью и вовлечения бизнеса в сферу социального обеспечения. Новые гигантские задачи и перспективы, которые возникают перед обществом в ходе технологического переворота, дескать, по плечу только гигантским корпорациям, уверяет профессор Высшей деловой школы при Колумбийском университете Нейл У. Чемберлен, ибо подобные задачи, как правило, предполагают громадные финансовые затраты, большой риск в начинаниях и долгий срок окупаемости, которые может себе позволить лишь «Большой бизнес». Современная техника, в особенности в области коммуникации, обработки информации и рационализации принятия решений, отмечает Эндрю Шонфилд, руководитель исследований в Королевском институте международных отношений, а в прошлом один из издателей «Файнэншл таймс» и «Обсервер», сняла некоторые из ограничений для размера корпораций и укрепила централизованное руководство их деятельностью, так что наиболее крупные из них со временем неизбежно станут гораздо крупнее; к концу века они превратятся в международные экономические колоссы, каждый с более чем миллионом занятых на своих предприятиях, разбросанных по всем континентам (для сопоставления достаточно сказать, что к 1970 году из ста крупнейших американских корпораций ни одна, за исключением «Дженерал моторз», не перешагнула за цифру 750 тысяч).

«Большой бизнес», как красноречиво свидетельствует данный номер «Дедалуса», отнюдь не удовлет-

ворен той ролью, которую он играет в современном капиталистическом обществе, как бы внушительна она ни была. Но его представители не столько сокрушаются о «золотом начале века», сколько уповают на его блестящее завершение и многообещающее следующее столетие. Примечательно, однако, что в своем нескрываемом стремлении к власти и могуществу они посягают не только на мелких и средних предпринимателей, но и на само государство. Конечно, никто из авторов не ставит под сомнение союз «Большого бизнеса» и «Большого государства». «Прежняя идеология бизнеса увядает, по мере того как все больше корпораций сознают, что «свободное предпринимательство» не является адекватным ответом на все национальные проблемы», — отмечает председатель коллегии издателей «Бизнес уик» Леонард С. Силк. Принцип «лессе фэр» окончательно и без сожалений ими отброшен, отдан на откуп консерваторам-ретроградом. Тем не менее апология государственно-монополистического капитализма претерпевает очевидное смещение акцента с государства «всеобщего благосостояния» на благодетельный «Большой бизнес». «Я предсказываю, что американский бизнес будет в возрастающей степени поставлять многие из материальных товаров и услуг, которые мы привыкли получать, по крайней мере со времен Нового курса, из общественных источников», — заявляет Э. Голдстон. «Крупные фирмы будут в возрастающей мере брать на себя ответственность за задачи, ныне выполняемые государством», — вторит ему Н. Чемберлен. Еще более категоричен в своем выводе Э. Шонфилд: «В настоящее время складывается впечатление, что диалог между корпорацией и государством во многом сводится к откровенному утверждению первой: «Все, что ты можешь сделать, я могу сделать лучше!» И эта претензия широко одоб-

ряется общественностью, в том числе даже многими из самих государственных служащих. Это примечательная перемена ролей по сравнению с тем, как было два-три десятилетия назад»¹.

Вдохновляющим примером подобного активного вторжения монополистических корпораций в традиционно государственную сферу Голдстон считает создание военно-промышленного комплекса. Это, по его словам, «соблазнительная модель и образец того, как бизнес может пожелать и оказаться способным взять на себя многие функции, прежде рассматривавшиеся общественной обязанностью»². В обстановке, когда мы уже привыкли к гневным филиппикам, адресованным со всех сторон этому браку по расчету между милитаристской бюрократией и крупнейшими корпорациями, авторы наперекор общественному мнению берут его под защиту. И Голдстон, и Силк называют его бастионом «технологического общества». Обоснованные предостережения насчет военно-промышленного комплекса, в том числе в прощальном послании Эйзенхауэра, Силк безапелляционно характеризует как консервативные нападки, а обличительные заявления американского социолога М. Харрингтона и других представителей «новых левых» — как безответственные упражнения в риторике.

Если верить этим выразителям взглядов «Большого бизнеса», то на очереди создание целого ряда аналогичных комплексов: «образовательно-промышленного» для обеспечения страны квалифицированными кадрами и их переподготовки; «муниципально-промышленного» для осуществления грандиозных урба-

---

¹ См: „Daedalus“, Winter 1969, pp. 177, 78, 191.

² Там же, p. 100.

нистических проектов обновления городов; «социально-промышленного» для воплощения в жизнь различных программ борьбы с бедностью и расовой дискриминацией; «развлекательно-промышленного» для заполнения растущего досуга и т. д. Было бы опрометчиво считать, что все подобные намерения зиждутся на песке. Бизнесмены — практичные деловые люди. Под свои воздушные замки они собираются подвести прочный экономический фундамент: они уже произвели соответствующие расчеты, и, по их прогнозам, осуществление этих программ создания «образцовой Америки» потребовало бы от правительства и налогоплательщиков затрат, выражающихся в астрономической цифре полутора триллионов долларов, немалая часть из которых, фильтруясь через предполагаемые комплексы, осела бы в сейфах крупнейших корпораций, как это уже произошло с государственными ассигнованиями на оборону.

В такого рода долговременных деловых прогнозах государству отводится необходимая, но второстепенная роль: оно призвано обеспечить материальные ресурсы и социальный климат для экономической экспансии «Большого бизнеса», создать своего рода питательную среду, в которой бы расцвела предпринимательская деятельность крупнейших корпораций. «Большой бизнес» готов обратить в товар все, к чему прикасается, — науку и образование, социальную справедливость и расовое равноправие, даже воду и воздух, лишь бы покупатель был платежеспособен и не жаловался на суррогат. И не следует недооценивать его изобретательности, коль скоро введен в действие государственно-монополистический механизм: монополии поставляют товар, государство его приобретает, налогоплательщик расплачивается. Пока, конечно, львиную долю федерального бюджета и налогов погло-

щает военно-промышленный комплекс, поставляющий термоядерный суррогат «национальной безопасности», широковещательные же программы «Великого общества» обречены довольствоваться крохами. Но, во-первых, федеральный бюджет может быть если не перекроен, то со временем еще более раздут под совместным давлением бизнеса и общественности; а во-вторых, стремительно растут неотложные нужды, налоги и бюджеты отдельных штатов и муниципалитетов, которые к концу 60-х годов превысили расходы государства. Еще быстрее растут индивидуальные расходы на образование, досуг, медицинские услуги и социальное обеспечение. В глазах «Большого бизнеса» эти сферы становятся все более заманчивым поприщем предприимчивости и обогащения. Деятельность Макнамары в Пентагоне, создание корпорации с целью коммерческого использования спутников (Комсат), одобренные проекты реорганизации почтовой связи в США на коммерческих началах, рекомендации гарвардской программы технологии и общества о желательности вовлечения корпораций в муниципальные проекты развития — таковы первые, но уже далеко не робкие шаги в этом направлении.

Кто знает, не вынашивают ли наиболее дерзкие представители «Большого бизнеса» умопомрачительные проекты о предстоящем в XXI веке преобразовании Пентагона в некую «Нэшнл секьюрити лимитед», департамента здравоохранения, образования и социального обеспечения — в «Дженерал уелфар лимитед», государственного департамента — в «Интернэшнл афферз корпорейшн», а Генеральной Ассамблеи ООН соответственно — в Международную ассоциацию бизнесменов? Подобным экстраполяциям в будущее, понятно, цена не больше, чем знаменитым прогнозам А. Берли, согласно которым при сохранении существу-

ющей тенденции в концентрации производства и собственности потребуется 360 лет для того, чтобы все корпорации США слились в единый конгломерат, либо же высмеянным Энгельсом расчетам, по которым один фардинг, вложенный в начале нашей эры в банк под сложные проценты, сделал бы наследников вклада обладателями всех земных богатств. Самый грозный судья для подобных наивных экстраполяций — это перерыв постепенности в виде социальных потрясений и революций, безжалостно четвертующий свои жертвы — отжившие свой срок общественные системы и учреждения — на плахе истории.

Историческая несостоятельность такого рода прогнозов, впрочем, не довод, чтобы закрывать глаза на реальные процессы, происходящие в современном капиталистическом мире. Достаточно сказать, что из 132 государств-членов ООН у 100 национальный доход ниже, чем у десяти крупнейших монополистических корпораций; и вполне можно ожидать, что к концу века любая из них по количеству занятых на ее предприятиях и зависящих от них членов семьи превзойдет численность населения многих небольших стран-членов ООН. И не один Шонфилд предполагает, что такие корпорации-гиганты смогут бросать вызов государствам на международной арене и даже третировать некоторые правительства. Его взгляды разделяют и Реймонд Вернон, профессор Высшей школы деловой администрации в Гарварде, поместивший в одном из номеров журнала «Прёв» статью, выразительно озаглавленную «Многонациональные общества против мирового суверенитета»¹, и Говард Перлматтер, который в статье «Нации, профсоюзы и многонациональные фирмы», опубликованной в солидном

---

¹ См.: „Preuves“, 3 trimestre, 1970.

футурологическом органе «Анализ э prevision», подчеркивает, что из трех названных им международных сил «у третьей больше всего шансов стать доминирующим фактором в последней трети XX века»¹.

В экономических и социальных прогнозах на предстоящие десятилетия деятельности «международных компаний» (иногда их называют также «многонациональными», «транснациональными» и т. п.) уделяется возрастающее внимание. С ними связываются более чем смелые надежды на консолидацию монополистического капитала в мировом масштабе, чтобы восстановить его господство в экономически отставших странах и противостоять дальнейшим успехам мировой социалистической системы. Некоторые буржуазные футурологи заходят столь далеко, что объявляют противоречие между независимыми государствами и международными монополиями основным конфликтом последней трети нашего века. Так, в прогнозе исследовательской корпорации «Бизнес интернэшнл» эти корпорации провозглашаются «главной силой, изменяющей структуру общества», основным фактором прогресса в нашу эпоху: «К 1985 году сегодняшний безмолвный конфликт между международной корпорацией и государством-нацией станет гораздо более очевидным. За этот период власть государства-нации будет продолжать медленно размываться, как это происходило за последние 75 лет. Возрождение национализма, ставшее фактом на протяжении 60-х годов, притушится растущей взаимозависимостью народов и экономики мира, вытекающей из фантастического развития техники и из того простого факта, что государства-нации в том виде, в каком они существовали до сих пор, превращаются

---

¹ „Analyse et prevision“, Avril 1970, p. 233.

в анахронизм, угрожающий разрушением всему человечеству»¹.

На состоявшейся летом 1971 года в Давосе встрече пятисот высших администраторов этих корпораций и их экспертов приводились расчеты, согласно которым в 80-х годах сложится всемирная индустриальная система корпораций, независимых от государств, с ежегодным оборотом от 8 до 160 миллиардов долларов: «К 1985 году около 300 сверхгигантов будут господствовать в международном бизнесе, производя более половины мировой промышленной продукции. Компания с миллионом занятых не будет выглядеть необычной в 80-х годах»².

Однако такие прогнозы, возрождающие в новых условиях обанкротившуюся теорию «ультраимпериализма» Карла Каутского, не учитывают реальной обстановки в современном мире. Деятельность «международных компаний», две трети которых и по капиталу, и по составу управляющих являются, в сущности, американскими, наталкивается на растущее сопротивление независимых государств, о чем свидетельствует, например, борьба стран — производителей нефти против нефтяных монополий, национализация медной промышленности в Чили и многие другие факты. Развитие международных монополий обостряет противоречия между трудом и капиталом, сопровождается конфликтами между монополистами отдельных стран, ведет к неустойчивости мировой капиталистической системы — в частности, к валютным кризисам и т. д.

В. И. Ленин называл подобные расчеты абстрактно теоретическими рассуждениями, оторванными от

---

¹ «1985: Corporate Planning Today for Tomorrow's World Markets». New York, 1967, p. 89.

² «U. S. News and World Report», July 19, 1971, p. 40.

социальной действительности. «Можно ли, однако, спорить против того, что абстрактно «мыслима» новая фаза капитализма *после* империализма, именно: ультраимпериализм? Нет. Абстрактно мыслить подобную фазу можно. Только на практике это значит становиться оппортунистом, отрицающим острые задачи современности во имя мечтаний о будущих неострых задачах. В теории это значит не опираться на идущее в действительности развитие, а произвольно *отрываться* от него во имя этих мечтаний. Не подлежит сомнению, что развитие идет в *направлении* к одному-единственному тресту всемирному, поглощающему все без исключения предприятия и все без исключения государства. Но развитие идет к этому при таких обстоятельствах, таким темпом, при таких противоречиях, конфликтах и потрясениях — отнюдь не только экономических, но и политических, национальных и пр. и пр., — что непременно *раньше*, чем дело дойдет до одного всемирного треста, до «ультраимпериалистского» всемирного объединения национальных финансовых капиталов, империализм неизбежно должен будет лопнуть, капитализм превратиться в свою противоположность»¹. Это ленинское предвидение, высказанное еще в 1915 году, было убедительно подтверждено последовавшим ходом истории и сохраняет свою силу поныне, независимо от того, идет ли речь об одном всемирном тресте капиталистов или же о нескольких сотнях международных монополистических корпораций, собирающихся перекроить земной шар, не считаясь с объективными закономерностями нашей эпохи и волей народов.

Представители «Большого бизнеса» уверяют, что они сознают свою «социальную ответственность»,

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 27, стр. 98.

настаивают на «искренности» своих намерений. Никто и не сомневается в их искренности. Они в самом деле искренне озабочены отношением к себе со стороны общественного мнения, например, тем обстоятельством, что, по данным проведенного в 1966 году опроса, только 9 процентов выпускников колледжей считали бизнес воодушевленным интересами общественности, и даже среди выпускников высших деловых учебных заведений по крайней мере треть из них сомневалась в том, что бизнесмен в глубине души печется о благосостоянии страны. «Большой бизнес», несомненно, искренен в своем стремлении к «социальному обновлению», поскольку это сопровождается обновлением основного капитала и сулит баснословные прибыли. Его видные представители вполне искренне готовы «служить общественным интересам», отождествляя их с интересами монополистических корпораций, а потому охотно занимают официальные посты. Но ведь и Птолемей совершенно искренне полагал, что Солнце должно вращаться вокруг Земли... Иначе говоря, искренность отнюдь не является критерием истинности.

Тем не менее в ряде случаев эта искренность справедливо заслуживает внимания. Так, отметая демагогические рассуждения о «народном капитализме», Л. Силк искренне рассматривает массу мелких акционеров как «заложников» в руках корпораций: «Это растущее превращение американцев в собственников акций, по всей вероятности, прямо или косвенно, исподволь окажет глубокое влияние на укрепление основ американского капитализма. Оно воздвигнет политический барьер на пути таких мероприятий государства, которые могли бы серьезно подорвать рост и прибыли бизнеса. Внемлют ли массы обеспеченных американцев какому-либо призыву в будущем объединиться, чтобы коренным образом изменить си-

стему, коль скоро им нечего терять, кроме своих акций, страховых полисов и пенсионных прав? Это выглядит сомнительным»¹.

Столь же искренне Э. Шонфилд набрасывает долговременную стратегию «Большого бизнеса» в борьбе за ключевые позиции в обществе. Он считает целесообразным разделить всех акционеров на две категории, сохранив право голоса лишь за постоянными держателями; ратует за введение, по примеру японских фирм, пожизненного контракта в трудовых отношениях; готов допустить представителей рабочих в наблюдательные советы корпораций, как в ряде фирм ФРГ, в обмен на право забастовки; требует от правительства специальных общественных гарантий для деятельности корпораций в сфере жизненно важных социальных услуг вплоть до предоставления им права «осуществлять полицейскую власть», если это требуется для выполнения ими своих обязательств и контрактов. В прогнозах Шонфилда корпорации отводится роль всемогущего социального арбитра. «Ее политическая власть будет значительной, — заключает он. — Она окажется способной натравливать друг на друга те силы, с которыми ей предстоит бороться. Например, можно будет опереться на массу потребителей против государства, оспаривая какой-либо дорогостоящий правительственный проект, касающийся сохранения среды во имя интересов будущего поколения людей. Или же могут сложиться обстоятельства, когда интересам корпорации будет соответствовать союз с планирующим государственным ведомством с целью навязать какое-либо непопулярное решение профсоюзам»². В конечном счете крупнейшие монополистиче-

---

¹ „Daedalus“, Winter 1969, p. 186.

² Ibid, p. 206.

ские корпорации станут подлинно международными гигантами, так что «правительствам придется соревноваться между собой ради их благосклонности».

Видное место в своих расчетах на будущее «Большой бизнес» отводит идеологической борьбе. Его представители призывают предпринимательскую элиту «покинуть идеологическое гетто» (М. Крозье). Они советуют ей руководствоваться «не традиционной и формализованной идеологией, вроде «лессе фэр», но достижением целей корпорации» (Р. Дж. Монсен). «Чтобы выполнить задачу, которая перед ним стоит, бизнес обязан, однако, обзавестись новой концепцией своей роли в обществе, — поучает Л. Силк. — В прошлом сила американского бизнеса, в сущности, вытекала из его идеологии, т. е. она-то и снабжала нацию ценностными представлениями, а также предписывала ей рамки того, что делать и чего добиваться... Эти идеологические рамки, которые мешают нам в использовании наших безграничных ресурсов энергии и воображения для улучшения жизни в Америке, нуждаются в расширении»¹.

Этот социальный заказ, как и следовало ожидать, не остался без ответа. За последние годы в американской печати появился ряд статей, непосредственно продиктованных стремлением обновить обветшалый идеологический арсенал «Большого бизнеса». Среди них обращает на себя внимание попытка «расширить идеологические рамки» деятельности корпораций, предпринятая профессором высшей школы деловой администрации Гарвардского университета Джорджем Кэботом Лоджем-младшим — сыном видного деятеля республиканской партии США. Опубликованная первоначально в университетском издании «Гарвард

---

¹ „Daedalus“, Winter 1969, p. 188.

бизнес ревью», эта статья была затем воспроизведена журналом «Форчун» под броским заголовком «Почему старомодная идеология противоречит новому предпринимательскому сознанию?», явно с намерением повлиять на умонастроение деловых кругов страны. «Мы живем в период возрастающего недоверия к целям и деятельности основных учреждений США, в том числе бизнеса, правительства, университетов и церкви, — тревожно констатирует Лодж. — В то же время нам предстоит предпринять великие начинания. Мы столкнулись с социальными проблемами беспрецедентного масштаба, столь грандиозными в действительности, что для их совокупного обозначения мы пользуемся всеохватывающим понятием «кризис окружающей среды»¹.

В деловых кругах и правительственных сферах, продолжает автор статьи, ныне стало признаком хорошего тона рассуждать о «социальной ответственности бизнеса». Однако, «прежде чем бизнес сможет предпринять широкое наступление на наши социальные проблемы, ему надлежит выступить за идеологическое обновление в США — за новый, динамический взгляд на общество и на то, как оно должно функционировать. Без таких руководящих принципов, — предостерегает он, — любая деятельность бизнеса, способная принести пользу обществу в целом, скорее всего приведет к замешательству и анархии, крайнему распылению наших усилий».

Лодж настойчиво убеждает бизнесменов отрешиться от традиционных либеральных взглядов, ведущих свое происхождение от Локка и Джефферсона. Ностальгия по индивидуальному, частному предпринимательству, свободному от государственного регу-

---

¹ «Fortune», October, 1970, p. 106.

лирования, по его мнению, приводит к тому, что экономическая деятельность «Большого бизнеса» оказывается в плену его собственных идеологических предрассудков. Пора осознать, наставляет он, что наступила эпоха радикальных изменений, и если бизнесмены желают удержать за собой ведущую роль в обществе, то они «должны опередить радикалов» в поисках «новой идеологии». Отныне уже невозможно ограничиваться лишь практическими импровизациями в ответ на насущные социальные и политические проблемы, ибо «различие между тем, что является «желательным» изменением, а что «нежелательным», в основе своей — идеологическое различие», — подчеркивает Лодж.

Прошло время, когда корпорации могли позволить себе не вмешиваться активно в сферу политики и идеологии, а государство — в сферу экономики, ревниво оберегая свои обоюдные прерогативы в обществе, отмечает Лодж. Отныне «Большой бизнес» жизненно заинтересован во всестороннем экономическом сотрудничестве с «Большим государством» и, в свою очередь, вынужден в возрастающей степени возлагать на себя политические и идеологические функции. «Быть может, — пишет он, — наиболее насущная и важная социальная ответственность бизнеса состоит в том, чтобы внести свой вклад в создание политической структуры и власти, более отвечающих требованиям времени и покоящихся на более ясной, четкой и реалистической идеологии... Как политическая сила бизнес может сыграть значительную роль. Он может и обязан финансировать и поддержать тех, кто разрабатывает новую и более практичную идеологию, а также тех, кто готов ее внедрять». Вместе с тем Лодж не может скрыть своих опасений насчет этого широкообещающего идеологического контрнаступления корпо-

раций и его возможных последствий для капиталистической системы: «В противном случае, если бизнес потерпит неудачу в том, что нужно сделать, то обвинения в несостоятельности будут возложены не только на него самого, но в равной мере и на политический строй»¹.

Готовый пожертвовать традиционной риторикой апологетов капитализма — ссылками на «свободное предпринимательство» и «независимое государство», Лодж невольно подтверждает справедливость марксистско-ленинского положения о срастании монополистического капитала и буржуазного государства как характерной черты современной эпохи. Убеждая деловые круги воспользоваться государственным регулированием в экономике, Лодж замечает, что даже национализация производства не столь страшна, коль скоро она затрагивает невыгодные для монополистического капитала сферы деятельности: например, производство энергии, оставляя в неприкосновенности прибыли от ее распределения. Такая выборочная национализация, конечно, не покушается на экономические основы капиталистической системы, как хорошо понимают дальновидные представители «Большого бизнеса». Поставленные перед альтернативой — пожертвовать прибылями ради догм либо догмами ради прибылей, они не станут колебаться, предоставив идеологам искать благовидное оправдание своему решению. Об этом достаточно откровенно писал недавно Ричард Дж. Уейлер, бывший советником Никсона в 1967—1968 годах, в связи с провозглашенной им «новой американской революцией»: «Бизнесмены требуют от пришедших к власти республиканцев вовсе не возрождения идеологии свободного и конку-

---

¹ «Fortune», October, 1970, p. 152.

рентного предпринимательства»; они ожидают компетентного управления страной и джентльменского отношения к себе, которое выражалось бы в том, чтобы государство поменьше вмешивалось там, где их интересы могут пострадать, и побольше там, где они от этого могут выиграть. «Разумеется, подобный «частичный» социализм, влекущий за собой национализацию убытков, тогда как прибыли остаются частными, предполагает определенное идеологическое лавирование...»¹ — заключает он. Такого рода признания не только любопытны, но и весьма красноречивы.

В настоящее время, в условиях научно-технической революции, особенно в США, идеология ведущих монополистических корпораций, усваивающих себе все более властный тон по отношению как к государству, так и к общественному мнению, воплощается в лозунге «лессе иннове» («дайте дорогу нововведениям»). Сформулированный по аналогии с либеральным принципом прошлого века «лессе фэр», предусматривавшим невмешательство государства в экономическую деятельность, этот воинствующий лозунг содержит в себе требование свободы рук для корпораций, беспрепятственного развития и внедрения новой технологии повсюду, где она сулит прибыль, невзирая на ее социальные издержки и заранее объявляя ретрограда́ми всех сомневающихся в ее абсолютной благодетельности. То обстоятельство, что многие либералы, отвергающие сейчас принцип «лессе фэр», одновременно ратуют за принцип «лессе иннове», как иронически замечает А. Этциони, свидетельствует не столько об их теоретической непоследовательности, сколько о практической дальновидности монополистического капитала. В этой связи несомненный инте-

---

¹ «Harper's Magazine», August, 1971, p. 37.

рес представляют размышления профессора Массачусетского технологического института Джона Макдермота, выразившего глубокую обеспокоенность широких слоев американской интеллигенции социальными перспективами своей страны. Высказанные им опасения разделяют многие «новые левые», а также значительная часть представителей демократически и либерально настроенной интеллигенции в США, и они столь красноречивы сами по себе, что вынуждают прибегнуть к пространному цитированию:

«Примерно столетие назад в жизни Америки начался период гегемонии философии *laissez faire*. Своим успехом в достижении этой гегемонии она определено меньше обязана своим достоинствам в качестве обобщенного изложения экономической истины, чем своей роли в социальной борьбе того времени. Она помогла выявить, в чем состоят интересы учреждений предпринимательского капитализма для социальных классов, господствующих над ними и извлекающих из них выгоду. Равным образом она четко набросала облик общества, внутри которого законные интересы всех могли быть, как предполагалось, обеспечены только благодаря систематическому предпочтению, оказываемому интересам капиталистов-предпринимателей, их учреждениям и их социальным союзникам. Короче говоря, значение принципа заключалось прежде всего в его идеологической роли в качестве культурного или идеологического выражения классовых интересов.

Нечто подобное может быть сказано и по поводу принципа *laissez innover*. Как обобщенное изложение взаимосвязи между социальными и технологическими изменениями, он затемняет гораздо больше, нежели проясняет, но в этом отчасти и состоит функция и гениальность идеологов. В настоящее время принцип

laissez innover представляет собой ведущую идеологию технологического импульса в американском обществе, иначе говоря идеологию тех учреждений, которые монополизируют передовую технологию и извлекают из нее выгоды, и тех социальных классов, которые усматривают в свободной эксплуатации своей технологии наиболее надежную гарантию своей власти, общественного положения и богатства... В результате технологическая рациональность сегодня столь же нейтральна, как рыночная рациональность столетие назад»¹.

По убеждению Макдермота, «речь идет об основах новейшей идеологии агрессивных правых сил в нашей стране», которые во имя научно-технического прогресса осуществляют самую настоящую апологию государственно-монополистического капитализма. «Именно эта доктрина, — подчеркивает он, — связана с интересами элиты, правящей нашей страной, и с ее экспансионистской политикой во всем мире. Отнюдь не случайно, что глашатаи этой доктрины — всякие ростов, бжезинские, хантингтоны и каны (назовем лишь несколько одиозных имен) — находятся среди наиболее ярых, неразоружившихся сторонников холодной войны у нас... Многие силы американского общества, враждебные демократии, сплотились над знаменем laissez innover».

«Большой бизнес» требует от своих идеологов заблаговременного отпущения грехов, которые намеревается совершить в предстоящем будущем. Буржуазные футурологи, вроде Кана и Винера, Бжезинского и Хантингтона, в своих прогностических откровениях как раз и стараются обеспечить его такими индальгенциями.

---

¹ J. McDermot, Technology: The Opium of Intellectuals. „The New York Review of Books“, July 31, 1969, pp. 26—27.

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДИВИДЕНДЫ

Особая роль в развитии футурологических концепций в Соединенных Штатах принадлежит Гудзовскому институту, директором которого является небезызвестный Герман Кан. Институт представляет собою типичное порождение так называемого «бума прогнозов» на Западе.

Кану нельзя отказать в дальновидности. Он одним из первых понял, что повальное увлечение социальным прогнозированием, футурологией, — это не какая-то преходящая мода в науке, а в определенном смысле насущная потребность. Если в прежние исторические эпохи глубокие общественные преобразования обычно растягивались на многие поколения, то ныне они как бы сжались во времени: века умещаются в десятилетия, десятилетия — в годы. Вот почему многие социальные последствия человеческой деятельности, носившие прежде характер отдаленных и побочных, ныне все больше превращаются в прямые и непосредственные. В этих условиях предвидение приобретает исключительно важное значение для общества. Социальные последствия открытий и технических изобретений, экономической деятель-

ности и текущих политических решений надо знать заблаговременно, пока стремительный ход событий не превратился в необратимый стихийный процесс, на который слишком поздно и не в наших силах воздействовать.

Гудзоновский институт — не только научный центр, всецело поглощенный так называемым «исследованием будущего». Он вместе с тем явно претендует на то, чтобы служить прообразом научно-исследовательского учреждения в будущем. Разместившийся в нескольких небольших зданиях псевдонорманского стиля, он насчитывает всего около ста сотрудников; половина из них — ученые-эксперты, другая — вспомогательный и административный персонал. Это не так уж много, скорее даже весьма скромно по современным масштабам. По мнению же его директора, это почти оптимальная величина для научного коллектива: лучше иметь постоянных первоклассных консультантов за стенами института, чем сотни посредственностей в его стенах. И среди консультантов, привлеченных Каном, — Реймон Арон, Дэниел Белл, Ганс Бете, Кеннет Боулдинг, Сидней Хук, Карл Кейзен, Генри Киссинджер, Макс Лернер, Эдвард Теллер и десятки других не менее громких имен, которыми мог бы кичиться любой университет на Западе.

В библиотеке гораздо больше научных докладов, правительственных отчетов и прочих документов и материалов, чем книг и журналов. Главное же достояние института — это, как говорит Кан, сотни «человеколет накопленного опыта в изучении будущего и исследовании политических проблем».

В отличие от знаменитой «Рэнд-корпорейшн» Гудзоновский институт специализируется на долгосрочном социальном прогнозировании, стремясь предвидеть последствия научно-технической революции,

перспективы экономического развития, социальных тенденций, международных отношений. Иначе говоря, институт, по словам его директора, претендует предвидеть важные события, а не охотиться за «завтрашними газетными заголовками». И это вполне отвечает интересам заказчиков. «Мы не используем Гудзоновский институт в качестве пожарной команды для текущих кризисов, он служит нам для прогнозирования событий, которые могут произойти через год или через несколько лет», — откровенно заявил представитель Пентагона.

До сих пор, несмотря на изобретенную Гербертом Уэллсом «машину времени», утописты и писатели либо заставляли своих героев видеть вещие сны, либо отправляли их в далекое будущее, погружая в многолетний непробудный сон. Гудзоновский институт никак не назовешь сонным царством. И хотя его сотрудники порой грезят наяву, они все же предпочитают путешествовать во времени, прибегая к тотальной мобилизации всех методологических средств современной науки, от парадигм до теории игр, включая системный анализ, теорию вероятностей и исследование операций. Они привлекают себе в помощь аналогию и интуицию, метафоры и парадоксы.

Большинству сотрудников института около сорока лет, и, получая каждый свыше 40 тысяч долларов в год, они принадлежат к числу самых высокооплачиваемых ученых в США. В их числе социологи и юристы Энтони Винер и Макс Зингер, инженер Роберт Панеро, математик Доналд Бреннен, специалисты в области политической науки Уильям Пфафф и Фрэнк Армбрустер. Они предпочитают афоризмы и парадоксы не столько из увлечения художественной литературой, сколько ради экономии времени. Зачем посвящать целые страницы описанию социальных

условий в капиталистических городах? И проще и яснее сказать: «XX век плюс трущобы». А сколько слов и времени можно сэкономить, если вместо пространных объяснений основных принципов международных отношений лаконично сформулировать триаду: «Друг моего друга — мой друг; друг врага — мой враг; враг врага — мой друг». Так фолианты пространных рассуждений вмещаются в лапидарные доклады. Вот почему здесь не пишут, а диктуют, не объясняют, а проецируют на экран.

В глазах Американской академии искусств и наук авторитет Кана как эксперта в области социального прогнозирования, по-видимому, перевесил его одиозную общественно-политическую репутацию: он был включен в Комиссию 2000 года, а Гудзоновскому институту было поручено «предвидеть непредвидимое». Так появился на свет сначала ряд обстоятельных докладов, подготовленных институтом для комиссии, а затем и уже упоминавшаяся, явно рассчитанная на сенсацию книга «Год 2000-й», написанная Каном в соавторстве с Энтони Винером¹.

Для буржуазно-апологетических концепций в футурологии весьма характерно сочетание технологического радикализма и социального консерватизма. Подобное сочетание со всей определенностью дает о себе знать и в панораме 2000 года, разработанной экспертами Гудзоновского института под руководством Германа Кана. О каком же грядущем поведали они человечеству?

подавляющее большинство населения развитых стран станут горожанами, в США — девять из каж-

---

¹ H. Kahn and A. J. Wiener, The Year 2000: the Framework for Speculation. New York, 1967.

дых десяти жителей. Возникнут колоссальные городские агломерации — мегалополисы, раскинувшиеся на сотни километров: Бостон сольется с Вашингтоном и образует гигантский Босваш с населением в 80 миллионов человек. Всего двадцать минут полета на межконтинентальной пассажирской ракете (то есть время, которое сейчас надо затратить, чтобы проехать на метро из центра в предместье) будут отделять его от Парижа. Появится Чипитт (Чикаго — Питтсбург), где будут проживать 40 миллионов жителей, а Лос-Анджелес превратится в третий мегалополис с 20 миллионами жителей, растянувшийся вдоль калифорнийского побережья от Сан-Франциско до Сан-Диего. И над всеми ними будет вознесен дамоклов меч термоядерной войны: к исходу столетия не пять, как сейчас, а уже пятьдесят стран будут обладать атомными бомбами, предсказывает Кан, игнорируя получивший одобрение десятков государств договор о нераспространении ядерного оружия.

Контраст в уровне жизни населения между высокоразвитыми странами, с одной стороны, и экономически отсталыми — с другой станет еще более вопиющим: национальный доход на душу населения в первых превзойдет соответствующий показатель во вторых не в 8 раз, как было накануне войны, и не в 12 раз, как сейчас, а уже в 18 раз! Между тем доля «третьего мира» в мировом населении возрастет до трех четвертей, а возможно, даже до четырех пятых.

Не только уровень, но и образ жизни населения развитых стран, полагает Кан, приблизится к американскому. Что же касается народов Азии, Африки и Латинской Америки, то им он пророчит совершенно иную перспективу: Индии и Бразилии он сулит современный американский стандарт лишь в конце XXI века, Нигерии, Колумбии — в XXIV веке, а Ин-

донезии — в XXVI веке. Ни один народ в мире не примирится с такого рода прогнозами! И коль скоро капиталистическая система не в состоянии обеспечить необходимые темпы социального и экономического прогресса, народы предпочтут некапиталистический путь, который опрокинет экстраполяции Гудзоновского института, тем более что перед их глазами пример социалистических стран.

Цифры, приведенные в книге, свидетельствуют о сохранении социальных контрастов на капиталистическом Западе. Хотя, как ожидает Кан, средний годовой доход на душу населения увеличится в США вчетверо, почти половину этого прироста поглотит инфляция, а на другую явно посягнут стремительно растущие налоги. О каком социальном равенстве может идти речь, если и в 2000 году доход двух третей американских семей окажется ниже среднего по стране в целом? Сам Кан вынужден признать, что к исходу столетия «в США все еще будет масса бедных людей».

Тем не менее в научно-техническом прогрессе Кан усматривает чуть ли не панацею от социальных язв современного антагонистического общества. Он уповает на то, что благодаря изобретению средства для депигментации отчасти удастся разрешить проклятый расовый вопрос в США, а открытие способа «стирать память» у людей и тем самым произвольно менять их индивидуальность поможет, мол, избавить страну от преступности. В отдаленном будущем не только химики станут получать в массовом масштабе материалы с заданными свойствами, но, по его предположениям, и биологи научатся, воздействуя на механизм наследственности, контролировать пол будущего ребенка и даже производить на свет людей с заранее предусмотренными физическим обликом и духовными качества-

ми. В конечном счете появятся роботы, неотличимые от людей, и люди, уподобившиеся роботам...

Пока Кан подсчитывает продолжительность рабочей недели в 2000 году (31 час в неделю, 137 рабочих дней в году), прикидывает долю негров в населении больших городов США, упоминает об объемном кино, повсеместном распространении видеотелефона, описывает вероятные достижения биологии, химии и других наук — его прогнозы сохраняют видимость научной гипотезы. Однако следует уточнить, что описываемое им грядущее «послеиндустриальное» общество либо вместе с тем окажется и «послекапиталистическим», либо будет раздираться неразрешимыми социальными, экономическими и политическими противоречиями.

Но как только он покидает почву экономических и демографических расчетов и начинает совершать экскурсии в область социальных отношений и международной политики, научные методы прогнозирования уступают место умопомрачительным спекуляциям.

Политические прогнозы Кан строит, используя так называемый «метод сценариев». «Воображение, — пишет он, — всегда было одним из важнейших средств познания будущего, а сценарий — это просто одно из многих орудий, полезных для стимулирования и дисциплинирования воображения». Таков, уверяет Кан, лучший способ погрузиться с головой в незнакомый мир грядущего, связать воедино совокупность событий, выхватывая и драматизируя их различные аспекты. И он произвольно кроит будущее человечества с еще большей легкостью, чем его коллеги сценаристы из Голливуда перекраивают историческое прошлое в фильмах-боевиках, посвященных Древнему Риму. Кстати, сомнительные аналогии с античностью постоянно фигурируют у Кана: Западная Европа сравнивается с Древней Грецией, США — с Римом, Со-

ветский-Союз — с Парфией. Не только предстоящее развитие духовной жизни общества, но и формы правления во многом выводятся из «античных циклов».

Чему только не посвящены все эти сценарии! «Путь через изоляцию к войне», «Путь через победу к тоталитаризму», «Эрозия демократии»; они группируются в многосерийные циклы «Более разочаровывающего мира», «Термоядерной войны», «Кошмаров XXI столетия»... Про подобные сценарии можно сказать лишь одно — не дай бог, чтобы они были поставлены на мировой арене: это был бы самый жуткий спектакль во всемирной истории и, быть может, последний!

Военный союз Соединенных Штатов с Канадой и Скандинавскими странами против остального мира; автоматическое подслушивание всех телефонных разговоров в стране... Приоритет на этот «сценарий» принадлежит, однако, не какому-нибудь футурологу, конкуренту Кана, а герою фантастического романа Флетчера Нибела «Ночь в Кэмп-Дэвиде». Именно там президент-параноик Марк Холленбах тайно вынашивал такие намерения, получившие название «плана Аспена». В его окружении все же нашлись люди, которые поняли, что президент лишился рассудка, и параноика отстранили от власти во избежание национальной катастрофы. Что ж, политические деятели со здравым смыслом и чувством ответственности, надо полагать, смогут контролировать ход событий не только на страницах фантастических романов, но и в реальной жизни.

В конце концов, история человечества не киностудия, где актеры послушно или же с капризами выполняют волю режиссера и играют заученные роли согласно сценарию. Ничто, по-видимому, не может обуз-

дать фантазию Кана, но в реальной жизни есть силы, которые способны помешать возможным претендентам сыграть написанные роли. Ведь народы не безучастные зрители и не безмолвные статисты истории. Из всех многочисленных сценариев будущего они предпочтут те, которые завершатся счастливым концом, а не трагическим эпилогом.

Подробное изложение не только содержания концепции, но и отдельных методов, используемых буржуазными футурологами, позволяет понять некоторые особенности идеологической борьбы в современную эпоху. Они, в частности, состоят в том, что воздействие на умы дополняется воздействием на эмоции; ныне в странах Запада стараются не столько убеждать людей, сколько поражать их воображение, манипулировать сознанием и поведением масс и прямо и исподволь.

Широковещательная реклама книги Г. Кана и Э. Винера «Год 2000-й» не без основания заставила многих усмотреть в ней не столько объективную и беспристрастную попытку предвидеть будущее, сколько намеренную идеологическую акцию, предпринятую с целью воздействовать на общественное мнение. «Некоторые обозреватели книги Кана и Винера рассматривали ее так, как если бы она была непосредственным упражнением в предсказании, и вслед за тем ополчились на авторов за то, что те старались написать историю наперед, либо уверяли, что их история будущего — сплошное заблуждение. Но это значит превратно понимать характер данного упражнения. Если бы подобные книги не были снабжены этикеткой 2000 года или же какой-либо другой датой в XXI веке, а вместо этого названы утопией, то обозреватели могли быть побуждены применить к ним более подходящий набор критериев. И прежде всего они бы

спросили, не содержит ли описание авторами их воображаемого мира что-либо дополнительное о желательной организации общества»¹, — справедливо замечает Эндрю Шонфилд в журнале «Энкаунтер». И ему в данном случае нельзя отказать в проникательности.

Однако на этом было бы преждевременно ставить точку. Ибо, сопроводив свою книгу подзаголовком, который можно перевести как «Рамки (или основы) для размышления о предстоящих тридцати трех годах», ее авторы определенно рассчитывали ввести последующие футурологические исследования, социальное прогнозирование вообще в прокрустово ложе своих статистических экстраполяций, исторических аналогий, социально-экономических альтернатив и политических сценариев. И следует отдать им должное: они в значительной мере преуспели в своем намерении.

Вместе с тем их книга дает пищу и для иных размышлений, не уместяющихся в рамках, навязываемых авторами, и явно не входивших в их намерения. Футурология, несомненно, воскрешает различные, часто весьма модернизированные утопические тенденции в социальной философии наших дней. Но было бы поспешно расценивать любой социальный прогноз как очередную утопию на том лишь основании, что в нем содержится нормативный подход к настоящему и будущему.

Социальный идеал вовсе не является прерогативой утопии. Книга Кана и Винера не утопическое, а вполне прагматическое сочинение. Ее авторы не скрывают, что важнейшее назначение футурологических исследований, подобных предпринятому ими, состоит в том, чтобы «воздействовать на основные убеждения, пред-

---

¹ „Encounter“, February, 1969, p. 15.

положения и предпочтения», а также косвенно «повлиять на политические решения». Вот почему уместно задать далеко не риторический вопрос: какой и чей социальный идеал изложен ими в книге? В каком направлении собирались они повлиять на общественное мнение и политические решения? Ответ на эти вопросы не лежит на поверхности.

В отличие от традиционных утопий, прямодушно исходивших из того, что выбор в пользу проповедуемого ими социального идеала либо уже сделан в прошлом, либо заведомо предрешен, изощренная футурологическая концепция Г. Кана на первый взгляд, казалось бы, предоставляет читателю известную свободу выбора между многочисленными и разнообразными альтернативами. На самом же деле при внимательном ознакомлении с «вероятными, но взаимоисключающими» вариантами будущего, содержащимися в книге, эта свобода (с точки зрения их предпочтения) оказывается мнимой. В веере альтернатив, предлагаемых вниманию читателя, было бы тщетно, например, искать такую (кстати, более чем правдоподобную), как торжество мира между народами, социальной справедливости, экономического благосостояния и всестороннего развития личности в условиях коммунистического общества. При всем внешнем многообразии и пестроте сценариев выбор в конечном счете ограничивается двумя альтернативами: с одной стороны, «стандартный мир» (иначе говоря, усовершенствованная капиталистическая система), «свободный от сюрпризов» (то есть от глубоких социальных преобразований) и сулящий увеличение суммы добра (умножение дохода на душу населения, увеличение досуга, продление средней продолжительности жизни и т. п.) при некотором смягчении отрицательных явлений в жизни; с другой — всевозможные

кошмарные сценарии «менее стабильного мира», «экономического застоя», «эрозии демократии» вплоть до «тоталитарного господства» и «термоядерных катаклизмов».

В сущности, социальный идеал, призванный если не увлечь, то, во всяком случае, примирить с собой общественное мнение — это не что иное как идеализированный государственно-монополистический капитализм, спроецированный в будущее. Его предпочтение заранее заложено в веере альтернатив и торчит из них, как уши царя Мидаса. При этом нас еще пытаются заставить поверить, что он сохранил способность обращать в золото все, к чему прикасается (весьма сомнительный дар, если верить легенде!), стараются убедить в том, что предпочтение оказано нами самими, и тем самым возложить на нашу совесть ответственность за выбор, исподволь сделанный за нас.

Социально-политический прогноз Збигнева Бжезинского «Америка в технотронном веке», обощенный в форме статьи, брошюры либо обстоятельных выдержек всю буржуазную печать, ни по обстоятельности, ни по содержательности не идет ни в какое сравнение с футурологическим монументом Кана и Винера. Зато по претенциозности он может заставить побледнеть от зависти кого угодно. «Наш век, — провозглашает Бжезинский, — отныне уже не является обычной революционной эпохой; мы вступаем в новую фазу метаморфозы в истории человечества. Мир находится на пороге трансформации более драматической по своим историческим и человеческим последствиям, чем те, которые были порождены будь то французской либо большевистской революциями... Как бы это ни шокировало их почитателей, но к 2000 году будет общепринято, что и Робеспьер, и Ленин были умерен-

ными реформаторами»¹. Подобная идеологическая метаморфоза, заставляющая апологета государственно-монополистического капитала выступать в роли ультраревolutionного пророка, весьма примечательна. Однако претенциозная напыщенность Бжезинского вызывает скорее насмешку, чем раздражение. Значение великих исторических событий и общественных деятелей измеряется не громкими фразами. Есть весьма простой критерий, позволяющий отличить великое от шумного, значительное от преходящего. Подлинное величие исторических событий и связанных с ними людей измеряется их влиянием на историю. Иначе говоря, если эти события и личности подлинно велики, то их значение не меркнет, а, напротив, возрастает по мере того, как мы удаляемся от них во времени, ибо гипотетическая история человечества, из которой была бы вычеркнута их деятельность, оказывалась бы с каждым десятилетием все менее похожей на действительную историю. Вот почему к 2000 году Ленин, несомненно, будет выглядеть в глазах человечества еще более великим революционером нашего столетия и всей истории.

Вклад Бжезинского в социальное прогнозирование по преимуществу сводится к изобретению громких эпитетов и обоснованию претензий технократической элиты, представителем которой он сам себя считает, вершить судьбы американского народа и всего человечества на мнимом основании ее «особой одаренности и компетентности». Что касается десяти сформулированных им черт будущего «технотронного общества», то они являются сомнительной компиляцией из тру-

---

¹ Z. Brzezinski, *America in the Technetronic Age*. В дальнейшем этот прогноз был включен в книгу «Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era», New York, 1970.

дов Комиссии 2000 года, работ Д. Белла, Г. Кана, М. Маклюэна и других, возможно более тщательно приспособленной к идеологическим запросам государственно-монополистического капитала. Социальные преобразования отождествляются им с социальной инженерией, модернизация ограничивается повсеместной «американизацией», и даже излюбленные всеми футурологами экскурсии в сферу науки и образования выливаются в примитивную попытку обосновать их приобщение к «Большому бизнесу»: «Интеллектуальная община, включая университет, могла бы стать еще одной «отраслью промышленности», отвечающей социальным потребностям, диктуемым рынком, с интеллигенцией, жаждущей высших материальных и политических вознаграждений». Заверения Бжезинского в том, что «общественные метаморфозы будут постепенными и спокойными» и не будут сопровождаться «упорной борьбой за политическую власть» со стороны ученых и интеллигенции, заслужили ему особую благосклонность «Большого бизнеса».

Буржуазно-апологетическое направление в социальном прогнозировании выступает во всеоружии сложных экстраполяций, исторических аналогий и изощренных сценариев; оно облачено в таблицы, диаграммы, парадигмы и прочие научные доспехи. Его ахиллесова пята, однако, — нищета социального воображения. Это, понятно, не индивидуальный недостаток того или иного футуролога, а неизбежное следствие исторической ограниченности их мышления, которое не в состоянии вывести своего носителя за пределы капиталистической системы. Дело не в оценке интеллектуального потенциала, которым обладает отдельный футуролог как личность, и не в организации и методологии социального прогнозирования, а в

его классовой принадлежности и политических симпатиях.

Обращая внимание на «пределы капиталистического воображения», Роберт Хейлброунер справедливо пишет: «Качество этого воображения с очевидностью выявляется, как только мы вспомним о «пророческих» откровениях насчет будущего, которыми нас часто одаряют представители бизнеса — будущего громадного изобилия, чудес техники и всеобщего досуга. В таких перспективах действительно содержится много подлинно нового и открывающего большие возможности для улучшения материального положения. Но им также присуще нечто остающееся неупомянутым и даже незамеченным. А именно — эти воображаемые общества будущего по-прежнему зиждутся на «рабочих», хотя и обеспеченных, которые трудятся на «бизнесменов», хотя и просвещенных, в системе, мотивированной и направляемой коммерческими стимулами, хотя и умеренными и утонченными. Общество же, в котором не было бы ни рабочих, ни бизнесменов, в котором сами понятия «привилегия» или «обездоленность» претерпели бы коренное изменение и ориентация на рынок была бы заменена какими-либо иными средствами обеспечения функционирования экономики, — все эти возможности для развития человеческого общества отсутствуют в капиталистическом воображении. Более того, они отвергаются как утопичные»¹. В конечном счете трезвое, прагматическое, реалистическое воображение буржуа даже в самом отдаленном будущем упирается в то же самое общество, что и окружающее его сейчас, разве лишь увеличившееся в объеме.

---

¹ Robert L. Heilbroner, *The Limits of American Capitalism*, pp. 98—99.

При всей изобретательности и оригинальности мышления такого корифея футурологии, как Кан, он также остается пленником капиталистической ограниченности. Он скрупулезно подсчитывает пропорции между рабочим и свободным временем на 2000 год, средний годовой доход на душу населения, распределение рабочей силы по сферам экономической деятельности, численность населения, воздвигает хрупкие политические сценарии. И вместе с тем он фактически оставляет без обоснованного ответа такие элементарные вопросы, как принцип распределения материальных благ и услуг и в чем будут состоять стимулы и механизмы общественного производства. Неужели можно серьезно полагать, будто вся система капиталистического предпринимательства сможет прочно покоиться на таком шатком основании, как пять автомобилей и три телевизора на семью? Не вправе ли мы предположить, что такой «стандартный мир» с насаждаемой потребительской психологией является нереальной социальной моделью? Такого рода экстраполяции существующих тенденций в будущее больше похожи на социальное неведение, чем социальное предвидение. Они напоминают сведения об «искаженном мире» в одной из фантастических повестей Роберта Шекли: «Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности; третий похож на наш мир во всем, кроме двух частности, и так далее... Труднее всего прогнозирование; как угадать, в каком ты мире, прежде чем Искаженный Мир не откроет тебе этого каким-нибудь бедствием?»¹

---

¹ Р. Шекли, Рассказы. Повести. «Библиотека современной фантастики», т. 16. М., 1968, стр. 313.

Следует сказать, что идеологи «Большого бизнеса» отчасти сами осознают этот порок своих футурологических концепций. Для социального предвидения требуется нечто большее, чем изобретательная манипуляция со статистическими данными и поверхностные аналогии с прошлым. Взывая к «историческому воображению» футурологов, Э. Шонфилд советует... брать пример с «самого Маркса». Пока что в ожидании невероятного появления «антимарксистского Маркса» представители буржуазно-апологетического направления в социальном прогнозировании готовы позаимствовать подходящие идеи и концепции у своих конкурентов среди либерально-реформистских и демократически настроенных футурологов, препарировав их соответствующим образом, чтобы они отвечали интересам «Большого бизнеса», но не утратили бы при этом известной привлекательности в глазах общественного мнения. Не скрывая разочарования в книге Кана и Винера, Шонфилд с некоторым сожалением замечает: «В поисках более пронизательного и достаточно обоснованного взгляда на 2000 год приходится посмотреть куда-либо еще, например, обратиться к социологу, обладающему глубокими знаниями в области истории идей, вроде Дэниела Белла, написавшего введение к книге Кана и Винера. Белл — изобретатель понятия «послеиндустриальное общество», которое уже вошло в обиход у передовых руководителей бизнеса, старающихся убедить своих акционеров в необходимости больших расходов на исследования и развитие»¹.

---

¹ „Encounter“, February, 1969, p. 23.

МИФ О «ПОСЛЕИНДУСТРИАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ»

Как только выявилась необратимость социальных последствий научно-технической революции и в долговременных футурологических прогнозах обозначились первые смутные контуры будущего общества, среди социологов на Западе началось своего рода состязание: каким именем наречь это общество, кому быть его крестным отцом? «Общество изобилия» и «новое индустриальное общество», «послесовременное», или «активное общество» А. Этциони, «третичная», а затем и «четвертичная цивилизация» Ж. Фурастье, «технотронная цивилизация» З. Бжезинского, «сверхиндустриальная цивилизация» О. Тоффлера, «цивилизация досуга», «технологическое общество» и т. п. — словом, недостатка в благозвучных названиях явно не было, как, впрочем, и в претендентах на роль крестного отца. Даже президент Джонсон, как известно, не удержался от соблазна связать свое правление с недолговечным «Великим обществом».

Однако в этом состязании имен главный приз достался, казалось бы, самому простому и непритязательному термину — «послеиндустриальное общество», которое ввел в обращение профессор Колумбийского

университета Дэниел Белл, председатель Комиссии 2000 года Американской академии искусств и наук. В этом была своя логика.

Концепция «послеиндустриального общества» вызвала нескрываемую зависть одних и столь же неумеренный восторг других. «История нашего поколения, история предстоящих тридцати лет будет осуществлением того, что г-н Дэниел Белл обозначил новым понятием «послеиндустриального общества», о котором нам доведется еще не раз услышать, — восторгается, например, Ж.-Ж. Серван-Шрейбер в своей книге «Американский вызов». — Мы должны запомнить это понятие. Именно оно обозначает горизонты. Оно воплощает в себе сумму коренных изменений, благодаря которым общество 2000 года в определенных частях индустриального мира окажется столь же мало похожим на то, какое мы сейчас знаем, как наше, быть может, в данный момент отличается от Египта и Нигерии»¹. Оставим, однако, подобную неумеренную рекламу на совести автора. Своим неоспоримым успехом на Западе это понятие обязано скорее своей емкости, чем яркости. Оно было естественным и логическим продолжением весьма популярной на Западе теории «единого индустриального общества» Р. Арона и У. Ростоу. И, кроме того, благодаря своей расплывчатости, подобно губке, впитало в себя целый ряд других частных концепций и доктрин. Каждый уверовавший в концепцию «послеиндустриального общества» мог позволить себе истолковывать его в соответствии со своими желаниями и социальными вкусами. Вот почему не приходится удивляться, что концепция «послеиндустриального обще-

---

¹ Jean-Jacques Servan-Schreiber, *Le défi américain*. Paris, 1969, pp. 64—65.

ства» молниеносно завоевала себе повсеместное признание не только в США и в Западной Европе, но и в Японии. Она, по утверждению Э. Шонфилда, «вошла в фольклор деловых кругов», ею оснащаются программы либеральных и реформистских политических партий, например новый манифест французских радикалов «Небо и земля». Одним словом, «послеиндустриальное общество» стало своего рода символом веры всех, кто хотел бы противопоставить теории научного коммунизма какую-либо иную привлекательную альтернативу. Иначе говоря, концепция «послеиндустриального общества» пролегла в главном русле современной буржуазной социальной мысли. Вместе с тем именно широта и неопределенность данного понятия позволила вкладывать в него весьма различный смысл и содержание, в зависимости от социальных и идеологических предпочтений его многочисленных поборников и в США, и в Западной Европе, и даже в Японии. Так, отвергая «стандарты западных ученых» в концепции «стадий экономического роста» как несоответствующие историческому опыту и своеобразию своей страны, Юдзиро Хайаши, председатель японского футурологического общества, в своем выступлении на конгрессе в Киото весной 1970 года подчеркнул «интересное совпадение» взглядов как американских, так и японских футурологов в отношении «послеиндустриального общества»¹.

В устах будь то Белла, Кана, Бжезинского, Сервана-Шрейбера, Шонфилда либо других проповедников концепция «послеиндустриального общества», хотя это понятие и произносится ими одинаково, выражает далеко не идентичные представления и устремления.

---

¹ См.: «International Future Research Conference (Preliminary Papers)», Kyoto, 1970.

Концепция «послеиндустриального общества» во всех ее вариантах своим идеологическим острием, вне всякого сомнения, обращена против теории научного коммунизма. Она предлагает свою, немарксистскую интерпретацию общественного прогресса в целом и социальных последствий научно-технической революции в частности, пытается соблазнить общественное мнение различными «неокапиталистическими» альтернативами. И эта антимарксистская направленность отдельных вариантов прямо пропорциональна их теоретической убогости и претенциозности¹.

Пресловутое «технотронное общество» Бжезинского фактически всецело светит отраженным светом «стадий экономического роста» У. Ростоу. И этому вряд ли придется удивляться, если вспомнить, что он при президенте Джонсоне был членом Совета по планированию политики государственного департамента и работал под началом Ростоу. Отдельные детали, которыми он подновил доктрину своего патрона, почерпнуты им главным образом из работ Комиссии 2000 года. Однако и в изложении Кана и Винера концепция «послеиндустриального общества» страдает теми же методологическими пороками и

---

¹ Различные варианты концепции «послеиндустриального общества» уже подвергались марксистской критике: Ю. К. Островитянов, «Постиндустриальная цивилизация» или капитализм в 2000 году? «Вопросы философии», 1969, № 7; Я. С. Хавинсон, Двухтысячный год и некоторые пророки. «Мировая экономика и международные отношения», 1969, № 7; Н. Д. Гаузнер, «Послеиндустриальное общество» и тенденции социально-экономического развития США. «США — экономика, политика, идеология», 1970, № 12; Г. И. Иконникова, Концепция «постиндустриального общества» — несостоятельная альтернатива теории научного коммунизма, в книге: «Философские проблемы общественного развития», М., 1971.

саморекламой, что и предшествовавший ей оригинал У. Ростоу, который она просто экстраполирует в будущее.

Это буквально бросается в глаза, как только мы сопоставим соответствующие места в обеих книгах. В свое время Ростоу, перечисляя свои стадии — 1) традиционное общество, 2) созревание предварительных условий, 3) сдвиг, 4) движение к зрелости и 5) массовое потребление, — уже говорил и о предстоящей, шестой в его схеме, стадии, следующей за массовым потреблением. Охарактеризовать эту стадию, как он тогда полагал, довольно-таки трудно, ибо ей будет предшествовать изменение социальных ценностей, а потому ограничился предположением, что она будет сопровождаться «уменьшением значения в глазах людей роста реального дохода» и, возможно, «повышением интереса к увеличению семьи»¹. Кан и Винер повторяют первые две стадии Ростоу, объединяют следующие две в одну — «индустриальную» и механически добавляют вслед за «массовым потреблением» стадию «послеиндустриального общества». В их интерпретации, следовательно, «послеиндустриальное общество» при всем его своеобразии не самостоятельная социально-экономическая система, не новая историческая эпоха, но лишь фаза, стадия, заключительный этап в развитии «индустриального общества». Это подтверждается, в частности, тем, что научно-техническую революцию нашего века они рассматривают как «вторую фазу» индустриальной революции, начавшейся еще в XVIII веке. Как ни склоняют они на протяжении книги «послеиндустриальное общество», предметный указатель красноречиво отсылает нас:

---

¹ W. W. Rostow, *The Stages of Economic Growth*. Cambridge, 1960, p. 11—12.

«...см. индустриальное общество». В конечном счете всемирная история в футурологической концепции Кана и Винера весьма примитивно низводится к «доиндустриальной», «индустриальной» и «послеиндустриальной» фазам, по сути, одной и той же общественной системы, как если бы все прошлое человечества исчерпывалось подготовкой настоящего (то есть капитализма), а обозримое будущее сводится к его прямому продолжению. И подобная идеологическая схема преподносится как футурологическое откровение, как последнее слово социального предвидения! Право же, она больше похожа на средневековую, схоластическую концепцию Иоахима Флорского, расчленившего историю человечества на три «царства» (бога-отца, бога-сына и, в будущем, бога-святого духа), чем даже на теологическую, метафизическую и позитивистскую стадии О. Конта.

И тем не менее этот историко-философский примитив некоторые обозреватели книги Кана и Винера пробуют выдать на Западе за реализацию «марксистской традиции» на том основании, будто их прогнозы «детерминированы... экономическим строем». Так же, впрочем, поступал и сам Росту, отмечая мнимое «совпадение» теории «стадий экономического роста» с марксистским учением о формациях. Не говоря уже о том, что самое понятие «экономика» суживается ими до техники производства, ибо из него изгоняются производственные отношения, марксистская концепция поступательного развития общества неизмеримо богаче концепции «индустриального общества» и Росту, и Кана прежде всего по содержательности; она исходит из диалектического представления о неоднократных качественных перерывах постепенности во всемирной истории, о социальных революциях и переворотах, в том числе и до капита-

лизма, тогда как и Росту, и Кан, в сущности, придерживаются эволюционистской доктрины. Материалистическое понимание истории, далее, вовсе не ограничивается утверждением, что экономический фактор в конечном счете определяет общественный прогресс. Подобно тому как идею классовой борьбы марксизм доводит до вывода о диктатуре пролетариата и торжества бесклассового общества, материалистическое понимание истории с необходимостью предполагает представление об общественном прогрессе как смене последовательных социально-экономических формаций и грядущем торжестве коммунизма во всем мире. То обстоятельство, что антикоммунизм в современных исторических условиях рядится под псевдомарксизм, свидетельствует о популярности марксизма в мировом общественном мнении.

Концепция «послеиндустриального общества» в изложении впервые ее сформулировавшего Д. Белла представляет собою, быть может, наиболее оригинальную и во многом незаурядную попытку в немарксистской социологической литературе обобщить и предвидеть социальные последствия научно-технической революции.

В своей монографии «Изменение знания и технологии» он отмечает пять главных факторов «послеиндустриального общества», которые в тенденции ведут к глубоким социальным преобразованиям:

- 1) создание сферы экономических услуг;
- 2) преобладание класса профессионально-технических специалистов;
- 3) центральное положение теоретического знания как источника нововведений и определения политики в будущем;
- 4) возможность самоподдерживающегося технологического роста;

5) создание новой «интеллектуальной технологии»¹.

Обстоятельно характеризуя новые тенденции в современном капиталистическом обществе, Белл объективно выражает интересы, надежды и опасения широких кругов университетской и академической интеллигенции, связанные с будущим. Именно этой ориентацией на творческую интеллигенцию продиктованы следующие выводы: «...если мы попытаемся представить форму общества — по крайней мере передового западного общества — примерно в 2000 году, становится ясно, что «старый» индустриальный порядок на исходе и начинается создание «нового» общества. Грубо говоря, если ведущими лицами последних ста лет были бизнесмен, предприниматель и промышленный администратор, то «новыми людьми» станут ученые, математики, экономисты и социологи, практики новой «интеллектуальной технологии», которая нарождается благодаря появлению вычислительных машин. Основными учреждениями нового общества, поскольку от них будет зависеть творческий поиск и отбор лучших талантов, будут интеллектуальные учреждения. Ведущая роль в новом обществе будет принадлежать не бизнесменам и корпорациям, какими мы видим их сегодня, но корпорациям исследования и развития, индустриальным лабораториям, экспериментальным станциям и университетам. В сущности, скелет структуры нового общества виден уже сейчас»².

Белл признает, что в его «послеиндустриальном

---

¹ D. Bell, The Measurement of Knowledge and Technology (E. Sheldon and W. Moore. Indicators of Social Change. New York, 1968, pp. 152—153).

² D. Bell, Notes on the Post-Industrial Society. Part I („The Public Interest“, № 6, Winter 1967, pp. 26—27).

обществе» интеллигенция, а тем более ученые не будут составлять подавляющей массы населения и даже просто большинства. Но ведь и сейчас, восклицает он, «большинство членов общества не бизнесмены, и все же об этом обществе можно сказать, что оно «цивилизация бизнеса». Основной социально-экономической базой творческой интеллигенции в борьбе за ключевые позиции в обществе, за влияние и власть станут, по его мнению, «мультиверситеты» — своеобразные аналоги монополистических корпораций в сфере науки и образования. Для Белла характерна подмена производственных отношений технологическими, из которых он затем непосредственно выводит господствующие типы социальных организаций, учреждений и институтов, приписывая им неоправданную самостоятельность в обществе. Если «доиндустриальное общество» породило армию и церковь, индустриальное — капиталистическую корпорацию, то в «послеиндустриальном» будут преобладать «мультиверситеты», то есть гигантски разросшиеся академические учреждения и университеты, ставшие государством в государстве. Основным фактором экономического развития в «послеиндустриальном обществе», продолжает Белл, будет уже не капитал, находящийся в руках буржуазии, а теоретическое и прикладное знание, которым будет распоряжаться интеллигенция¹. В этой технократической утопии политические знания будут диктоваться не партикулярными интересами собственников капитала, а научными соображениями, долгосрочными национальными интересами. Отличительной чертой этого общества по сравнению с предшествующим «индустриальным обществом» явится

---

¹ D. Bell, Notes on the Post-Industrial Society, Part II («The Public Interest», № 7, Spring 1967, p. 102).

также вытеснение рыночного механизма распределения товаров и услуг неким неуточняемым «социальным механизмом». Итак, заключает Белл, «послеиндустриальное общество» является также «коммунальным» обществом, в котором первоначальной социальной единицей становится не личность, а скорее община, и в нем «социальное решение» будет преобладать над простой тотальной суммой индивидуальных решений, которые, взятые в совокупности, приводят к кошмарным ситуациям, о чем можно судить на примере индивидуального автомобиля и заторов общественного транспорта»¹. В своем прогнозе Белл отмежевывается от примитивных представлений о конвергенции двух социальных систем и в этой связи пишет: «Идея послеиндустриального общества не претендует на исчерпывающий охват социальных изменений. Такие индустриальные страны, как США, СССР, ФРГ и Япония, в политическом отношении организованы по-разному, и точно так же послеиндустриальное общество может вылиться в различные политические формы»².

Концепция «послеиндустриального общества» подверглась острой критике как слева, так и справа, в частности на VII Международном социологическом конгрессе в Варне (1970 г.), на специально посвященном ей симпозиуме в Цюрихе³ и т. д. Не только марксисты, но и многие демократически и радикально настроенные социологи на Западе выявили апологетический характер этой концепции и ее буржуазно-реформистский утопизм. Комментируя содержание концепции «послеиндустриального общества», Кришан Кумар отмечал, что она в изложении Белла призвана

¹ «Dissent», Winter 1972, p. 181.

² «Encounter», June, 1970, p. 22.

³ «Survey», 1971, № 1, 2.

обосновать политические притязания представителей академического мира на ведущую роль в будущем. «Научная интеллигенция не впервые провозглашает себя незаменимым элементом нового общества, — пишет Кумар. — В свое время деятели, которых Наполеон пренебрежительно называл «идеологами», претендовали на такую же роль в обществе, порожденном французской революцией. Наполеон поставил их на место, и с тех пор уделом большинства идеологов стало просто служить в качестве апологетов тем, кто обладает властью. Я убежден, что футурологи недооценивают иррациональных побуждений в политике, и может статься, что они будут отстранены без всякого почтения к их пресловутой незаменимости. Но было бы даже больше оснований для беспокойства, если бы они оказались правы»¹.

Однако наряду с этой, пусть непоследовательной, критикой слева «послеиндустриальное общество» стало так же объектом сомнительной критики справа, примером которой может служить доклад английского социолога Джона Голдторпа на конгрессе в Варне. Правильно отмечая теоретическую и методологическую шаткость этой концепции, он далее вообще отрицает исторический детерминизм, а вместе с ним и самую возможность достоверного социального прогноза. Такая критика, какими бы благовидными намерениями она ни диктовалась, ведется с ретроградных позиций. Не в том, конечно, порок Белла и других футурологов, что они отваживаются предвидеть «непредвидимое», а в том, что они предвидят будущее плохо, ограниченно, выдают свои желания за объективные тенденции.

Развивая свои взгляды в последующих статьях и

---

¹ «The Listener», February 18, 1971, p. 205.

докладах, Белл под влиянием критики как слева, так и справа оказался вынужден снабжать свою первоначальную концепцию многочисленными оговорками, поправками, уточнениями, смысл которых в основном состоял в ограничении сферы ее применения к общественным процессам и явлениям. Чтобы спасти концепцию «послеиндустриального общества» от критических замечаний, выявивших ее теоретическую и методологическую уязвимость, он готов был пожертвовать ее претензиями на универсальность. «Послеиндустриальное общество» как социологическая концепция, утверждает Белл в последнее время, рассматривает общество лишь в одной из его плоскостей, анализируя его, так сказать, «по технологической оси» его поступательного развития. Это не исключает правомерности иных точек зрения и концепций, отправляющихся от других плоскостей сечения общества — например, политической, которая преобладает у Р. Арона, или отношений собственности, которая характерна для марксизма¹. Подобная теоретическая «терпимость» представляет собою своеобразную формулу так называемого «мирного идеологического сосуществования», продиктованную, разумеется, не силой, а слабостью концепции «послеиндустриального общества». Социологический релятивизм, однако, не может спасти теорию, противоречащую действительности; в лучшем случае он позволяет удержать ее как термин, понятие.

И все же главный удар по концепции «послеиндустриального общества», претендовавшей на роль социального идеала для современной эпохи, был нанесен не теоретической критикой, а объективным развитием социальной действительности, все более откля-

---

¹ «Survey», 1971, № 2, pp. 158—165.

нявшемся от предсказаний Белла. В настоящее время на капиталистическом Западе, как справедливо пишет американский социолог Виктор Феркис, подспудно идет совершенно иной процесс, чем пришествие «послеиндустриального общества», о котором поспешили возвестить многие футурологи. По его словам, в действительности имеет место «не столько трансформация индустриального общества в послеиндустриальное, технологическое общество, сколько его крушение в экономическом, политическом и культурном отношениях»¹.

Заслуживает внимания, что даже автор этой концепции Д. Белл под влиянием политических событий был вынужден выступить с «отрезвляющей» статьей, красноречиво озаглавленной «Неустойчивая Америка».

Дело в том, что, пока поборники «послеиндустриального общества» спорили о том, к какой дате приурочить его появление на свет, и описывали его потенциальные достоинства, выяснилось, что этот «неокапиталистический» младенец страдает всеми наследственными пороками своего родителя — государственно-монополистического капитализма. Для марксистов подобный диагноз отнюдь не новость. О том, что научно-техническая революция в условиях капитализма «ведет к воспроизводству социальных антагонизмов в еще больших масштабах и с еще большей остротой», со всей определенностью было сказано на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году и на XXIV съезде КПСС.

Научно-техническая революция, как подчеркивалось в Основном документе, принятом Совещанием,

---

¹ V. C. Ferkiss, *Technological Man: the Myth and the Reality*, p. 271.

сопровождается не только обострением прежних противоречий капитализма, но и появлением новых: «Это — прежде всего противоречие между необычайными возможностями, открываемыми научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая большую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства. Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это — не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление антагонизма между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархией»¹.

Поучительность статьи Белла состоит в том, что она при всей ее непоследовательности своим содержанием подтверждает марксистский анализ социальных последствий научно-технической революции в условиях государственно-монополистического капитализма. А то обстоятельство, что в данном случае неутешительные прогнозы насчет «послеиндустриального общества» исходят от его крестного отца, лишь придает им дополнительную убедительность.

Поборники концепции «послеиндустриального общества», в сущности, все свои расчеты строили на том, что и без глубоких общественных преобразований, без политических перемен современное капиталистическое общество с помощью постепенных «технических» реформ избавится от своих экономических противоречий и социальных конфликтов. Свои надежды на будущее они связывали с механизмом так назы-

---

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва. 1969». Прага, изд-во «Мир и социализм», 1969, стр. 18.

ваемой «социальной технологии», то есть с необоснованными предположениями, будто поток технологических изобретений и нововведений с течением времени позволит найти противоядие от всех социальных болезней капитализма: бедность, например, будет излечена усиленными дозами образования и географической мобильностью рабочей силы; социальная несправедливость искуплена тщательно разработанной системой государственной благотворительности; преступность излечена посредством психологической терапии и т. п. Увы, объективная действительность опровергла такого рода наивные, если не демагогические, расчеты. Легче оказалось изобрести 662 патентованных средства от бессонницы только лишь в Западной Германии, чем хотя бы одно сколько-нибудь эффективное лекарство от валютных потрясений, экономического спада, расовой дискриминации, забастовок, преступности и т. д.

Согласно утверждениям сторонников концепции «послеиндустриального общества» Соединенные Штаты стали первым его воплощением и призваны проторить дорогу в некапиталистическую идиллию остальным странам. Но именно Соединенные Штаты, больше чем какая-либо другая развитая капиталистическая страна, являют миру в настоящее время самую безотрадную картину политического разброда, экономической неустойчивости и социальных столкновений. В своей статье Дэниел Белл приводит ряд факторов социальной неустойчивости. Судя по его примерам, даже одного из них достаточно, чтобы вызвать глубокий национальный кризис. В современной ситуации в Соединенных Штатах, по подсчету Белла, действуют сразу семь факторов.

В самом деле, каждому из этих факторов, перечисляя их в том же порядке, мы без труда найдем крас-

норечивую иллюстрацию из современной действительности Соединенных Штатов:

— наличие неразрешимой (экономической) проблемы: инфляция, безработица, валютный кризис;

— парламентский кризис: в США все больше проявляется углубляющийся конфликт между законодательной и исполнительной властью, между сенатом и президентом;

— рост насилия, не контролируемого правительством: убийства, в том числе и по политическим мотивам, стали в США повсеместным явлением;

— экономическая неравномерность развития отдельных отраслей и районов: негритянские гетто больших городов, районы хронической безработицы и нищеты и т. д.;

— межрасовые и межплеменные конфликты: никогда в прошлом негры и белые в США не были столь отчуждены друг от друга, как сейчас;

— отчуждение интеллигенции: университетские центры страны стали очагами растущего недовольства и социального протеста;

— поражение в войне: в глазах общественного мнения как внутри страны, так и вне ее США давно уже потерпели моральное поражение во Вьетнаме¹.

Все это не требует каких-либо обстоятельных комментариев. Конечно, современное положение в Соединенных Штатах — далеко не революционная ситуация, как уверяют некоторые экстремисты; для нее совершенно явно недостает целого ряда важных объективных и субъективных факторов. Тем не менее многие американцы сами заявляют, что со времени гражданской войны 1861—1865 годов страна еще не переживала такого глубокого национального кризиса,

---

¹ D. Bell, *Unstable America* („Encounter“, June 1970).

который, по выражению Белла, ставит вопрос о «правомерности» существующей политической системы в Соединенных Штатах, то есть ее социальной «законности», в глазах значительной части населения.

В период демократического правления президентов Джона Кеннеди и Линдона Джонсона в большом ходу была весьма красноречивая формула официального оптимизма: «Дела некоторое время будут идти хуже, прежде чем повернут к лучшему». Эта формула, собственно говоря, призывала общественное мнение страны примириться с текущими трудностями и конфликтами как якобы с преходящими неурядицами и сулила американцам в скором времени вознаграждение за долготерпение. В том, что дела идут все хуже, подчас из рук вон плохо, сейчас уже никто не сомневается, но мало кто верит, что они повернут к лучшему в обозримом будущем. В настоящее время, отмечает Белл, «в стране имеет место глубочайший пессимизм», «в течение десяти лет произошел поразительный сдвиг настроений». И в первую очередь это относится к самому Беллу.

Всего три года отделяют статью Белла «Неустойчивая Америка» от его «Заметок о послеиндустриальном обществе»¹. Однако достаточно сопоставить эту статью хотя бы по ряду проблем с тем, что он писал прежде, чтобы убедиться, какую значительную эволюцию претерпели его взгляды в оценке «послеиндустриального общества».

В своих заметках «о послеиндустриальном обществе» Белл уповал на то, что в ходе научно-технической революции к власти придет восходящий «новый класс» творческой интеллигенции и высококвалифицированных технических специалистов. А теперь он

---

¹ См.: «Литературная газета», 1969, 23 апреля.

опасается усиления контрреволюционных тенденций, опирающихся на все, что есть консервативного в Америке. Тогда Белл уверял, будто в «послеиндустриальное общество» по пути США «предстоит пойти каждой стране». Теперь же он пессимистически констатирует, что неумолимый ход событий заводит Соединенные Штаты в исторический тупик, и при этом сокрушенно восклицает: «Каким образом может существовать общество при такой разобщенности?» Всего несколько лет назад он солидаризировался с технократическими идеями управления обществом, подчеркивал, что политические решения «будут носить все более технический характер», а ныне поддерживает и обосновывает общественный протест против технократии и отстаивает принцип участия масс в решении своих судеб. За эти годы «послеиндустриальная идиллия» превратилась в нечто напоминающее «послеиндустриальный кошмар». И вместо обещанных в будущем социальной солидарности и гармонии интересов Белл пишет об ожесточенной классовой борьбе, предстоящей в его «послеиндустриальном обществе».

Как ни поучительны эти перемены во взглядах Дэниела Белла сами по себе, они представляют тем больший интерес, что отражают серьезные сдвиги в настроениях значительной части американской интеллигенции за последние годы, и прежде всего ее академических, университетских кругов.

Еще совсем недавно Беллу, быть может, больше, чем кому-либо еще, подходил эпитет «официальный социолог». В своей книге «Конец идеологии», вышедшей десять лет назад, он излагал наиболее ортодоксальные (с точки зрения официальных, правящих кругов США) взгляды. В 1964 году президент Джонсон включил его в качестве официального представителя американской социологии в Национальную

комиссию по технологии, автоматизации и экономическому прогрессу, учрежденную конгрессом США для изучения экономических и социальных последствий научно-технической революции. С точки зрения тех же кругов, он оказался наиболее подходящим ученым и для того, чтобы возглавить Комиссию 2000 года Американской академии искусств и наук.

Короче говоря, Дэниел Белл наиболее видный представитель и идеолог того быстро формирующегося в Соединенных Штатах социального института, который весьма выразительно называют «Большой наукой». В лице Белла в сформулированной им концепции «послеиндустриального общества» эта «Большая наука», то есть верхушка научной интеллигенции и руководство университетскими центрами, во всеуслышание заявила о претензиях на самостоятельную роль в американском обществе. Концепция «послеиндустриального общества» в конечном счете стала удобным теоретическим обоснованием, к которому прибегает «Большая наука», чтобы отстоять свои партикулярные интересы и разделить политическую власть и влияние с «Большим государством» и «Большим бизнесом», хотя бы на первых порах и в качестве младшего партнера. Эти «посягательства», разумеется не затрагивавшие основ государственно-монополистического капитализма, опирались не только на очевидную заинтересованность и буржуазного государства, и монополистических корпораций в быстром развитии науки и высшего образования в стране, но в не меньшей мере — на возможность выступать от имени многомиллионных слоев творческой интеллигенции и студенчества. Итак, концепция «послеиндустриального общества» в изложении Белла была своего рода заявкой на будущее со стороны «Большой науки».

В этом состояло существенное различие в социальных позициях, с одной стороны, Белла и его единомышленников, а с другой — таких социологов, как, скажем, Э. Бжезинский или Г. Кан, которые просто выражают интересы государственно-монополистического истеблишмента. У них поэтому не возникала дилемма, вставшая за последние годы с такой остротой перед Беллом и его единомышленниками: чью сторону принять в углубляющемся конфликте между широкими слоями интеллигенции и государственно-монополистическим истеблишментом. Неумолимая логика событий сама толкала Белла, как и многих других либеральных ученых, на путь солидарности с оппозиционно настроенной интеллигенцией. И дело было не просто в элементарной интеллектуальной честности, в научной добросовестности и даже не в понятном желании спасти свой личный престиж. Тот выбор, который сделал Белл, был продиктован многим представителям «Большой науки» гораздо более вескими соображениями. Для них солидаризироваться с истеблишментом означало отказаться от влияния на стремительно левеющие массы интеллигенции и студенчества. Отвергнутая же последними «Большая наука», собственно говоря, никого не представляла бы и в глазах традиционной властвующей элиты Соединенных Штатов, которую она пытается потеснить у власти. Вот почему статья Белла весьма симптоматична. Она косвенное свидетельство того, что социальная брешь в американском обществе затрагивает и его привилегированную элиту. Вместе с тем это также свидетельство несовместимости коренных интересов науки и государственно-монополистического капитала.

«Послеиндустриальное общество» было призвано стать чем-то вроде «обетованной земли» для численно возрастающих слоев творческой интеллигенции,

высококвалифицированных технических специалистов и университетской профессуры. Суровая действительность капиталистического общества отвергает эту несостоятельную мечту, подрывает необоснованные надежды интеллигенции мирно ужиться с государственно-монополистическим капитализмом, ибо последний — чем дальше, тем больше — попирает ее социальные идеалы и ввергает американское общество в социальные конфликты и катаклизмы, демонстрируя беспочвенность социальных претензий «Большой науки». Среди численно растущей интеллигенции происходит еще более быстрое классовое размежевание, в ходе которого коренные, долговременные интересы подавляющего большинства все больше совпадают с интересами рабочего класса и остальных трудящихся. Социальный идеал «Большой науки», воплощенный в «послеиндустриальном обществе», выглядит все более несостоятельным как с точки зрения своей осуществимости, так и с точки зрения привлекательности для широких масс населения.

Интересы подлинной науки, то есть не «Большой науки», а Науки с большой буквы, исторически совпадают с освободительной миссией рабочего класса. Именно об этом говорил в свое время Ленин, призывая к союзу пролетариата и науки, который в условиях социализма и коммунизма приведет к такому положению, когда «...все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»¹.

Концепция «послеиндустриального общества» Дэниела Белла, в сущности, абсолютизирует научно-

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 289.

технический прогресс, противопоставляет его освободительному движению трудящихся. Социальную революцию нашей эпохи, которая ведет к утверждению коммунистической формации во всемирном масштабе, он пытается свести просто к социальным последствиям технологической революции. Возрастающий социальный антагонизм капиталистической системы он старается в основном исчерпать предстоящими изменениями в профессиональной структуре общества. Наконец, политическую борьбу за власть в обществе перенести преимущественно в сферу культуры.

Историческая ограниченность подобного социального предвидения становится очевидной, если мы прибегнем к следующей аналогии: как выглядело бы в конце XVIII века, когда началась промышленная революция, предсказание какого-либо социолога о том, что общество XIX века будет «послеаграрным», без добавления, что оно вместе с тем будет и «послефеодальным», то есть капиталистическим? А ведь именно так сейчас, в середине XX века, в условиях научно-технической революции, обстоит дело с прогнозами Белла на будущее. Его так называемое «послеиндустриальное общество» либо будет вместе с тем в конечном счете, «послекапиталистическим», то есть коммунистической формацией, либо будет до поры до времени раздираться глубокими антагонистическими противоречиями.

Убеждение в исторически преходящем характере капиталистической системы, в ее социально-экономической несостоятельности перед лицом научно-технической революции не только все шире распространяется в общественном мнении Соединенных Штатов, но и проникает также в сознание отдельных представителей «интеллектуальной элиты» господствующего класса.

Еще каких-нибудь несколько лет назад такие взгляды рассматривались в Соединенных Штатах как «еретические» и «антиамериканские». Ныне же они разделяются многими представителями официальной науки в академических и научных кругах, прорываются на страницы даже «респектабельных» изданий вроде журнала «Паблик интерес», выражающего мнения «Большой науки» в США. В специальном номере, посвященном перспективам капитализма в современном мире, издатель журнала Ирвинг Кристол констатирует, что социальные идеалы, на которых покоится капитализм, потеряли свою привлекательность в глазах общественного мнения. Этот строй отвергают в качестве социального идеала не только потому, что он не реализовал связанных с ним надежд. Отныне утратил свою привлекательность не только реальный, но и идеализированный капитализм. «Большой бизнес», по мнению Кристола, в идеологическом отношении оказывается беззащитным против обвинений со стороны общественности в пренебрежении к социальным проблемам современности. И когда в ответ на эти обвинения руководители корпораций отвечают: «О, мы можем выполнить и эту задачу, дайте нам только время», то, как скептически заключает Кристол, «нет веских оснований полагать, что они могут выполнить эту некапиталистическую задачу; равно как нет никаких оснований верить тому, что у них есть какие-либо надлежащие полномочия даже для того, чтобы попробовать это сделать»¹. Все это свидетельствует о растущей идеологической изоляции «Большого бизнеса» даже в цитадели современного государственно-монополистического капитализма.

---

¹ «The Public Interest», № 21, Fall 1970, p. 11.

«Отречение от капитализма» без одновременного, логически и исторически напрашивающегося признания, что его непосредственным преемником является коммунистическая формация, — это объективно одна из крайних форм идеологической самозащиты буржуазного реформизма в нашу эпоху, которая, как следует ожидать, станет со временем преобладающей. Буржуазные реформисты идут в данном случае по стопам социал-демократов, аналогичные доводы которых в свое время убедительно опровергал В. И. Ленин. «...Самой распространенной ошибкой, — писал в этой связи Ленин, — является буржуазно-реформистское утверждение, будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное»¹. То обстоятельство, что буржуазные реформисты предпочитают такие обозначения, как «послеиндустриальное общество» или «сверхиндустриальная цивилизация», разумеется, не меняет существа дела.

Между капитализмом на его последней государственно-монополистической стадии развития, с одной стороны, и социализмом, как первой фазой коммунистической формации, — с другой, отмечал Ленин, нет места ни для какой «промежуточной» социальной системы. «Ибо социализм есть не что иное, как ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии, — подчеркивал он. — Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией»². Вопреки рассуждениям реформистов, от

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 68.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 192.

государственно-монополистического капитализма нельзя идти вперед, не идя к социализму, продолжал Ленин, ибо «...государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*»¹.

В то время как буржуазные реформисты, всматриваясь в будущее, стараются разглядеть контуры какого-то иного «послекапиталистического общества», в действительности именно «...социализм теперь смотрит на нас через все окна современного капитализма, социализм вырисовывается непосредственно, *практически*, из каждой крупной меры, составляющей шаг вперед на базе этого новейшего капитализма»². Конечно, как предостерегал Ленин, это отнюдь не означает, что современный капитализм представляет собой наполовину или хотя бы на одну десятую социализм. Историческая близость такого государственно-монополистического капитализма к социализму — это довод в пользу насущности социалистической революции, а не в пользу терпимости по отношению к буржуазии, отмечал Ленин в своей работе «Государство и революция». Эти ленинские указания полностью сохраняют свою силу и по отношению к современным буржуазно-реформистским футурологическим концепциям.

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 193.

² Там же, стр. 193.

ГОРДИЕВ УЗЕЛ И ДАМОКЛОВ МЕЧ

— У нас, — сказала Алиса, с трудом переводя дух, — когда долго бежишь со всех ног, непременно попадешь в другое место.

— Какая отсталая страна! — воскликнула Королева. — Ну, а *здесь*, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на *том же* месте! Ну а если хочешь попасть в другое место, тогда нужно бежать, по крайней мере, вдвое быстрее!

— Ах нет, я никуда не хочу попасть!

Этот диалог, заимствованный из сказки Кэррола «Алиса в Зазеркалье», вполне мог бы быть предпослан в качестве эпиграфа к книге Олвина Тоффлера «Столкновение с будущим»¹. Выдающиеся произведения литературы, когда бы они ни были написаны, обладают непреходящей духовной ценностью, в частности, и потому, что из поколения в поколение не только воскрешают перед нами художественно запечатленное в них прошлое, но и вызывают новые злободневные ассоциации. Путешествие Гулливера в Лапуту, вероятно, даже во времена Свифта не воспринималось столь актуаль-

---

¹ A. Toffler, Future Shock, New York, 1970.

но, как сейчас, а Сэмюэля Батлера в наши дни цитируют несравненно чаще, чем при его жизни. Подобно этому и сказочная повесть Кэррола помогает понять книгу Тоффлера лучше, чем любой толковый или энциклопедический словарь. Ибо там, где стандартная логика здравого смысла отказывается воспринять и осмыслить стремительное и ошеломляющее вторжение будущего в нашу повседневную жизнь, на помощь приходит парадоксальная логика поучительной и для взрослых детской сказки.

В самом деле, разве мы ведем себя по отношению к невозобновимым естественным ресурсам планеты сколько-нибудь предусмотрительнее, чем Мартовский Заяц и сумасшедший Шляпочник во время безумного чаепития: как только очередная порция чая и печенья была съедена, они просто передвигались к следующей порции и не желали слушать ни о том, что будет, когда исчезнет последняя порция, ни о том, кто будет мыть посуду. И не заставляют ли нас рассуждения Тоффлера о «преждевременном наступлении будущего», которое воздействует на настоящее, вспомнить, что и в Зазеркалье следствия предшествовали во времени причине. Ошеломленные будущим, многие американцы сейчас оказываются в положении Королевского гонца, про которого рассказывали Алисе: «Он сейчас в тюрьме отбывает наказание, а суд начнется только в будущую среду. Ну а про преступление он еще и не думал!» Однако наиболее болезненным испытанием для десятков и сотен миллионов простых людей на Западе, несомненно, служит знаменитый «бег на месте», на который их обрекают ускоряющиеся темпы жизни в условиях научно-технической революции.

Экономически отставшие страны, находящиеся в орбите мировой капиталистической системы, прила-

гают лихорадочные усилия, чтобы нагнать передовые индустриальные державы. Их темпам роста производства в прошлом веке могли бы только позавидовать, но почти столь же быстро возрастает их население, увеличиваются ножицы цен в мировой торговле и т. д., так что в итоге контраст между бедностью и богатством в международном масштабе скорее усиливается, чем смягчается.

В развитых капиталистических странах из года в год растет производительность и интенсивность труда, растет зарплата, растут налоги, растут цены, потребности, стоимость жизни, и опять-таки до идеала обеспеченной жизни и уверенности в будущем многим миллионам семей столь же далеко, как и прежде.

Сотни тысяч и миллионы молодых людей устремляются в университеты в погоне за дипломами, призванными принести их обладателям прочное и солидное положение в обществе, а затем спустя несколько лет они обнаруживают, что все это ничуть не продвинуло их в социальной иерархии. Ведь далеко не каждая пешка может, как Алиса в Зазеркалье, стать королевой; для большинства из них, попавших в жизненный переплет, будущее выглядит как в сказке: чем дальше, тем страшнее.

Жертвой этой гонки со временем становятся и сами ученые. Пытаясь как-то совладать с нарастающей лавиной знаний, они максимально ограничивают объект своих исследований, предельно суживают круг своих научных интересов, но все равно не успевают следить за всей новой литературой, выходящей по их специальности, так что призыв «знать все больше и больше о все меньшем и меньшем» для массы специалистов превращается на практике в унылую констатацию «просто знать все меньше и меньше».

Возрастание темпов поступательного хода истории

стало теперь уже очевидной истиной. Доказывать ее — все равно что ломиться в открытые двери, и ученые ныне состязаются лишь в том, как наиболее ярко и впечатляюще изобразить эту истину и преподнести ее общественности.

Одним из первых это попытался сделать швейцарский инженер и философ Г. Эйхельберг в книге «Человек и техника».

«Полагают, что возраст человечества равен примерно 600 000 лет. Представим себе движение человечества в виде марафонского бега на 60 километров, который, где-то начинаясь, идет по направлению к центру одного из наших городов, как к финишу. Большая часть 60-километрового расстояния пролегает по весьма трудному пути — через роци и девственные леса, — мы об этом ничего не знаем, ибо только в самом конце, на 58—59-м километре бега, мы находим наряду с первым орудием пещерные рисунки как первые признаки культуры, и только на последнем километре пути появляется все больше признаков земледелия. За двести метров до финиша дорога, покрытая каменными плитами, ведет мимо римских укреплений. За сто метров наших бегунов обступают средневековые городские строения. До финиша остается еще пятьдесят метров, там стоит человек, умными и понимающими глазами следящий за бегом, — это Леонардо да Винчи. Осталось только десять метров! Они начинаются при свете факелов и скудном освещении масляных ламп. Но при броске на последних пяти метрах происходит ошеломляющее чудо: свет заливают ночную дорогу, повозки без тяглового скота мчатся мимо, машины шумят в воздухе, и пораженный бегун ослеплен светом прожекторов фото- и телекорреспондентов...»¹

---

¹ «Наука и человечество». М., 1963, стр. 31—32.

Ослеплен, но не утомлен и, не собираясь переводить дух, готов бежать дальше.

Еще более красноречивое сравнение предлагает Дж. Льюис Пауэлл, сопоставляющий 50 тысяч лет истории человечества (со времени появления кроманьонца) с 50 годами жизни одного человека. Если мы воспользуемся данным масштабом, то окажется, что всего лишь десять лет назад этот человек переселился из пещеры в первое, сделанное своими руками жилище; пять лет назад овладел грамотой; два с половиной года прошло с тех пор, как он познакомился с законами логики и механики; полгода назад он изобрел книгопечатание и узнал, что Земля, на которой он живет, — это шар, вращающийся вокруг Солнца; два месяца истекло с тех пор, как он построил паровую машину, а вскоре затем открыл электричество; три недели назад построил первый самолет, изобрел радио и задумался над теорией относительности; на прошлой неделе изобрел телевизор, атомный реактор и электронную вычислительную машину; три дня назад облетел вокруг Земли на космической ракете, а вчера уже впервые побывал на Луне¹.

Теперь Тоффлер предлагает нам другой масштаб — измерить те же пятьдесят тысяч лет числом поколений, сменивших друг друга на Земле, приравняв каждое из них к шестидесяти двум годам средней продолжительности жизни человека в XX веке. (Не станем упрекать его в произвольности этого масштаба с точки зрения демографии, согласно которой интервал между поколениями колеблется около тридцати лет, а в далеком прошлом был, несомненно, короче: в конце концов, в данном случае речь идет об иллюстрации — не больше.) И в этой иллюстрации Тоффлера

---

¹ «Какое будущее ожидает человечество?» Прага, 1964, стр. 417.

умещается 800 поколений, а «подавляющая масса всех материальных продуктов, которыми мы сегодня пользуемся в повседневной жизни, впервые появилась на протяжении последнего, 800-го поколения»; именно это поколение, по его выражению, «знаменует собой резкий разрыв со всем предшествующим опытом человечества»¹.

В наш век не только неизмеримо возросли темпы истории, но одновременно удвоилась также по сравнению с предшествовавшими эпохами средняя продолжительность жизни человека, которая достигла в наиболее развитых странах 70—75 лет. А это означает, что сейчас на протяжении жизни человека в мире совершается больше исторических событий, социальных преобразований и научно-технических открытий, чем прежде за долгие столетия и даже тысячелетия. Поколение людей, родившихся на рубеже XIX и XX веков, бывшее свидетелем первого полета братьев Райт на самолете и первых опытов передачи сигналов по радио Попова и Маркони, сейчас созерцает на экранах цветного телевидения прогулку космонавтов по Луне.

В наш век Ускорение стало символом веры в прогресс, а бесконечная Спешка превращается в привычный ритм жизни. Говорят, что ни одно поколение не располагало таким количеством свободного времени, как наше. Но, наверное, никогда прежде не приходилось так часто слышать выражения «мне некогда», «я очень спешу», «у меня совсем нет времени». Неудивительно, что все больше людей скептически воспринимает посулы «свободного времени» и возросшего досуга в будущем. Социологи скрупулезно подсчитали, что сейчас «средний человек» в экономически разви-

---

¹ A. Toffler, Future Shock, p. 15.

тых странах в течение года совершает поездки на большие расстояния, посещает больше мест, встречается с большим количеством людей, получает больше информации и всякого рода впечатлений, чем у него их было в начале века на протяжении всей жизни. А поскольку количество ученых, научных публикаций, открытий и прочих нововведений имеет тенденцию удваиваться каждые 10—15 лет, то нам вряд ли удастся перевести дух в обозримом будущем: еще до конца столетия наш насыщенный переменами год сожмется до месяца...

«Будет ли этому конец!» — все чаще восклицают на Западе. Разве не превращается подобная бессмысленная погоня во многих случаях в призрачный прогресс: благодушные футурологи, например, соблазняют трудящихся 4-часовым рабочим днем к концу нашего столетия, но «забывают» предостеречь, что к тому времени в условиях кризиса городского транспорта им придется, возможно, затрачивать еще 4 часа на дорогу в свое учреждение и обратно домой. С введением сверхзвукового авиатранспорта перелет из Европы в США сократится с 7 до 3 часов, но не возрастет ли с 3 часов до 7 время, затрачиваемое на то, чтобы попасть из города в аэропорт и из аэропорта в место назначения, — об этом деликатно умалчивают. И такие парадоксы встречаются на каждом шагу: сейчас, например, почти в любую точку земного шара можно попасть в течение суток, однако иногда приходится ждать визы дольше, чем Филеасу Фоггу понадобилось в прошлом веке для того, чтобы совершить кругосветное путешествие. И когда глашатаи «общества изобилия» сулят, что в недалеком будущем многие товары массового потребления, еще недавно считавшиеся роскошью, станут столь же дешевы и доступны, как вода и воздух, в душу простого человека, терроризованного

инфляцией и экологическим кризисом, закрадывается веское подозрение, а не окажутся ли в скором времени для него и питьевая вода, и чистый воздух почти недоступной роскошью.

Некоторые социологи утешают нас тем, что ускорение темпов жизни — временное явление, что научно-технический прогресс неизбежно захлебнется в собственных противоречиях. Выступая летом 1971 года на VIII Международном конгрессе истории науки в Москве, известный американский социолог Дерек де Сола Прайс, общепризнанный авторитет в данном вопросе, заверял, что удвоение знаний каждые десять лет не может продолжаться бесконечно, ибо тогда уже спустя несколько поколений количество ученых должно было бы превзойти численность населения земного шара, включая грудных младенцев.

С тревогой глядя в будущее, Юджин Рабинович в статье «Вздымающийся вал неразумия» предостерегал: «Число людей, активно занятых в науке, стало удваиваться каждые десять лет, тогда как население передовых промышленных стран удваивается каждые 40—50 лет. С потоком научных публикаций уже невозможно справиться. Ясно, что так не может продолжаться до бесконечности. Неизбежно должна выравняться доля населения и ресурсов страны, вовлеченных в науку и технику. Но вместо постепенной стабилизации на горизонте появилось нечто более тревожное — волна антирационализма, бунт эмоциональных натур против дисциплины рационального, научного мышления»¹.

Однако подобные предсказания независимо от того, вызывают ли они вздох облегчения или же раздражение, следует воспринимать скептически. Очень много

---

¹ «Science and Public Affairs», May, 1971, p. 4.

из того, что происходит сейчас, определенно вызвало бы недоверие у наших далеких предков. Представим себе на минуту, что в середине XVIII века какому-нибудь американцу заявили, что его потомки через двести лет будут ежегодно в среднем путешествовать по 10 тысяч миль в год. С тем же основанием, что и Прайс, он мог бы сказать, что это физически невозможно, ибо тогда всем американцам пришлось бы путешествовать 365 дней в году по 50 километров в день и у них не оставалось бы времени на заботы о хлебе насущном. Вряд ли стоит уподобляться этому недоверчивому американцу и полагать вообще невозможным все то, что выглядит для нас невозможным сейчас.

Ускорение поступательного развития общества не скоропреходящее явление, которое, как утешают себя некоторые, надо лишь пережить, переждать. Это характерная черта современной эпохи, вызванная к жизни не только и даже не столько научно-техническим прогрессом, сколько возрастающим вовлечением в активную историческую деятельность самых широких масс населения. От ускорения так же нельзя укрыться, как и от тяготения, с помощью какого-нибудь волшебного «кейворита», изобретенного Гербертом Уэллсом. Человек, решившийся бросить вызов научно-технической революции, вероятно, смог бы прожить жизнь, демонстративно не пользуясь никакими товарами, средствами сообщения и информации, изобретенными после его совершеннолетия, но ему бы не удалось укрыться от всеобщего ускорения темпов жизни. И ему не понадобилось бы прожить в отшельниках даже десяти лет, чтобы мир стал для него еще более чужим, чем для Рип ван Винкля, а он сам для него ненужным.

Наглядное представление о том, как уплотнилось

«историческое время» в наш век, дает следующее сопоставление нашей революционной эпохи с предшествовавшим переходом от средневековья к новому времени, сопровождавшимся Возрождением в культуре (конец XV — начало XVII в.), Великими географическими открытиями (конец XV—XVIII вв.), Реформацией (XIV—XVII вв.), промышленной революцией (конец XVIII — начало XIX в.), буржуазно-демократическими революциями XVII—XIX веков. Сейчас аналогичный исторический переворот в технологии производства и освоении пространства, в социальных отношениях и мировоззрении людей, прежде растянувшийся на четыре долгих столетия и расчлененный во времени, укладывается в стремительные десятилетия одного XX столетия. После разгрома Великой армады и временной утраты самостоятельности Португалии понадобилось почти 250 лет, чтобы испанские и португальские колонии в Латинской Америке освободились от своих метрополий и обрели политическую независимость. От Британской же и других колониальных империй почти не осталось следа на карте уже 25 лет спустя после второй мировой войны.

Жизнь непрерывно вносит свои коррективы в самые изощренные футурологические прогнозы. И наученный чужим, в частности Германа Кана, опытом, Олвин Тоффлер не только предусмотрительно ограничивается в своей книге анализом тенденций, воздерживаясь от количественных прогнозов, но считает нужным специально оговорить: «Ни один серьезный футуролог не занимается «предсказаниями». Это занятие для телевизионных оракулов и газетных астрологов. Ни один человек, сколько-нибудь знакомый со сложностями прогнозирования, не претендует на абсолютное знание будущего... Каждое заявление в отношении будущего должно по справедливости со-

проводятся квалифицированными оговорками «если», «но» и «с другой стороны».

Его предусмотрительность, как подтвердили события, не была излишней. Не прошло и года после выхода книги Тоффлера, как многие из описанных им социальных явлений приобрели несколько иную окраску. «Экономический спад, например, уже задержал или обратил вспять некоторые из тенденций будущего, о которых столь красочно писал Тоффлер, — иронически констатирует Роберт Склар в журнале «Рэмпартс». — Он придавал большое значение конкуренции между авиационными компаниями, стремящимися соблазнить своих клиентов оформлением полета с помощью фильмов и изысканной кухни, иначе говоря, предлагающих им скорее «приключение», чем простой перелет. Но сокращение доходов и огромные затраты на капиталовложения в автобусы заставили авиакомпания урезать расходы на еду и прочий лоск. Подобным же образом нарисованная Тоффлером радужная картина жизни инженера, наслаждающегося «футуристическим стилем жизни», была радикально изменена сокращением занятости в аэрокосмической промышленности. Экономические условия могут отложить и даже отменить пришествие нового мира, описанного Тоффлером, и шок от столкновения с настоящим занять место шока от столкновения с будущим»¹.

Хотя Тоффлер и не всегда прямо называет своих оппонентов по имени, тем не менее даже беглое знакомство с футурологической литературой позволяет легко понять, с кем он полемизирует. Ибо речь идет о двух широко распространенных на Западе идейных течениях, придерживающихся весьма далеких, если не

---

¹ «Ramparts», March 1971, p. 58.

диаметрально противоположных, взглядов насчет грядущих последствий научно-технической революции. С одной стороны, это пессимистические концепции Жака Эллюля и Льюиса Мэмфорда, предрекающие человечеству порабощение техникой и утрату свободы в мире тоталитарной рациональности; с другой — концепция так называемой «социальной технологии», представители которой восторженно усматривают в современной науке и технике всемогущее средство избавления от социального зла и несправедливости. При всем различии в исходных посылах, в доводах и в выводах и тем и другим, однако, присущ своеобразный технологический фатализм, о котором французский социолог Бертран де Жувенель писал: «Жизнь в западном обществе проходит под знаком нового фатализма, убеждения в том, что наше будущее предопределено независимым от нас действием сверхчеловеческой силы, чья почти божественная природа подтверждается преклонением перед ней капитала, а именно — Технологией. Она низвергает на нас блага по своему собственному усмотрению и предъявляет нам требования, от которых мы не смеем уклониться. Подобно мифической колеснице Джагернаута, она прокладывает путь будущему, попирая нас, если мы оказываемся на ее пути, и вознося нас от успеха к успеху, если мы следуем за ней. Таким образом, технология олицетворяет собою идола, который щедро одаряет своих поклонников, не подвергаящих сомнению ее поступательное движение»¹.

Как это ни парадоксально, восклицает де Жувенель, но наша приверженность к науке, наш рационализм, кажется, ничуть не подорвал унаследованную от прошлого склонность к суеверию, к предрассудкам.

---

¹ «Values and the Future», New York, 1969, p. 219.

Мы выйдем, пожалуй, даже большими идолопоклонниками, чем наши далекие предки, наивно обоже- ствлявшие силы природы, ибо последние все же были вне их контроля, тогда как технология является творением наших рук и ее развитие зависит от наших намерений и решений. Она, в конце концов, всего лишь средство для достижения определенных социальных целей. Именно этой точки зрения придерживается в своей книге и Олвин Тоффлер, хотя ему часто недостает последовательности во взглядах и изменяет политический реализм.

Прежде всего он решительно отвергает попытки возложить на науку и технику ответственность за социальные противоречия и конфликты современного западного общества. Ему нельзя отказать в убедительности, когда он отмечает, что однажды сделанное изобретение уже невозможно «разизобрести» и, следовательно, надо не только считаться с ним, но по возможности извлечь из него всю пользу. Так или иначе, убежденно заявляет он: «Мы можем влиять на ход изменений. Мы можем предпочесть одно будущее другому. Мы, однако, не можем удержать прошлое». Поступательный ход научно-технического прогресса не только исторически неизбежен, но и потенциально благотворен для человечества, если оно сможет разумно им распорядиться в своих интересах. Благодаря достижениям науки и ее технологическому применению отныне не для ограниченного меньшинства, а практически для всех людей наконец возникла вполне обоснованная надежда на избавление от нужды и лишений, на жизнь в материальном достатке и свободный доступ к духовным ценностям и научным знаниям, накопленным цивилизацией.

Современный мир, как справедливо считает Тоффлер, страдает отнюдь не от избытка технологии, а от

ее вопиющего недостатка: десятки миллионов людей страдают от наследственных заболеваний и умирают преждевременной смертью потому, что еще не открыты эффективные средства их излечения; сотни миллионов людей в мире недоедают, бедствуют, остаются неграмотными не только вследствие эксплуатации, но и из-за крайне низкой производительности труда. Возвращение к патриархальным условиям, как бы их ни идеализировали, означало бы возвращение к периодическим голодовкам, к массовым эпидемиям, к изнуряющему физическому труду, к огромной детской смертности и т. д. «Итак, — заключает Тоффлер, — вопреки всей антитехнологической риторике Эллюлей и Фроммов, Мэмфорд и Маркузе как раз сверхиндустриальное общество, наиболее развитое технологическое общество из когда-либо существовавших, расширяет пределы свободы. Люди будущего будут пользоваться большими возможностями для раскрытия своих способностей, чем какая-либо группа людей в прошлой истории»¹. Социальная критика существующих недостатков приобретает прогрессивный смысл только тогда, когда она ведется с позиций лучшего будущего, а не сопровождается вздохами по идеализируемому прошлому. В противном случае она превращает обличителя социальных пороков цивилизации в честертоновского нового Дон-Кихота, воющего против... компьютеров.

Главным объектом критики Тоффлера, однако, является концепция «социальной технологии», претендующая на роль провозвестницы будущего. Наиболее последовательно и недвусмысленно она изложена в книге видного американского футуролога Олафа Хелмера «Социальная технология», а также в статьях и

---

¹ A. Toffler, Future Shock, pp. 282—283.

выступлениях Олвина Вейнберга, который в речи по случаю присуждения ему премии в Чикагском университете следующим образом сформулировал свое кредо: коль скоро социальные проблемы не поддаются непосредственному воздействию путем изменения поведения людей, технология призвана стать тем мечом, который разрубит гордые узел социальных противоречий. Смысл «социальной технологии» в изложении Вейнберга состоит в том, чтобы найти «обходные пути» решения различных противоречий в обществе, не прибегая к глубоким социальным преобразованиям и не затрагивая интересы и предрассудки сколь угодно значительных слоев населения. Зачем, вопрошает он, преследовать пьяных водителей автомашин, не проще ли вмонтировать специальные технические устройства, предотвращающие ее запуск, когда за руль садится пьяный? Стоит ли биться над решением расовой проблемы в США, демагогически восклицает Герман Кан, ведь легче и дешевле изобрести средство для депигментации негров? Нужны ли международные соглашения для предотвращения случайного возникновения термоядерной войны, если, как убеждают эксперты Пентагона, можно изобрести техническую систему, исключаящую заведомо подобные случайности?

Концепция «социальной технологии», пользующаяся растущей популярностью в США, пришла в конце 60-х годов на смену концепции «социальной инженерии», которая доминировала в американской социологии на протяжении нескольких десятилетий, в частности, под вывеской «человеческих отношений». Многочисленные сторонники последней ставили своей целью непосредственное влияние на сознание и поведение человека в угодном для правящего класса направлении, чтобы предотвращать нежелательные от-

клонения от «нормы», принятой в обществе, как в процессе производства, так и в повседневной жизни. Объектом «социальной инженерии» был непосредственно человек, а главным средством воздействия — манипуляция его сознанием с помощью психологического внушения. Эта концепция была практически прикладным воплощением буржуазного либерализма и умеренного социального реформаторства. В отличие от нее «социальная технология» выражает технократические устремления представителей современного государственно-монополистического капитала, в значительной мере разочаровавшихся в реформизме, изверившихся в возможности внушить массам такое поведение, которое не вытекало бы непосредственно из их интересов. Вот почему основная установка «социальной технологии» состоит в том, чтобы заставить людей косвенно, с помощью тщательно разработанной системы технических средств, вести себя определенным образом, независимо от их непосредственных желаний. Конечно, в практических условиях эта концепция еще не означает отказа от «социальной инженерии» и выступает в качестве ее все более широкого дополнения.

Вот почему, ополчаясь на «социальную инженерию», поборники «социальной технологии» сейчас передергивают карты и демагогически утверждают, что имеют в виду не робкие реформистские начинания в рамках капиталистического общества, с которыми они благополучно уживаются, а социальные преобразования вообще и в первую очередь теорию научного коммунизма, представляющую в их глазах наиболее радикальную форму «социальной инженерии». Тем самым теоретическое содержание концепции «социальной технологии» приобретает совершенно явное антимарксистское содержание, и научно-техническая рево-

люция недвусмысленно противопоставляется социалистической революции, освободительному движению трудящихся. Об этом прямо пишет в статье «Может ли технология заменить «социальную инженерию»?» Олвин Вейнберг: «Технические достижения обеспечили массовое производство товаров, которое позволило нашему капиталистическому обществу достичь многих целей марксистской социальной инженерии без прохождения через социальную революцию, которая согласно Марксу была неизбежна»¹.

Концепция «социальной технологии» исходит, следовательно, из увековечения существующих антагонистических отношений, из незыблемости социального статус-кво. Для ее поборников общественные противоречия свидетельствуют лишь о недостатке научного знания об обществе, а конфликты и потрясения бросают вызов не социальной системе, а нашему интеллекту. Любая социальная проблема, уверяют они, может быть преобразована в технологическую и для нее затем со временем может быть найдено техническое решение.

Тоффлер, надо воздать ему должное, подвергает подобные представления резкой критике. Он не только отклоняет несостоятельные претензии технократов вершить судьбами общества, но и подчеркивает вместе с тем, что проблемы, с которыми столкнулись Соединенные Штаты в процессе научно-технической революции, являются социально-политическими и не могут быть сведены к технологическим. «Вот почему, — заявляет он, — технологические проблемы отныне не могут быть втиснуты в технологические рамки. Это политические проблемы. В самом деле, они затрагивают нас глубже, чем большинство из поверх-

---

¹ «Bulletin of Atomic Scientists», December, 1966, p. 5.

ностных политических вопросов, занимающих нас сегодня. Вот почему мы не можем продолжать принимать технологические решения, как это мы делали раньше... Мы не можем позволить, чтобы они диктовались одними лишь текущими экономическими соображениями. Мы не можем позволить, чтобы их осуществляли в политическом вакууме. И мы не можем от случая к случаю возлагать ответственность за подобные решения на бизнесменов, ученых, инженеров или администраторов, которые не отдают себе отчета в глубоких последствиях своих действий»¹.

Научно-техническая революция, продолжает он, не может уместиться в рамках существующей социальной системы. Наивно полагать, будто все наши беды вызваны тем, что «технология вышла из-под контроля»; из-под контроля вышло общество в целом, так что речь идет отныне не об «укрощении технологии», но о необходимости глубоких социальных преобразований. «Если мы не осознаем этого, мы разрушим себя в попытках справиться с будущим», — заявляет Тоффлер. Обращаясь к читателям, он призывает их перестать цепляться за отжившие взгляды, за традиционные социальные институты и привычный образ жизни: «Мы создаем новое общество. Не измененное общество. Не расширенный и увеличенный вариант нашего нынешнего общества. Нет, новое общество». Это общество будет не только сверхиндустриальным; оно вместе с тем будет и «послекапиталистическим», ибо в нем утратит смысл само понятие частной собственности, а производство ради прибыли будет выглядеть анахронизмом. «Что произойдет с экономикой, — вопрошает он, — когда, похоже, вся концепция собственности будет сведена к бессмыслице?»

---

¹ A. Toffler, Future Shock, pp. 386—387.

Тоффлер, несомненно, усвоил и отразил многие элементы радикальной, антикапиталистической критики существующей социальной системы в США со стороны «новых левых». Однако эта критика при всей ее остроте носит просветительский характер, который становится очевидным, как только он переходит к изложению своей позитивной программы. Отсутствие политического реализма он пытается восполнить социологическим воображением, а иногда и просто словотворчеством. И хотя он не ограничивается лишь мечтами о лучшем, предпочитаемом для масс будущем в качестве альтернативы «уготованному будущему», которое пытаются создать для них технократы, тем не менее его политическая программа исчерпывается, в сущности, призывом «пойти в народ» и положить начало «непрекращающемуся плебисциту» об альтернативных путях общественного развития. Он отчасти и сам отдает себе отчет в наивности и утопичности многих своих предложений, и ему не остается ничего другого, как возлагать надежды на демократические традиции и учреждения американского народа.

Конечно, эти традиции и соответствующие им социальные институты, включая принцип разделения властей и представительную систему, далеко не исчерпали свои исторические возможности и перспективы, связанные с социальными преобразованиями. Однако их потенциальная роль в предстоящей борьбе американского народа за лучшее будущее сама зависит от перипетий массового демократического движения в стране, от хода и исхода предстоящих социальных конфликтов. Без глубокого анализа соотношения классовых сил в стране предлагаемые Тоффлером варианты будущего утрачивают характер социальных альтернатив; вместо выбора между принципиально различ-

ными «образами жизни» читателю приходится довольствоваться сомнительным выбором между многочисленными конкурирующими «стилями жизни», которые, как он справедливо подозревает, рискуют все оказаться эфемерными.

Даже в странах Западной Европы, не говоря уже о Японии, многие социальные проблемы, сопровождающие научно-техническую революцию, преломляются сквозь иную конкретно-историческую призму экономических, социальных, политических и культурных отношений. И это обстоятельство объясняется далеко не одним лишь различием в уровне технологического развития. Сам Тоффлер, как автор предисловия к недавно вышедшей книге «Социальные ценности и будущее», в которой приняли участие ведущие западные футурологи, хорошо понимает, что различия между викторианской Англией и современной Японией, между предвоенной Швецией и Испанией наших дней никак не могут быть сведены к уровню достигнутого ими экономического и технического развития. Социальные проблемы, с которыми в недалеком будущем столкнутся остальные развитые капиталистические страны, могут быть аналогичными текущим противоречиям и конфликтам в Соединенных Штатах, но они заведомо не будут идентичными.

Но если это справедливо по отношению даже к странам, принадлежащим к одной социальной системе, то тем большее недоумение вызывают попытки Тоффлера отождествить социальные последствия научно-технической революции в условиях разных социальных систем — капитализма и социализма. Быть может, эти попытки и не заслуживали бы внимания: в конце концов, речь идет о нескольких фразах, брошенных вскользь на трех-четырёх страницах о том, что различия между индустриальным и сверхиндустри-

альным обществом затмевают различия между капитализмом и коммунизмом. И мы могли бы рассматривать подобные высказывания просто как словесную дань модной ныне на Западе теории конвергенции, если бы буржуазная пресса не акцентировала на них внимание. Вот почему вполне уместно напомнить о том, что воздействие научно-технической революции на общество зависит от господствующих в нем социальных отношений.

Современная научно-техническая революция — неотъемлемая составная часть глубокого социального переворота нашей эпохи, который завершится переходом всего человечества от антагонистического общества к социальной справедливости. Ее историческая роль состоит в создании материально-технической базы и объективных предпосылок для изобилия жизненных благ и всестороннего развития личности. Однако этот процесс происходит в своеобразных конкретно-исторических условиях сосуществования и соревнования различных социально-экономических систем.

Хотя это прямо и не входило в намерения Тоффлера, его выводы подтверждают марксистский тезис о том, что научно-техническая революция в конечном счете не сможет уместиться в исторических рамках капитализма. Приведенные им конкретные факты и примеры подтверждают, что она чем дальше, тем больше ускользает из-под контроля общества, становится стихийным, неуправляемым социальным процессом, который грозит бедствиями населению, увеличивает неуверенность в будущем, чревата неразрешимыми конфликтами и катастрофическими потрясениями. «Можно ли жить в обществе, вышедшем из-под контроля? — вопрошает он. — Таков вопрос, поставленный перед нами концепцией шока от столкновения с будущим. Ибо такова ситуация, в которой мы обнару-

живаем себя. Благо бы еще одна технология вырвалась на свободу, и тогда наши проблемы были бы достаточно серьезны. Неумолимый факт, однако, состоит в том, что многие другие социальные процессы также пришли в неуправляемое движение, сопротивляясь всем нашим усилиям справиться с ними»¹.

Известное «технологическое сходство» капитализма и социализма в наши дни порождено отнюдь не предстоящим «схождением» этих различных социальных систем, как уверяют сторонники теории конвергенции, а исторически преходящим стечением обстоятельств. Дело в том, что социализм, идущий на смену изжившему себя капитализму, первоначально победил не в передовых, а в экономически сравнительно отсталых странах и в ходе своего развития был вынужден испытать самые опустошительные войны в истории. Вследствие этого социалистические страны только сейчас нагоняют передовые капиталистические страны в экономическом отношении, и этот процесс совпал во времени с начавшейся в мире научно-технической революцией. По мере того как социалистические страны в своем движении к коммунизму оставляют позади наиболее развитые капиталистические страны, канет в историю и временное «технологическое сходство» между ними, на котором спекулирует теория конвергенции. Технология, в конце концов, — это пусть могущественное, но все же лишь средство человеческой деятельности, которое в различных социальных системах служит разным общественным целям, исключая друг друга социальным ценностям и идеалам.

Научно-техническая революция, как об этом свидетельствуют работы западных социологов, в частности Тоффлера, все туже затягивает гордиев узел

---

¹ A. Toffler, Future Shock, p. 395.

экономических и социальных противоречий современного капитализма. Технологический меч, о котором мечтают Олвин Вейнберг и прочие поборники «социальной технологии», бессилен разрубить этот узел. В условиях антагонистического общества современная технология скорее уподобляется дамоклову мечу, напоминающему об опасности опустошительной термоядерной войны, о неустойчивости эфемерного процветания, о неуверенности масс в будущем и призрачности их надежд на социальную справедливость. Гордиев узел капиталистических противоречий может быть рассечен не технологическим мечом, а мечом освободительной социальной революции, который история вложила в руки прогрессивных сил общества.

Капиталистическое общество делает неустойчивым и эфемерным не научно-техническая революция сама по себе, а в первую очередь его экономические противоречия и социальные антагонизмы. Ускорение темпов истории лишь обнажает и обостряет их, а научно-техническая революция их усугубляет. Таких разительных перемен в образе жизни людей, которые произошли за годы Советской власти и особенно в послевоенный период в СССР, не знает ни одна страна. Выступая на XXIV съезде КПСС, Н. А. Косыгин отмечал:

«Если Соединенным Штатам Америки понадобилось для удвоения национального дохода 20 лет, Англии — более 30 лет, ФРГ — почти 15 лет, то Советскому Союзу при огромных масштабах общественного производства — 10 лет.

Если США для удвоения объема производства промышленной продукции потребовалось 18 лет, Англии — 22 года, ФРГ — более чем 11 лет, то Советскому Союзу — восемь с половиной лет.

Если США смогли удвоить основные производственные фонды за 22 года, Англия — за 19 лет, ФРГ — за 10 лет, то Советский Союз — за 8 лет.

Таковы шаги социалистической экономики. Они убедительно свидетельствуют о планомерности и динамичности развития нашего народного хозяйства. Такой динамичности не знает экономика ни одной из указанных стран капитализма»¹.

При социализме имеет место беспрецедентное ускорение поступательного развития общества во всех сферах деятельности людей, и в процессе этого ускорения социалистическое общество становится не менее, а более устойчивым. Чем противоречивее выглядит капиталистическая система в ходе научно-технической революции, тем очевидней становится, что будущее принадлежит коммунизму, где, как отмечали Маркс и Энгельс, «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

---

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 145.

II.

В ПОИСКАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Человеческий род, к которому принадлежит столь много моих читателей, испокон веков забавляется детскими играми, и, вероятно, так будет до самого конца. А это раздражает тех немногих людей, которые вышли из детского возраста. Одна из таких наиболее увлекательных игр называется «Сохраняй будущее неизвестным», или же иначе... «Надуй пророка». Участники игры очень внимательно и почтительно выслушивают все, что собираются сказать иж умники насчет того, чему предстоит случиться в следующем поколении. Потом игроки ждут, пока все умники не перемрут, и заботливо их хоронят. А затем они уходят и поступают совершенно иначе. Вот и все. Однако неприятно

зательных людей это весьма забавляет...

Но в начале XX века игра «Надуть пророка» стала значительно сложнее, чем когда-либо прежде. Дело в том, что развелось слишком много пророков и появилось слишком много пророчеств... Поистине оказалось трудно сделать хоть что-нибудь, не исполнив тем самым какого-либо из их предсказаний... Позвольте мне не скрывать тягостную правду. Люди все же надули пророков XX века.

Гилберт К. Честертон

ПРОТИВ «УГОТОВАННОГО БУДУЩЕГО»

Развитие социального прогнозирования на капиталистическом Западе за последние годы сопровождается возрастающим размежеванием и обострением идейно-теоретической борьбы среди самих футурологов вокруг вопросов, связанных с содержанием и назначением их деятельности.

Общей чертой различных течений, а также отдельных представителей социально-критической мысли в футурологии является в первую очередь то, что так или иначе они рассматривают капитализм в его нынешнем виде как общественный строй, все более не соответствующий условиям научно-технической революции нашего столетия. Это обстоятельство, разумеется, не устраняет существенных расхождений, которые объясняются не столько тем, каким они рисуют себе «послекапиталистическое будущее» (на этот счет преобладают весьма смутные представления), сколько тем, к кому они апеллируют в своих прогнозах, с какими общественными силами связывают свои надежды на будущее.

Буржуазно-либеральный реформизм в лице таких своих представителей, как Дж. К. Гэлбрейт, Р. Тиболд,

Э. Местин, Р. Хейлброунер, Ж.-Ж. Серван-Шрейбер, в сущности, стремятся убедить господствующий класс и правящие круги развитых капиталистических стран в необходимости известных социально-экономических реформ «сверху». Неудивительно, что при всей критичности отдельных высказываний, при всей «радикальности» предлагаемых реформ представители этого течения в конечном итоге оказываются в идейном и политическом отношении добровольными пленниками государственно-монополистического капитализма.

Демократически-просветительская тенденция отражает политические настроения сравнительно широких кругов интеллигенции на Западе. Эти слои утрачивают свое привилегированное положение в обществе и испытывают возрастающее беспокойство перед перспективами научно-технической революции в условиях антагонистического строя. Демократичность этого направления определяется и тем, что его представители обращаются к общественному мнению, ищут поддержки среди широких масс, и главным образом тем, что они выражают в различной форме и в различной степени настроения тех слоев населения, которые, не разделяя социалистической альтернативы существующему обществу, могли бы при соответствующих условиях оказывать поддержку рабочему классу на демократическом этапе борьбы против государственно-монополистического капитализма.

Наконец, радикально-экстремистская тенденция, распространенная среди «новых левых», претендует на выражение интересов наиболее обездоленных слоев населения, подвергающихся всякого рода дискриминации.

В произведениях и в публичных заявлениях представителей этих течений содержится немало

поучительных разоблачений антагонистического общественного строя, критика манипулирования сознанием и поведением людей, «социальной технологии», «меритократии» и прочих форм идеологического и практического злоупотребления достижениями науки и техники при капитализме. Вместе с тем, отвергая теорию научного коммунизма и игнорируя великую историческую миссию рабочего класса, они обрекают себя в конечном счете на теоретическую ограниченность и политическое бессилие.

Буржуазно-либеральный реформизм за последние годы переживает глубокий концептуальный кризис и все больше теряет социальную почву по мере того, как падает общественная роль его традиционной классовой базы — средней буржуазии, лиц свободных профессий и других групп населения. Это ведет к тому, что многие либерально мыслящие социологи и экономисты, вроде Л. Мэмфорда в США или Ж. Эллюля во Франции, утрачивают веру в благодетельность научно-технического прогресса и склоняются к пессимистическим выводам о будущем человечества, объективно сближаясь в теоретических взглядах с представителями консервативных кругов. Другая влиятельная часть либерально-реформистских идеологов постепенно эволюционирует в сторону сближения с буржуазно-апологетическим направлением; она все больше ориентируется на высшие слои служащих и в долговременной перспективе олицетворяет специфические интересы государственно-бюрократической машины. Наконец, многие либерально-реформистские деятели, разочаровываясь в своих иллюзиях, переходят на демократические позиции.

Государственно-монополистический капитал стремится ассимилировать, разумеется в своих интересах, некоторые из либерально-реформистских концепций.

Яркой иллюстрацией подобных стремлений может служить, например, отношение к проектам ввести так называемый «гарантированный минимальный доход», или, по терминологии других, «отрицательный подоходный налог». Сформулированное впервые в начале 60-х годов в книге экономиста Роберта Тиболда «Свободные люди и свободные рынки», это требование предусматривало, что государство должно законодательно определить минимальный доход в «обществе изобилия» и взять на себя обязательство выплачивать разницу тем лицам, чей доход ниже этого минимума¹. Это предложение было в свое время включено в широко известный «Манифест тройственной революции», теперь же упоминания о нем нередко встречаются в прессе «Большого бизнеса». Конечно, это вовсе не означает, будто речь идет о практическом осуществлении данной «рекомендации». Не только реакционная классовая стратегия «Большого бизнеса», но и финансовое положение США из-за войны во Вьетнаме, инфляции и экономического спада делает такого рода реформы нереальными.

В либерально-реформистских концепциях будущего, обстоятельно изложенных, например, в книгах Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество», Роберта Хейлброунера «Пределы американского капитализма», Роберта Тиболда «Свободные люди и свободные рынки» и т. д., обращает на себя внимание любопытная закономерность: стремление изобразить предстоящее развитие общества как своеобразную аналогию с прошлым. В самом деле, не нужно обладать большим воображением, чтобы обнаружить, что

---

¹ См.: Robert Theobald, Free Men and Free Markets. New York, 1965, Appendix.

возрастающая экономическая роль государства, будто бы стоящего над классами, воспроизводит у Гэлбрейта абсолютистское государство XVII—XVIII веков, «новый средний класс» — это своего рода «третье сословие», перенесенное из XVIII века в XX век; современная научно-техническая революция — повторение промышленной революции конца XVIII — начала XIX века и т. д. Если у Гэлбрейта подобная историческая аналогия нигде прямо не формулируется и остается, так сказать, социально-философским подтекстом, то Хейлброунер высказывается на этот счет вполне определенно. Сравнивая переход от капитализма к новому общественному строю «государственно контролируемого распределения в условиях изобилия» с переходом от феодализма к капитализму, он заключает: «Можно предположить, что насилие будет сопровождать переход власти и ответственности от одной элиты к другой, но более вероятно, что этот переход будет незаметным, управляемым, как это было в случае с английской аристократией, когда дети прежней элиты овладевали профессиями новой элиты»¹. Так из социального прогноза предстоящего развития общества изгоняется неизбежность социальной и политической революции, а раскол общества на привилегированный господствующий класс и подавляющую массу остального населения увековечивается. Конечно, историческая аналогия может быть весьма поучительной для предвидения будущего, но лишь до тех пор, пока она остается в рамках формального сопоставления, а не претендует на доказательность. Будущее общество не может быть ни непосредственным продолжением настоя-

---

¹ Robert L. Heilbroner, *The Limits of American Capitalism*. New York, 1966, pp. 131—132.

щего, ни простым повторением прошлого. Оно неизбежно должно содержать в себе и диалектическое отрицание настоящего, и принципиальное качественное своеобразие по сравнению с прошлым.

Сейчас некоторые социологи на Западе связывают кризис либерализма в первую очередь с кризисом «социального знания», в частности с усиливающимся разочарованием в тезисе буржуазно-либеральных реформистов, будто все вопиющие противоречия капиталистического общества можно со временем излечить возрастающими дозами государственного регулирования и перераспределения национального дохода. Эта критика, несомненно, имеет под собой основание. И все же упадок либерализма отнюдь не исчерпывается лишь кризисом в сфере социального познания, а отражает гораздо более глубокий кризис государственно-монополистического капитализма.

Реальная оппозиция государственно-монополистическому направлению в социальном прогнозировании исходит не со стороны буржуазно-либерального реформизма, а со стороны демократически-просветительского направления в футурологии, которое за последние годы настойчиво стремится сформулировать свою альтернативу буржуазно-апологетическим концепциям будущего человечества. Конечно, подобная альтернатива не способна вывести общество за пределы капиталистических отношений. Все же при известных объективных условиях она может ограничить воздействие буржуазно-апологетических футурологических концепций на общественное сознание и особенно на идейно-политические позиции широких слоев интеллигенции, а тем самым помочь интеллигенции осознать общность своих интересов с интересами всех трудящихся.

Возникновение демократически-просветительского направления в социальном прогнозировании на Западе было сравнительно долгим, сложным и во многом мучительным процессом.

Представители этого течения пришли к своим взглядам разными путями: для одних, например для Роберта Юнгка и Фреда Полака, первоначальными побудительными мотивами заняться футурологией были абстрактно-гуманистические опасения за будущее человечества в условиях стремительного и стихийного научно-технического прогресса; другие, вроде Бертрана де Жувенеля, Денниса Габора, Олафа Хелмера, в ходе своих профессиональных занятий социальным и техническим прогнозированием поняли, что футурология не просто сфера научных исследований, но и важное средство воздействия на сознание масс, которым легко злоупотребить; некоторых, подобно Артуру И. Уоскоу, в футурологию привели поиски теоретического обоснования для массового демократического движения, в котором они принимали участие; наконец, прогрессивно настроенные социологи, как Амитаи Этциони, Юхан Галтунг и другие, справедливо усмотрели в социальном прогнозировании путь своего приобщения к активной общественной деятельности.

Характер данного течения в социальном прогнозировании проявляется уже в самом отношении его наиболее видных представителей к футурологии как науке, к ее социальной функции в современном обществе, наконец, к своему личному призванию и как ученых, и как общественных деятелей. Некоторые из них подвергают сомнению даже сам термин «футурология», не без основания усматривая в нем определенный тенденциозный привкус, а именно более или менее отчетливое стремление свести

социальное прогнозирование к узкопрофессиональной деятельности, к прикладной отрасли знания, ограничивающейся попытками мысленно проникнуть в некое «предначертанное будущее», якобы заранее уготованное человечеству неумолимым ходом событий. В этой связи в одном из своих многочисленных интервью Роберт Юнгк отмечал: «Название «футурология» мне кажется сомнительным... Оно наводит на мысль, будто мы представляем себе будущее готовым заранее и можем, словно волшебники, читать его, как открытую книгу. А мы занимаемся все не этим. Я предпочел бы термин «исследования будущего», прогнозы на основе проверенных гипотез»¹.

Еще более определенно высказываются Бертран де Жувенель и Фред Полак. Так, де Жувенель прямо заявляет, что термину «футурология», который дает повод для научных иллюзий и вводит в заблуждение общественность, он предпочитает изобретенный им термин «futuribles», акцентирующий внимание на неоднозначности будущего, на веерообразном характере предстоящего развития событий². Полак, иронизируя насчет «футурологов без футурологии», в свою очередь, предостерегает против реальной опасности вырождения ее в «футурократию»³, иначе говоря, в стремление с помощью тщательно разработанной техники социального предвидения контролировать ход предстоящих событий.

Серьезную тревогу у представителей данного течения в социальном прогнозировании вызывают

---

¹ „L'Express“, 12—18. I. 1970, pp. 68—69.

² Ibid., 4—10. v. 1970, p. 29.

³ „Mankind 2000“. Ed. by R. Jungk and J. Galtung. Oslo — London, 1969, pp. 321—322.

не только явные попытки монополистической олигархии заточить футурологию в «башню из слоновой кости» (Полак), но и распространенная среди самих футурологов склонность «рассматривать себя в качестве коллеги жрецов, приобщенных к тайнам и способных вести за собой людей, не раскрывая им при этом своих тайн»¹ (Уоскоу). Если подобная тенденция возобладает, то декларируемое футурологами намерение предвидеть и предсказывать перспективы развития человечества в конечном счете объективно выльется в настойчивое стремление навязать общественному мнению однозначное представление о грядущем как об увековеченном и лишь несколько усовершенствованном настоящем. В руках ограниченных и нещепетильных людей, руководствующихся своими эгоистическими соображениями и текущими интересами, футурология, как считает, например, Юнгк, может превратиться в средство манипуляции общественным сознанием. Нельзя позволять им, восклицает он, «вести своего рода превентивную войну против будущего, чтобы превратить его в колонию настоящего»².

Если в еще сравнительно недавнем прошлом вполне понятная и обоснованная тревога за будущее у таких людей, как Юнгк или Полак, обычно выливалась в страх перед предстоящими обществу переменами, то теперь она определенно перерастает в резкую критику капиталистической действительности. В этом отношении весьма показательна, например, эволюция взглядов Р. Юнгка. Всего несколько лет назад в

---

¹ „Mankind 2000“, p. 78.

² „Revue internationale des sciences sociales“ („La futurologie“), № 4, 1969, p. 600.

интервью, озаглавленном «Нужно ли бояться будущего?», он признавался итальянской журналистке О. Фаллачи: «На протяжении многих лет я боялся прогресса, машин; в своих книгах я выступал против них, мечтая их уничтожить. Теперь я думаю иначе». Делясь с ней своими опасениями, Юнгк отмечал: «Интерес к будущему должен диктоваться не любопытством, а чувством ответственности, иначе не избежать катастроф».

Именно это чувство моральной ответственности привело Юнгка, как и ряд других демократически настроенных футурологов, от отвлеченных размышлений об «укрощении технологии» к осознанию необходимости глубоких социальных преобразований в интересах будущего человечества. Призывая футурологов к независимости от власти имущих, он сейчас гораздо более последователен в своих выводах: «Не будучи независимой, футурология может стать инструментом какой-нибудь экономической, промышленной, политической или даже интеллектуальной элиты. В этом, я думаю, и заключена опасность. Потому что в тот день, когда эта элита придет к власти или станет служить власти, она будет делать что ей заблагорассудится и навяжет нам будущее по своему вкусу».

Этой вполне реальной опасности, по мнению Юнгка, нужно противопоставить социально-критическую футурологию, «которая не довольствуется простым «проецированием» нашего современного мира в будущее — эти прогнозы эфемерны, но ставит под сомнение сложившиеся структуры: экономические, социальные, технологические, если они оказываются на поверку абсурдными, устаревшими или вредными для человека». В конечном счете, подчеркивает он, «именно человек может когда-нибудь кол-

лективными усилиями взорвать или похоронить такой общественный строй, который не желает считаться с его потребностями»¹.

Социальное прогнозирование, как справедливо считает Ф. Полак, не может оставаться «вне политики», быть беспристрастным в отношении идейной борьбы между прогрессивными и реакционными силами в обществе. Претензии некоторых футурологов на «аполитичность», в сущности, являются не более чем моральным самооправданием их сотрудничества с господствующим классом. Согласиться с ними — значит отдать социальное прогнозирование на откуп тем, кто располагает властью и деньгами. «Это значит, — продолжает Полак, — что новая технологическая элита, узкий круг или клика посвященных, даже олигархия, будут держать судьбу нашего будущего в собственных руках как своего рода монополию. Тем самым исход вековой ожесточенной борьбы за освобождение и зрелость человека, за демократическое преобразование общества окажется вручен со всеми полномочиями очень небольшой, но исключительно влиятельной группе давления. А эта группа будет служить — ибо для того ее и наняли — специальным и в значительной мере сложившимся военным, промышленным и правительственным интересам, переплетенным с существующими позициями и устоями национальной и социальной мощи, короче говоря, с истеблишментом»².

В футурологии, замечает Полак, средства, то есть методология и техника прогнозирования, неотделимы от целей, которым оно служит. Умолчание же о целях, попытки оставить их за пределами научного исследования перспектив общественного развития

¹ „L'Express“, 12—18. I. 1970, p. 71.

² „Mankind 2000“, pp. 317—318.

являются тайным согласием с теми целями, которые ставят перед футурологами-профессионалами привилегированные, правящие силы в обществе. Социальное прогнозирование во всех случаях носит не только познавательный, но и нормативный характер, ибо предполагает так или иначе развитие общества к какому-то «желаемому состоянию» и стремление избежать «нежелательного» хода событий. И в этом смысле ограничение прогнозирования экстраполяцией существующих тенденций, согласно Полаку, скрывает просто желание увековечить настоящее. Вот почему, подчеркивает он, прогрессивный футуролог должен не просто вывести будущее из настоящего, но и оценивать настоящее с точки зрения сознательно желаемого и в то же время реально достижимого будущего, которое отвечало бы интересам широких масс населения. «Без тщательного и серьезного изучения, по правде говоря, будущее слепо, — пишет Полак. — Но, по-моему, и без правильно выбранных и научно обоснованных целей будущее пусто, во всяком случае, как содержательное будущее... Демократия в будущем может быть вразумительной лишь как демократия, прямо, открыто и широко ориентированная в будущее. В последнем счете будущее нашего будущего находится в руках нашего народа»¹.

В соответствии с этой демократической ориентацией на интересы и активность самих масс представители социально-критической футурологии в лице Юнгка, Полака, Этциони и др. формулируют и ее общественную роль. Они ставят перед собой задачу не только просвещать общественность насчет иных реальных демократических альтернатив государ-

---

¹ „Mankind 2000“, p. 329.

ственно-монополистическим концепциям в футурологии, но вместе с тем стремятся мобилизовать широкие слои населения на борьбу за их осуществление.

Представители социально-критической футурологии противопоставляют буржуазно-апологетическим концепциям «будущего, свободного от неожиданностей» (то есть от глубоких социальных преобразований и политических потрясений), концепцию «освобождения будущего» из-под власти государственно-монополистического капитала. И первым шагом на пути этого «освобождения будущего» должно стать вызволение сознания масс из плена апологетических представлений, «изобретение» иных возможных и вероятных перспектив общественного развития, отвечающих интересам широких слоев населения.

Эта программа в социальном прогнозировании наиболее обстоятельно изложена А. Уоскоу в его публичных лекциях и статьях, объединенных общим названием «Глядя вперед: 1999 год». Следует отметить, что это не только программа исследований, но прежде всего программа действий. Смысл ее лаконично сформулирован автором следующим образом: «Один из лучших способов добиться социального изменения состоит в том, чтобы представить достаточно подробно желаемое и достижимое будущее и затем построить часть этого будущего в настоящем».

А. Уоскоу резко осуждает распространенный среди футурологов «узкопрофессиональный» подход к социальному прогнозированию, который на практике ведет к монополизации знаний о будущем и их недоступности для общества. Он заявляет: «Будущее демократического общества касается всех людей этого общества». В любом обществе, продолжает он, «знание — это сила, а в сверхиндустриальном обществе знание будущего является огромной силой, тогда как

незнание будущего может лишь до поры до времени оградить человека от недовольства и возмущения»¹.

Хотя будущее не предопределено, имеется несколько альтернативных возможностей для последующего хода событий, это отнюдь не значит, что они сохраняются и в дальнейшем. Напротив, выбор одной из альтернатив в настоящем практически либо исключает, либо осложняет возможность пересмотреть этот выбор в будущем. Иначе говоря, люди относительно свободны в известных рамках сами выбирать между различными вариантами своей деятельности, но их выбор ограничен целым рядом объективных обстоятельств: во-первых, их намерения и предпочтения исторически обусловлены; во-вторых, для осуществления поставленных целей они располагают лишь наличными в данное время средствами; наконец, в-третьих, они могут оказаться объективно связанными теми своими решениями, которые приняли в прошлом.

Демократическое течение в социальном прогнозировании стремится воздействовать прежде всего на первое условие, то есть максимально расширить выбор путем исследования по возможности всех перспектив развития общества, а также сделать их достоянием общественного мнения. Вместе с тем представители этого течения изучают сравнительную эффективность различных средств в достижении поставленных целей. И, кроме того, их усилия в значительной мере направлены на то, чтобы выявить и разъяснить, что любой выбор должен быть подготовлен и сделан заблаговременно. Этому обстоятельству, к сожалению, придают гораздо меньше значения, чем

---

¹ «Mankind 2000», pp. 78—79.

оно заслуживает. Между тем ход последующих событий зависит от своевременности выбора нередко даже больше, чем от его правильности. Ярким примером тому может служить массовое движение в США за прекращение войны во Вьетнаме. Если бы оно началось не в 1965—1966 годах, а в 1961—1962 годах, то можно полагать, что усилий, в несколько раз меньших, чем сейчас, оказалось бы достаточно, чтобы прекратить эту интервенцию.

Уоскоу обращает внимание на то, что прогрессивные силы должны так же заблаговременно подготавливать свою альтернативу будущего, как государственно-монополистическая олигархия исподволь готовит свою. Он считает, что попыткам сузить возможность выбора иного будущего, заранее затруднить, если не исключить, перспективы демократического развития необходимо противопоставить политику своеобразного «творческого беспорядка», постоянно препятствуя стремлению господствующих в обществе сил ввести как общественное мнение, так и ход событий в выгодное им русло.

С этой целью Уоскоу призывает создать «очаги желаемого будущего» не только в сознании людей, но и явочным порядком в самой социальной действительности. Совершенно недостаточно, по его мнению, лишь пропагандировать десеграцию, необходимо воплощать ее в жизнь путем фактической десеграции отдельных школ, отдельных ресторанов. Если, скажем, демократическая партия в том или ином южном штате отказывается внести негров в списки избирателей или зарегистрировать их в качестве кандидатов на выборные должности, то они вместе с сочувствующими им белыми могут организовать параллельную демократическую партию в данном штате и требовать от национального совета партии признания

ее в качестве официальной и т. д. Тот, кто освобождает будущее, то есть открывает новые, желательные и достижимые цели перед демократическим движением, тот освобождает настоящее, иначе говоря, позволяет мобилизовать и сплотить прогрессивные силы общества во имя осуществления «лучшего будущего», заключает Уоскоу.

Как видим, практические рекомендации представителей данного направления отнюдь не отличаются своей масштабностью и действенным, эффективным характером. Все же сочетание теоретической деятельности с участием в общественной борьбе выделяет демократически-просветительское течение в социальном прогнозировании среди всех прочих. И хотя его роль как политической оппозиции государственно-монополистическому капиталу невелика, оно пытается найти альтернативу реакционным футурологическим концепциям, в известной мере препятствует стремлению государственно-монополистического капитала навязать массам свои, «неокапиталистические» представления о будущем.

Социально-критическое течение в футурологии за последние годы, несомненно, добилось некоторых успехов. Его представители сумели провести несколько региональных и три международные конференции по социальному прогнозированию (в Осло в 1967 г., в Киото в 1970 г. и в Бухаресте в 1972 г.), заняли ведущее место в международных футурологических организациях, издают ряд специальных периодических изданий, основали научные центры и кафедры в крупнейших университетах Западной Европы и Северной Америки. Их деятельность привлекла к себе внимание большой буржуазной прессы.

Слабость этого течения обусловлена отнюдь не тем, что его материальные возможности не идут ни в ка-

кое сравнение с ресурсами, которыми располагает буржуазно-апологетическое направление в социальном прогнозировании, опирающееся на монополистические корпорации и буржуазное государство. В конце концов, и представители социально-критической мысли в футурологии вынуждены обращаться за финансовой поддержкой к тем же источникам — к государству, филантропическим фондам, корпорациям. Они, правда, пытаются «черпать понемногу из разных источников», но зависимость от многих — это лишь суррогат независимости. Главная слабость социально-критического течения состоит в том, что оно отрывает борьбу за умы людей от классовой борьбы в современном мире, от освободительного движения трудящихся, вне которого не может быть никакой подлинной альтернативы государственно-монополистическому капитализму. Без опоры на передовой класс современности, на рабочий класс, никакие представления о будущем не станут преобразующей силой и не смогут материализоваться в действительность; поиски демократических решений останутся всего лишь поисками, а не реальной альтернативой капитализму, тем более когда этому сопутствуют неизжитые предрассудки в отношении марксизма. Нередко представители этого течения становятся жертвой очередной антикоммунистической кампании.

Вот почему, даже покинув стены «чистой науки», социально-критическая футурология в основном исчерпывается просветительством как в сфере высшего образования, так и по отношению к общественному мнению. Некоторые из ее представителей, по-видимому, примирились с этим; другие ищут выхода в различных организационных мероприятиях, которые пока что остаются в пределах своеобразной «игры в будущее». Ибо именно такой игрой, в сущности,

являются и рекомендуемое Уоскоу «репетирование» различных возможных конфликтных ситуаций, и принятая Юнгком попытка создать некие «банки информации», а также «журнал невероятных идей» о будущем.

ВО ВЛАСТИ ТЕХНОФОБИИ

Если для апологетического направления в футурологии весьма типично сочетание технологического радикализма с социальным консерватизмом, то представлениям о будущем у «новых левых» часто присуще прямо противоположное сочетание радикальности в социальных воззрениях с антитехнологическими настроениями.

В области социального предвидения радикально настроенные интеллигенты на Западе мечутся между наивным осуждением научно-технической революции и убогими фантазиями о будущем. Типичным примером такого отрицательного отношения к научно-технической революции может служить памфлет профессора Массачусетского технологического института Джона Макдермота «Технология — опиум интеллигентов»¹.

Опубликованный в «Нью-Йоркском книжном обозрении», отражающем настроения радикально-демократической интеллигенции и университетской молодежи, этот памфлет можно рассматривать как определенную веху в идейной борьбе против стремления

---

¹ См.: «The New York Review of Books», July, 31, 1969.

государственно-монополистического капитала присвоить себе плоды научно-технической революции.

Дело в том, что этот памфлет был связан с общенациональной забастовкой профессоров и поддерживавших их студентов более тридцати ведущих университетских центров страны в марте 1969 года, начавшейся по инициативе Массачусетского технологического института. Направленная против злоупотребления наукой со стороны военно-промышленного комплекса США, она отразила глубокое недовольство среди американских ученых внутренней и внешней политикой правительства. Вместе с тем выступление Макдермота непосредственно связано с публикацией четвертого ежегодного отчета Программы по технологии и обществу Гарвардского университета — знаменитой кузницы политических и деловых кадров современной Америки. Этот отчет вызвал широкие отклики в периодической печати непосредственно перед забастовкой. И хотя формально памфлет Макдермота представляет собой полемический комментарий к размышлениям исполнительного директора программы Эммануэля Местина о перспективах и социальных последствиях научно-технической революции в США, в сущности, он ставит перед американской интеллигенцией вопрос о ее моральной ответственности за судьбы Америки. Выбрав в качестве своего оппонента Э. Местина, далеко не заурядное светило на академическом небосводе страны, Макдермот руководствовался в первую очередь тем обстоятельством, что гарвардская программа была учреждена благодаря финансовому обеспечению корпорации «Интернэшнл бизнес мэшинз» («I. B. M.») с очевидной целью успокоить возрастающие опасения американской общественности экономическими и социальными последствиями научно-технической революции в США.

«I. B. M.». Ни одна корпорация в мире, пожалуй, не воспользовалась столь успешно достижениями науки и техники за истекшие двадцать лет, как эта прежде ничем не примечательная фирма. Ее неоновые инициалы настойчиво бросаются в глаза на самых фешенебельных магистралях практически всех промышленных и финансовых центров капиталистического мира. В 1937 году, по данным Временной национальной экономической комиссии, «I. B. M.» занимала скромное, 185-е место среди американских компаний. Стремительно взошедшая на дрожжах научно-технической революции, она ныне превратилась в ведущую международную монополию по производству и сдаче в аренду современного электронного оборудования и вычислительных машин. На монополистическом Олимпе она вошла в первую десятку крупнейших промышленных корпораций капиталистического мира, списки которых традиционно публикует журнал «Форчун». Деятельность этой международной корпорации распространяется на 112 стран, где расположены ее 20 промышленных предприятий, 8 лабораторий и 346 учреждений по сбыту и обслуживанию. На предприятиях «I. B. M.» занято почти четверть миллиона рабочих и служащих, которые ежегодно производят продукцию на сумму около 8 миллиардов долларов, что превышает валовой национальный продукт таких стран, как Новая Зеландия, Колумбия, Нигерия или Таиланд. Ежегодные прибыли корпорации приближаются к миллиарду долларов.

Но, став олицетворением научно-технической революции на Западе, «Интернэшнл бизнес мэшинз» одновременно разделила и ответственность за многие ее отрицательные экономические и социальные последствия. По мере того как эти последствия болезненно давали о себе знать, страдала и репутация фирмы

в общественном мнении: акции ее поднимались в цене на биржах, моральный же престиж котировался все ниже. И тогда руководители корпорации позволили себе широкий жест — в начале 60-х годов они выделили 5 миллионов долларов на исследования социальных последствий автоматизации и обязались в течение десятилетия финансировать различные университетские программы по данной проблеме. Трудно сказать, рассчитывали ли они при этом, что практические результаты исследований окупят со временем расходы на них. Так или иначе капиталовложения в науку в перспективе должны всегда оправдывать себя если не в виде финансовых прибылей, то, во всяком случае, в форме идеологических дивидендов.

Гарвардских ученых, активно включившихся в программу, никто не вынуждал ни жертвовать своей академической свободой, ни поступаться своими убеждениями и научной объективностью. Они, несомненно, вольны заниматься апологией «технотронной цивилизации» или обличать ее. Сам Макдермот, кстати, характеризует позицию Местина как «антикапиталистическую по духу, хотя и недостаточно боевую». Тем не менее, к каким бы выводам исследователи ни пришли в итоге, сам факт щедрости корпорации, ее «озабоченности социальными последствиями своей деятельности» заведомо морально обеляет ее в обыденном сознании широких слоев населения. Вот почему памфлет Макдермота «Технология — опиум интеллигентов» не просто научная полемика с Местином, но как нельзя более своевременный призыв к социальной ответственности американских ученых, интеллигенции вообще перед лицом научно-технической революции.

Обстоятельно излагая и анализируя программу Гарвардского университета, профессор Макдермот

упрекает ее авторов в том, что они не только сами заблуждаются насчет последствий современной технологической революции, но и сеют беспочвенные иллюзии среди американской общественности. Вслед за У. Ростоу, Э. Шилсом и З. Бжезинским они, даже сознавая отдельные отрицательные стороны научно-технического прогресса в США, тем не менее уповают на то, что в конечном счете «благо во много раз превосходит зло». Более того, единственное эффективное средство смягчения этого зла, если не его устранения, гарвардские ученые усматривают в дальнейшем внедрении новой технологии во все поры современного общества, иначе говоря, придерживаются взгляда: «Спасение от технологии — в еще большей технологии». Эта установка, предостерегает Макдермот, грозит завлечь общество на опасный путь.

Официальные пророки «технотронной цивилизации» в лице Бжезинского, пустившего в оборот этот термин, и прочих идеологов государственно-монополистического капитала спекулируют на всеобщем увлечении достижениями науки и техники. Они стремятся связать с технологической революцией широко распространенные надежды и чаяния, уверяя массы, что она автоматически приведет к установлению всеобщего изобилия и мира, к радикальному решению проблемы бедности и проклятого расового вопроса, к прекращению всяких политических разногласий и к конечному торжеству разума над властью. Одним словом, научно-технический прогресс преподносится ими как универсальное средство от всех социальных несправедливостей и конфликтов современной Америки. Именно это убеждение, ставшее своего рода символом веры значительной части американской общественности, Макдермот называет «опиумом интеллигентов».

В действительности же повсеместное внедрение новейшей технологии, как считает он, не столько избавляет общество от хронических социальных болезней, сколько усугубляет их. «Люди часто говорят, что Америка — больное общество, имея в виду, что в Америке много отдельных больных людей, — пишет Макдермот. — Но правы они в первом случае; общество настолько больное, что индивидуальные попытки исцелить его и индивидуальный разум оказываются бесполезными». В создавшихся обстоятельствах технология оказывается бессильной противостоять злу; ее широкое внедрение вопреки надеждам сопровождается эффектом, прямо противоположным ожидаемому: «Растет социальная иррациональность общества. Техника властвует над человеком. Люди становятся придатком к системе... Паранойя становится общим явлением». Все это, согласно Макдермоту, «естественное следствие социальных и организационных форм развития технологических систем», при которых «социальная иррациональность лишь увеличивается личной интеллигентностью людей, вовлеченных в эту систему».

Одним из самых отрицательных и опасных последствий научно-технической революции в США Макдермот считает усиление антидемократических тенденций в обществе, в том числе и в культуре. Новая технология еще более противопоставляет управляющих управляемым, «посвященных» — «непосвященным», углубляет и расширяет пропасть между привилегированными и обездоленными, сопровождается не духовным ростом широких масс населения, а распространением среди них своеобразного невежества, имя которому некомпетентность как в вопросах управления, так и в сфере культуры, которая все более распадается на массовую и элитарную. Соци-

альная иерархия возрастает; право принимать важные национальные решения сосредоточивается в руках все более узкого круга людей. Технология, по словам Макдермота, порождает свою собственную политику. Она «в самой основе требует, чтобы маленькие группы технически оснащенных людей, действующих в иерархической системе, осуществили рационализированный контроль над большими группами людей, машин и событий».

Благодаря повсеместному внедрению технологии, продолжает Макдермот, «по-настоящему творческая роль в социальных процессах, связанных с технологическими изменениями, резервируется для научной и технической элиты, которая открывает и организует новое «знание», полагая, что «масса простых людей — это в основном тормоз для общественного благосостояния». Даже язык, употребляемый специалистами, оказывается насыщен таким количеством новой терминологии, что, подобно средневековой латыни, становится непонятным для простого человека, который все менее способен постигнуть происходящие события, сопоставить политические цели и средства их достижения. «По мере того как технические формы речи, в которых протекает основная деловая активность американского общества, становятся непонятными или малопонятными, происходит упадок одной из существенных черт демократии».

Макдермот иллюстрирует свои утверждения рядом примеров, почерпнутых из собственных наблюдений над поведением американских солдат во Вьетнаме, где, как он говорит, технологическая целесообразность, поставленная на службу интервенции, безжалостно растоптала все нравственные нормы и чувства людей, превратив их в послушные винтики гигантской машины разрушения. Аналогичный процесс, хотя и не

в столь явной форме, происходит, по мнению профессора, и в самих Соединенных Штатах. Элементарные социальные ценности — свобода личности, равенство, справедливость, народовластие и т. п. — при этом прямо не отрицаются, но исподволь разрушаются и подменяются принципом «технологической эффективности».

Новая «технологическая аристократия», по словам Макдермота, все больше выступает в роли самозванных благодетелей человеческого рода. Миф о так называемых «бюрократах-альтруистах», готовых бескорыстно взвалить на свои плечи все заботы общества и предоставить остальным людям возможность целиком посвятить себя «гуманистическим и гедонистским аспектам жизни» (З. Бжезинский), — это опасное заблуждение, поддавшись которому американский народ может горько поплатиться. «Альтруизм наших бюрократов — это слишком тяжелое бремя для остальных». Ибо, продолжает Макдермот, «если освободить эти мысли от эвфемизмов, то перед нами окажутся просто доводы, которые усилят общественное значение интересов новой научно-технической элиты и отделят эти интересы от нас, остальных; да и то лишь в том случае, если мы еще сможем сами формулировать свои интересы, если не будем совсем ослеплены безумной погоней за удовольствиями (и нововведениями!!!), используя возможности, которые для нас создала новейшая технология».

Ярким примером социальной демагогии технократов может, по мнению Макдермота, служить их стремление использовать лозунг «равенства возможностей» в качестве обоснования меритократии, то есть социальных преимуществ для особо одаренных людей. «Таким образом, равенство возможностей, как они его понимают, не имеет ничего общего с созданием

более справедливого общества. Напротив, оно служит как необходимая деталь в высшей степени стратифицированном обществе, которое они предусматривают в будущем. Ибо в их обществе меритократической иерархии равенство возможностей призвано обеспечить, чтобы одаренные юные меритократы (само слово столь же отвратительно, как и социальная система, на которую оно ссылается) были способны продвигаться на «ключевые, решающие» посты, закрепляемые за тренированными талантами, и тем самым обеспечивали успех новому обществу... В технологическом развитом обществе равенство возможностей функционирует как иерархический принцип, в противоположность эгалитарным социальным целям, которым он претендует служить».

Научно-техническая революция, справедливо утверждает Макдермот, отнюдь не привела к «победе разума над властью». Скорее наоборот: она в еще большей мере поставила технический разум в услужение власти имущим. Когда даже выдающиеся ученые вовлекаются в правящую иерархию и приобретают власть принимать решения, они, в сущности, превращаются в высокопоставленных управляющих господствующего класса; это уже не просто интеллигенты, но современные «мандарины» американской социальной системы. Их мечта сводится в конечном счете к тому, чтобы войти в правящую элиту в качестве представителей «Большой науки» и разделить власть с представителями «Большого бизнеса» и «Большого государства». Поэтому в будущем следует ожидать, что взаимные интересы и связи государства, монополий и мультиверситетов «будут скорее расти, чем сокращаться». Это не приведет к умалению таких факторов власти, как богатство и социальное положение, а еще добавит к ним престиж «особой одаренности»

и высокого образования. «Интересы «мандаиринов» вовсе не совпадают с интересами остальной части народа, — заявляет Макдермот. — Как гласит пословица, технология побеждает природу. Но чтобы достигнуть этого, она должна прежде одержать победу над человеком. Точнее, она требует большей степени контроля над обучением, мобильностью и квалификацией рабочей силы. И отсутствие (или уменьшение) прямых форм контроля не должно затемнять для нас реальность и интенсивность социального контроля...»

В современной Америке «создаются социальные антагонизмы, противоречия, не менее острые и глубокие, чем те, которые описал Маркс». Это, по мнению Макдермота, «создает основу для новых и более острых классовых конфликтов в нашем обществе».

Быть может, наиболее обличительной и поучительной частью памфлета являются не лишённые парадоксальности рассуждения Макдермота об эволюции реакционной идеологии в США. Давно ли многие деятели реакции, спрашивает профессор, кичились своей консервативностью, восторгались традиционностью, цинично уверяли, что в политике нельзя быть «правым» или «левым», а можно быть либо правым, либо виноватым, заблуждающимся? Теперь политический спектр явно преобразился: мало кто отваживается назвать себя «правым»; даже отъявленные реакционеры признают самое большее, что они находятся разве лишь чуть вправо от центра, а в парламентах разыгрываются драматические сцены только потому, что ни одна партия не желает рассаживаться на скамьях справа. Ныне чуть ли не все претендуют быть «левыми» и «революционерами», «реформаторами» и «преобразователями», обвиняя своих противников в реакционности, старомодности, луддизме и прочих смертных грехах XX века.

«Опасность справа!» — провозглашают они хором, но, странное дело, справа на первый взгляд как будто никого и нет.

Это псевдолевое и псевдореволюционное поветрие, включает Макдермот, — характерное политическое явление современной Америки. Подобно яркой полиэтиленовой упаковке, оно призвано придать привлекательный и свежий вид реакционной идеологии правящих кругов США, выступающих ныне под лозунгом **«Лессе иннове»** (**«Дайте дорогу нововведениям»**). Тем самым во имя научно-технического прогресса осуществляется настоящая апология государственно-монополистического капитала и самооправдание служащей его интересам технократической элиты.

Памфлет Макдермота, бесспорно, впечатляет содержащейся в нем социальной критикой пороков антагонистического строя. И все же, подобно многим другим аналогичным выступлениям радикальной интеллигенции и так называемых **«новых левых»** за последние годы, это произведение отражает не только их законную тревогу ходом научно-технического прогресса в США, но, к сожалению, и их поразительное бессилие, неумение противопоставить политике государственно-монополистического капитала сколько-нибудь конструктивную демократическую альтернативу. Такой факт, конечно, не случаен.

Технология под пером Макдермота приобретает характер вселенского бедствия, нового и еще более чудовищного творения Франкенштейна, лишь умножающего по своей воле зло и несправедливость на земле. Можно понять чувства автора памфлета, которые разделяют миллионы американцев, и вместе с ними негодовать против злоупотребления плодами научно-технической революции. Однако это негодование не должно быть обращено против нее самой.

В споре о причинах отрицательных социальных последствий научно-технической революции прав, увы, не Макдермот, а скорее Э. Местин, который полагает, что технология «создает новые возможности для человеческого выбора и действия, но оставляет неопределенным направление этих действий. Каковы будут результаты технологии и каким целям она будет служить — это заложено не в ней самой, а в том, что делает с технологией человек». Новая технология создает новые возможности для людей и общества и порождает новые проблемы для них. Отмечая, что положительные и отрицательные последствия научно-технической революции взаимно связаны, Э. Местин формулирует (хотя и осторожно) правильный вывод: «возобладание первых либо вторых вызывается социальными и политическими факторами, внешними по отношению к самой технологии. Собственно говоря, если бы дело обстояло иначе, то тогда борьба прогрессивных сил была бы заведомым донкихотством. Передовые силы общества не вправе отдавать знамя научно-технического прогресса на откуп реакции.

В своем подчеркнуто отрицательном отношении к научно-технической революции Макдермот не составляет исключения среди радикально настроенной интеллигенции США. Примером подобной технофобии, которой страдают многие американские, и не только американские, радикалы, может служить статья весьма авторитетного среди «новых левых» социального философа Пола Гудмэна «Может ли технология быть гуманной?»¹.

Повсеместное внедрение новой технологии, отмечает Гудмэн, сопровождается в США резким углублением экономических противоречий и социальных

---

¹ См.: «The New York Review of Books», November, 20, 1969.

контрастов. Однако справедливая критика злоупотреблений достижениями науки и техники в условиях антагонистического общества выливается у него в обличение технологии вообще, в обвинительную речь против самих ученых. Наука, как считает он, постепенно превратилась в религию нашего времени, академические учреждения стали чем-то вроде официальной церкви, а сами ученые уподобились касте священнослужителей. Современное «индустриальное общество» страдает от «засилья науки», «избытка технологии», утверждает Гудмэн, призывая к упрощению жизни и ограничению потребностей. «Нововведения приносят все меньше пользы для улучшения жизни, — пишет он. — И вместо радости от замечательных успехов генетики, хирургии, электронных машин, ракет и атомной энергии широко распространяется убеждение, что они неизбежно лишь увеличат сумму человеческих невзгод». Технология обезчеловечивает общество, стандартизирует цивилизацию и подавляет личность, подчиняя ее своему всеобъемлющему контролю, сокрушается Гудмэн. А надежды, которые человечество возлагает на науку, будут обмануты так же, как в свое время это случилось с реформацией. «Именно наука, которая призвана была стать очистительным ветром истины, отравила атмосферу, содействовала промывке мозгов и снабдила оружием для войны», — заявляет он. Что же касается самих ученых, то сознают они это или нет сами, их помыслы и их деятельность продиктованы стремлением к власти над обществом.

Воинствующий антитехнологизм стал за последние годы своеобразной модой среди значительной части радикальной интеллигенции на Западе. Ему платят дань многие поборники так называемой «контркультуры», которые считают, что центр тяжести в борьбе против капитализма должен быть перенесен в сферу

моральных убеждений, культурных ценностей и образа жизни людей. Наиболее четко эти взгляды изложил американский социолог Теодор Роззак в книге «Создание контркультуры. Размышления о технократическом обществе и молодежной оппозиции ему»¹. Отождествляя капитализм с «организованным технологическим обществом», а господствующую буржуазную культуру с «технократическим мировоззрением», он видит спасение от них лишь в возрождении некоего «нового гуманизма», обращающегося к совести людей и освобождающего их от поклонения науке и технике.

Технофобия придает еще более утопический характер социальным идеалам «новых левых», обнажает их нереальность и недостижимость. Социальное предвидение, из которого изгоняются достижения науки и техники, превращается либо в наивные утопические проекты лучшего будущего, либо в апокалиптические пророчества грядущих катастроф. Антитехнологизм притупляет социальный радикализм во взглядах «новых левых», дает повод для изображения их ретроградями в глазах общественного мнения.

Эта враждебность к научно-техническому прогрессу еще больше дает о себе знать в новой книге Роззака «Где кончается страна расточительства: политика и выход за пределы постиндустриального общества»², которая, в сущности, означает окончательное отречение его от идеи рационализма и обращение к религиозному мистицизму в поисках социального идеала. Западная цивилизация, утверждает он, зашла в безысходный исторический тупик, «сам бог превратился во врага нового индустриального общества».

---

¹ Th. Roszak, *The Making of a Counter Culture: Reflection on the Technocratic Society and its Youthful Opposition*. New York, 1969.

² Th. Roszak, *Where the Wasteland Ends: Politics and Transcendence in Postindustrial Society*. New York, 1972.

Неразрешимые экономические и социальные противоречия Запада, по его убеждению, вызваны тем, что он позволил увлечь себя идеями научного рационализма, индустриальной технологии, светской культуры и либерального гуманизма. За экономическое развитие и сомнительное благополучие человечество, продолжает он, заплатило непомерно высокую цену: во имя материального богатства оно пожертвовало непреходящими духовными ценностями средневековья только для того, чтобы в конце пути оказаться перед лицом тотального отчуждения личности, экологического крушения и угрозы термоядерного побоища. Единственное спасение для «урбанизированно-индустриальной страны расточительства», превращающей нашу планету в пустошь, как считает Роззак, состоит ныне в том, чтобы отказаться от «научного рационального мышления» и вернуться к плодотворным традициям «провиденциального религиозного мышления» средних веков, к гностицизму, магии, алхимии и другим методам приобщения к интуитивному, потустороннему высшему знанию. Современная светская и технологическая культура не заслуживает ничего, кроме бесследной гибели, ибо она, по его характеристике, является «умаленной действительностью», обедненным объективным миром, из которого изгнано самое главное — мистический иррациональный мир субъекта. «Следующая революция», накануне которой стоит человечество, уверяет Роззак, как раз и должна будет возродить этот субъективный мир духовных ценностей.

В концепции «контркультуры» Роззака поражают прежде всего ее вопиющая теоретическая беспомощность и политическая убогость. Такого рода «крайне левые» взгляды, в сущности, смыкаются с «крайне правыми», консервативными взглядами на науку и

общественный прогресс. Осуждая научный рационализм, светскую культуру и экономическое развитие, отвергая наследие Бэкона, Ньютона и Декарта, призывая повернуть вспять к средневековью, Роззак в своей книге воспроизводит, часто дословно, основные тезисы и доводы Льюиса Мэмфорда, изложенные им в двухтомной монографии «Миф о машине». Как и Мэмфорд, а также Эллюль и многие другие противники научно-технического прогресса, Роззак взывает к религии и идеализирует средневековье. Вся разница между ними сводится к тому, что одни и те же положения в первом случае излагаются от имени «новых левых», тогда как во втором их отстаивают общественные деятели, не скрывающие своих консервативных убеждений.

Роззак, в сущности, оказывается в плену концепции «послеиндустриального общества», которую претендует опровергнуть. В самом деле, он не видит никакого иного пути научно-технического и социального прогресса, никакого иного будущего, кроме «послеиндустриального общества». Единственную альтернативу ему он усматривает в попятном движении цивилизации к средним векам. Но тем самым он оказывается обезоруженным перед ней не только теоретически, но и политически. Восхваляя средневековье, псевдореволюционеры вроде Роззака уподобляются советнику юстиции Кнаппу из сказки Андерсена «Калоши счастья», утверждавшему, что «времена короля Ганса были лучшей и счастливейшей порой в истории человечества». Но после того, как волшебные калоши перенесли его туда на время, он всю жизнь потом вспоминал пережитые им ужасы и благословлял свой век. Ликвидация антагонистического общества вовсе не предполагает уничтожения современной цивилизации и отказа от научно-технического прогресса. Социаль-

ные идеалы трудящегося человечества устремлены в будущее, а не в прошлое. Коммунизм, как подчеркивал Ленин, покоится на усвоении всех достижений цивилизации и обращении их в достояние народных масс. Он не может быть возведен на фундаменте средневековья с помощью магических средств «контркультуры».

Научно-техническая революция — неотъемлемая составная часть великой освободительной социальной революции. В одинаковой мере заблуждением являются как попытки «правых» подменить социальную революцию технологической, так и наивная вера «левых», будто социальная справедливость и изобилие, которые призван осуществить коммунизм, могут быть достигнуты помимо и вопреки научно-техническому прогрессу. Ибо в этом последнем случае следовало бы признать, что все социальное зло на земле лишь следствие насилия и обмана, а благосостояние и справедливость были достижимы уже в древности.

РАДИКАЛЬНАЯ УТОПИЯ ВМЕСТО НАУЧНОГО ПРЕДВИДЕНИЯ

Научно-техническая революция на современном капиталистическом Западе сопровождается резким обострением экономических и социальных противоречий, а также поляризацией взглядов на будущее. Широким распространением, особенно в США, во Франции, ФРГ и Японии, пользуются различные радикальные течения в политике и идеологии, получившие собирательное название «новых левых». Отношение «новых левых» к научно-технической революции и социальному прогнозированию тем более заслуживает внимания, что они претендуют на роль наиболее последовательной и непримиримой оппозиции государственно-монополистическому капитализму. Социальные взгляды «новых левых», в том числе оценка ими перспектив общественного развития, отражают настроения известной части интеллигенции, подрастающего поколения и в особенности студенческой молодежи, которым предстоит не только жить в будущем обществе, но и играть все более активную роль в его создании.

Движение «новых левых», как известно, крайне неоднородно и в социальном отношении, и тем более

по идейно-политической ориентации. Оно опирается на две весьма специфические группы населения: с одной стороны, на тех, кто отвергает идеалы так называемого «потребительского общества» (это часть пролетаризирующейся интеллигенции, вступающей в самостоятельную жизнь молодежи и особенно студенчества), а с другой — на тех, кто отвергнут этим обществом и обречен в нем на бедственное положение вследствие целого ряда факторов (например, негры в США, иностранные рабочие в ряде стран Западной Европы, различные социальные и национальные меньшинства). Этот во многом эфемерный союз «отвергающих» и «отвергнутых», по образному выражению Нормана Бирнбаума¹, конечно, не является той социальной силой, которая сама по себе способна изменить общество. Как ни активны отдельные образующие это движение социальные группы, они все же составляют незначительное меньшинство в населении развитых капиталистических стран. Главная же слабость «новых левых» состоит в неустойчивости тех групп, на которые они в основном опираются: расовые и национальные меньшинства в конечном счете классово неоднородны и стремятся скорее к интеграции в основную массу населения; студенты — это в некотором смысле «переходное состояние» на жизненном пути человека. Собственно говоря, только идейная и политическая солидарность с основной массой трудящихся и прежде всего с рабочим классом может позволить «новым левым» повлиять на ход событий, на перспективы общественного развития.

Вместе с тем политический экстремизм и идейная непоследовательность значительной части «новых ле-

---

¹ См.: N. Birnbaum, The Crisis of Industrial Society. New York, 1969.

вых» обрекают их на изоляцию в обществе и историческую бесперспективность. Отдельные представители радикально-экстремистского движения, искренне стремящиеся вывести своих последователей из обездоленных негритянских гетто и привилегированных университетских городков, нередко тут же пытаются заточить их в своего рода «идеологическое гетто» экстремизма и сектантства.

Среди «новых левых» имеют хождение различного рода нигилистические, а нередко и прямо апокалипсические настроения в отношении будущего, свидетельствующие об их теоретической беспомощности и политической слабости. Подавленные перспективой предельно рационализованного и бюрократизированного «технологического общества», они, как правило, оказываются не в состоянии противопоставить ему сколько-нибудь привлекательный и конструктивный идеал будущего. Их резко критическое, во многом оправданное отношение к футурологии перерастает в категорическое осуждение социального прогнозирования вообще, в отрицание самой возможности научного предвидения поступательного развития общества. Тем самым крайне левая позиция в политике сочетается с ультраконсервативными теоретическими взглядами. Красноречивым подтверждением тому может служить статья Ганса Коха в журнале «Курсбук», популярном органе «новых левых», который издает в ФРГ с 1965 года немецкий поэт и общественный деятель Ганс Магнус Энциенсбергер.

Усматривая в футурологии всего лишь изощренную апологию капитализма, Кох пишет: «Футурология является социально-техническим методом генеральной стратегии планового капитализма, методом предотвращения кризисов. Футурология, поскольку она не хочет быть ни критической, ни политической, пред-

назначена для идеологического оправдания такого порядка, который предпочитает быть завуалированным во все новое и при этом оставить все по-старому»¹. Отказываясь проводить различие между буржуазно-апологетическим и социально-критическим направлениями в футурологии, он пытается обосновать сектантский взгляд на нее, согласно которому футурологические концепции тем опасней и вредней, чем критичнее они относятся к капиталистическому обществу. Более того, будучи не в состоянии противопоставить свои конструктивные представления о будущем «неокапитализму», он ополчается на самый метод альтернатив, как, впрочем, и на все остальные методы и технику социального предвидения, включая экстраполяцию, моделирование, экспертные оценки и т. д. Реальная проблема возможности и пределов предвидения общественного развития подменяется им риторическими вопросами: не лежит ли в основе любых проектов будущего неизменный силуэт настоящего? Не являются ли модели будущего, полученные с помощью альтернатив, модификацией проблем сегодняшнего дня?

В результате Кох приходит к пессимистическому выводу: «Проект альтернативного будущего должен разбиться не только об огромное количество переменных; он разобьется о бесперспективность футурологии, о ее слепоту в отношении настоящего. Находясь в плену сегодняшнего дня, нельзя найти средств, с помощью которых можно было бы добиться изменений в будущем». В конечном итоге социальное прогнозирование, развитие которого продиктовано объективными насущными потребностями общественного развития в современную эпоху, объявляется Кохом оче-

---

¹ „Kursbuch“, № 14, August 1968.

редной идеологической мистификацией, предпринятой реакционными силами с единственной целью ввести в заблуждение общественное мнение, а все концепции будущего — беспочвенными мифами.

Взывая к социальному обновлению, такого рода теоретики не могут предложить никакой реальной программы его воплощения в жизнь. Перед лицом неприемлемого для них будущего они уподобляются страусу, зарывающему свою голову в песок, и даже ставят себе в заслугу пренебрежение долговременными перспективами своей собственной борьбы. И, как естественное следствие такой позиции, их справедливое возмущение «уготованным будущим» нередко выливается в стихийный бунт против будущего вообще, отдаленно напоминающий движение луддитов против машин на заре промышленной революции.

Апологии государственно-монополистического капитализма в долговременных футурологических концепциях «новые левые» противопоставляют не теоретически обоснованную программу борьбы за лучшее будущее, но культ непосредственности и повседневности, стихийную реакцию на события. Тем самым один из основных пороков движения «новых левых» сознательно возводится ими в некую политическую добродетель.

Это придает радикальному движению молодежи анархическую окраску, тем более что такие настроения разделяются даже его руководителями. Так, Тодд Джитлин, в прошлом председатель организации «Студенты за демократическое общество», отмечал, что, хотя «ориентация на будущее была отличительной чертой каждого революционного, а также в этом смысле либерального движения за последние полтора столетия», тем не менее «новые левые» испытывают «недоверие к будущему». Перечислив затем

доводы против систематического и последовательного изложения представлений о будущем, он в конце концов откровенно заявил: «Мы оказались неспособными сформулировать будущее». В большинстве случаев, однако, «новые левые» не хотят в этом признаться даже самим себе. Кичась своим пренебрежением к тому, каким станет общество в результате «радикальной революции», к которой они призывают, они уповают на «естественный ход событий» и считают дурным тоном составлять заранее даже повестку дня для очередного собрания или митинга.

Подчеркнутый нигилизм «новых левых» отталкивает от них широкие массы населения. Вот почему нельзя не согласиться с мнением О. Тоффлера, который отмечает: «Привлекая внимание к возрастающей несостоятельности технократов и искренне отвергая не только средства, но и сами цели индустриального общества, современные молодые радикалы оказывают нам всем громадную услугу. Но они знают о том, как справиться с кризисом целей, не больше, чем технократы, над которыми они глумятся... Они явно не способны предложить какой-либо положительный образ будущего, заслуживающий того, чтобы за него бороться»¹.

Особенность движения «новых левых» в значительной мере состоит в его социальной критичности, в осуждении пороков антагонистического строя: оно подвергает критике не то или иное правительство, но буржуазное общество в целом; оно отвергает не просто политику правящей партии, но капиталистическую систему как таковую. Однако этот политический радикализм обычно выливается в борьбу против отвлеченного социального зла, в протест против «отчуждения»,

---

¹ A. Toffler, Future Shock, p. 419.

«конформизма», «тотального подавления личности», «массового общества» и «потребительской психологии» и т. п. Такого рода абстрактные лозунги, несомненно, позволили «новым левым» приобрести популярность и поддержку в различных слоях населения, стать в какой-то мере «катализатором» массового недовольства отдельными сторонами политики государственно-монополистического капитализма. Мобилизуя общественное мнение на борьбу за прекращение войны во Вьетнаме, против расовой дискриминации и авторитарных форм правления, движение «новых левых», несомненно, сыграло определенную положительную роль. Однако отсутствие у него реальной позитивной программы не может быть возмещено демагогическими призывами некоторых теоретиков радикально-экстремистского толка вроде таких лозунгов, как «будьте реалистами, требуйте невозможного», «инкорпорируйте будущее в свой повседневный образ жизни». Такая установка пока что породила разве лишь толпу хиппи, непритязательные потребительские коллективы и прочие сомнительные эксперименты, выражающие скорее ностальгию по идеализированному прошлому, чем олицетворяющие будущее.

Некоторые теоретики радикализма вроде Маркузе, претендующие на роль идеологов «новых левых», пытаются противопоставить футурологии воинствующий утопизм. При этом они ссылаются на Ч. Райта Миллса, который десять лет назад, у истоков движения «новых левых», писал в своем обращении к ним: «Нас часто обвиняют в том, что мы «утопичны» и в своей критике, и в своих предложениях... Но мы должны задать вопрос: в чем теперь заключается смысл понятия «утопическое»? И другой вопрос: не является ли наш утопизм важнейшим источником нашей силы? Я полагаю, что «утопически-

ми» ныне считаются любая критика и любой проект, которые не укладываются в сознании большинства»¹. Вряд ли одной наивностью можно объяснить произвольную попытку изобразить призыв Миллса к «новым левым» не бояться выглядеть «утопистами» в глазах обывателя как якобы завещание на самом деле быть утопистами в своей политической деятельности. Между тем именно так стремятся истолковать замечание Миллса его мнимые последователи.

Желая как-то восполнить очевидный недостаток движения «новых левых» в конструктивной программе, журнал «Курсбук» объявил конкурс на лучшую «конкретную утопию». Сочинения, присланные на конкурс и призванные противопоставить «конкретное восприятие будущего» абстрактно-теоретическим концепциям футурологов, лишней раз подтвердили убогость социального предвидения и просто социологического воображения «новых левых». Первую премию в тысячу марок получил Геза Кирхкнопф за трактат «От эластичной семейной группы к коммуне». Исходя из того, что традиционной основой современного общества является «буржуазная семья», автор трактата предлагает начать социальное обновление... с упразднения семьи вообще².

Столь же нелепо выглядят и другие проекты, рекламируемые журналом, будь то «коренная реформа образования», провозглашающая, что для того, чтобы учить, не обязательно обладать знаниями, либо двадцатилетний план «ликвидации денежной экономики». Первый из них удивительно напоминает пресловутую «культурную революцию» в университетах Китая. Что

---

¹ P. Jacobs and S. Landau, The New Radicals. A Report With Documents. New York, 1966, p. 109.

² См.: «Kursbuch», № 14, August 1968, S. 22—23.

касается второго, предложенного Рольфом Швендтером, то он предусматривает следующий график: на 3-й год — отмена платы за посещение бассейнов и библиотек, на 8-й — бесплатное питание в столовых, на 9-й — бесплатное распределение хлеба, овощей и соков, на 14-й — пива, на 15-й — табака и т. д. Любопытно опять-таки, что проповедь мелкобуржуазной уравнительности в потреблении сочетается со стремлением обосновать привилегированное положение для ограниченного круга избранных, которые начиная с 10-го года осуществления плана не будут получать никакой платы за труд, но зато «будут занесены в списки пользующихся бесплатно всеми потребительскими товарами». Каждому избраннику, поясняет Швендтер, будет вручена «электронная учетная карточка» для фиксирования его потребления. «Расточительные потребители» будут изгоняться из среды избранных, а на их место в конце года примут новых, пока наконец окончательно не восторжествует «состояние социалистической конкуренции в области потребления»¹.

Такого рода «конкретные утопии», возрождающие несостоятельные утопические идеи далекого прошлого, вряд ли требуют сколько-нибудь обстоятельного опровержения. Достаточно сказать, что история утопических движений прошлого столетия буквально усыпана обломками подобных проектов введения социальной справедливости и уравнительности в распределении благ. То же самое можно сказать и об уничтожении капиталистической экономики посредством «электронных учетных карточек». Так называемые «кредитные карточки», позволяющие приобретать товары и услуги, не расплачиваясь за них наличными деньгами, с

---

¹ «Encounter», February 1969, pp. 22—23.

последующим автоматическим снятием соответствующих сумм с текущего счета в банке, получили ныне повсеместное распространение в США и отчасти в Западной Европе. Однако это обстоятельство нисколько не подрывает устои капитализма, не устраняет социальных и экономических контрастов в обществе. Фантазия «новых левых» загнипнотизирована прошлым и настоящим, она в данном «конкретно-утопическом» случае не идет дальше того, чтобы вообразить себя обладателем «всемогущей» кредитной карточки, не имея текущего счета в банке. Иначе говоря, социальное предвидение «новых левых» при всей их радикальности представляет собой лишь искаженный оттиск буржуазного сознания.

Наивность не может возместить отсутствия теоретических знаний, а непосредственность — заменить обоснованную революционную программу социальных преобразований. Движение «новых левых» убедительно показывает, что даже тогда, когда недостатки являются прямым продолжением некоторых достоинств, они от этого не становятся менее опасными. В самом деле, революционное нетерпение «новых левых» нередко перерастает в нетерпимость ко всем инакомыслящим, убежденность — в фанатизм, непосредственность — в политическую безответственность, конкретность мышления — в примитивизм. Общество будущего, однако, будет не примитивнее современного, а несравненно более сложным и многообразным уже хотя бы в силу бурного научно-технического прогресса и стремительно возрастающего обмена деятельностью между людьми. Оно, следовательно, будет предъявлять не меньшие, а большие требования к социальному знанию и социальному предвидению.

Вот почему исходящие от «новых левых» призывы к «упразднению гнетущих социальных структур» за-

ведомо обречены остаться благим пожеланием и в перспективе могут привести лишь к безысходности. Это не может не вызвать глубокого сожаления у всех, кому импонирует самоотверженная борьба «новых левых» против социальной несправедливости и милитаризма. Называя бунтующих студентов «своей совестью», американский социолог Р. Вогуслав и немецкий футуролог Р. Юнгк стремятся вместе с тем внушить им необходимость в приобретении знаний, ибо антагонистическое общество мало отрицать — его надо уметь переделать. «Мобилизовать воображение, — отмечает Юнгк, — моя мечта. Я говорю своим студентам: «Не уступайте ваши мечты, ваши представления о будущем специалистам или какой-нибудь элите». Но добавляю: «Представления о будущем, основанные на иных ценностях, чем прибыль или непосредственная выгода, должны сочетаться с информацией, с фактами. ...Если вы не накопите столько знаний, столько информации, сколько должны иметь молодые управляющие, индустриальные кадры, то вам в конечном счете не останется ничего другого, как бросаться камнями, на большее вы не будете способны, так как не взойдете на уровень нашего века — века информации»¹.

Следует сказать, что за последнее время некоторые видные представители «новых левых» начинают сознавать, что осуждение научно-технической революции и отрицание социального прогнозирования заводит это движение в исторический тупик. Так, американский социолог Ирвинг Луис Хоровиц, последователь социально-критической традиции Ч. Райта Миллса, недавно призвал радикально настроенных ученых отка-

---

¹ „L'Express“, 12—18. I. 1970, p. 74.

заться от «реакций луддитского характера» и, вместо того чтобы «требовать не могущего быть оправданным замедления технологических нововведений», разрабатывать демократическую альтернативу их использования на благо общества. При этом он оптимистически заключил, что «некоторые признаки позволяют думать, что луддитская фаза приближается к своему концу»¹.

---

¹ „Revue internationale des sciences sociales“, № 4, 1969, pp. 597—598.

НОВЫЕ «НОВЫЕ ЛЕВЫЕ»?

Социальный кризис, в который оказались ввергнуты Соединенные Штаты в середине прошедшего десятилетия, с каждым годом приобретает все более глубокий и необратимый характер. И для многих стало очевидно, что возврата к прошлому, как бы его ни идеализировали одни и ни осуждали другие, быть не может. США, как считают многие американцы, находятся на пороге если не глубоких преобразований, то, во всяком случае, серьезных социальных потрясений.

История тем самым подтвердила марксистский анализ объективных противоречий и тенденций развития государственно-монополистического капитализма в США. Выступая на XXIV съезде КПСС, Генеральный секретарь КП США Гэс Холл отмечал: «Сейчас на чашу весов брошена вся качественная сторона жизни. Уровень материального достатка при этом играет очень важную роль, но масштабы измерения стали сейчас гораздо шире. Они включают весь спектр человеческих ценностей, их сравнительную значимость, которая определяется внутренними законами каждой системы. Они включают концепции морали, культуры и философии, присущие этим системам. Многие из этих новых компонентов, которые влияют

на качественную сторону жизни, не измеришь никакими цифровыми показателями...

По мере того как капитализм загнивает и все менее способен откликаться на человеческие нужды, происходит распад жизненных ценностей¹. Многие американские общественные деятели, весьма далекие от марксизма, также пытаются критически осмыслить современный социальный кризис в США, выявить его глубокие причины и возможные альтернативы дальнейшего развития. За последние два года этим проблемам был посвящен целый ряд работ американских ученых-социологов, ищущих выхода из кризисной ситуации в стране. Ни одна из них, однако, не привлекла к себе столько внимания со стороны широкой общественности и не возбудила столько разноречивых толков, как «Молодая Америка» Чарлза А. Рейча, еще совсем недавно мало кому известного профессора Йельского университета.

Об этой книге начали писать и спорить еще до ее выхода в свет, как только популярный либерально-демократический журнал «Нью-Йоркер» опубликовал пространные выдержки из нее. Не только такие более или менее радикальные издания, как «Рэмпартс», «Нью-Йорк ревью оф букс», «Сошиел полиси», но и ведущие органы американской печати «Тайм», «Форчун», «Лук» и другие не сочли возможным обойти ее молчанием, а «Нью-Йорк таймс» даже отвела специальную рубрику под отклики на книгу Рейча. Высказать мнение о ней сочли своей обязанностью Джордж Ф. Кеннан и Джон К. Гэлбрейт, Герберт Маркузе, Майкл Харрингтон, Кеннет Кенистон и многие другие ведущие социологи. Многочисленные

---

¹ «XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет». М., 1971, т. I, стр. 416—417.

рецензии и отклики на книгу Рейча уже спустя полгода после ее выхода позволили Филипу Нобиле составить объемистый сборник «Споры вокруг Сознания III», в который, однако, была включена лишь незначительная часть критических высказываний о «Молодой Америке» в периодической печати.

«Молодая Америка» Рейча вызвала исключительно широкий, болезненный отклик в общественном мнении США.

Выступая по случаю присуждения ему национальной премии за литературу, известный американский писатель Роберт Пен Уоррен ссылаясь на успех книги Рейча в качестве символического подтверждения того, что осознание социального кризиса проникло даже в обывательские круги американского общества. Было время, заметил он, когда мрачные пророчества Шпенглера в «Закате Европы» производили впечатление лишь на воспитанников Гейдельбергского университета и мыслителей из Гринич Вилледж; теперь же о книгах вроде «Молодой Америки» Рейча, об упадке западной цивилизации рассуждают домохозяйки в пригородах, обеспокоенные за судьбу своих детей¹. Книга Рейча вызвала острую критику как справа, так и слева. Больше того, она явно вызвала разброд и даже определенную растерянность как среди либералов, так и радикалов.

Что же привлекло в книге Рейча американского читателя, достаточно избалованного за последние годы сочинениями на аналогичную тему?

Прежде всего книга Рейча подкупает искренностью автора и обличительным пафосом своего содержания: «Америка несет смерть не только народам других стран, но и своему собственному народу.

---

¹ «The New York Review of Books», January, 7, 1971, p. 32.

Так говорят наиболее мыслящие и страстные представители нашей молодежи от Калифорнии до Коннектикута. И это осознает не только новое поколение»¹.

В условиях, когда многими представителями «новых левых» овладели пессимистические настроения насчет непосредственного будущего, когда они продолжают борьбу за свои идеалы не столько потому, что надеются на победу, сколько потому, что так им велит их совесть, Рейч полон оптимистических надежд: «Мы находимся на пороге революции, ничем не похожей на революцию прошлого. Ее истоки в индивиду и его культуре, а изменение политической структуры явится только конечным итогом ее завершения. Эта революция добьется успеха без применения какого-либо насилия, и никакое насилие не сможет успешно противостоять ее победоносному шествию. Она развивается поразительно быстрыми темпами, уже сейчас оказывая ощутимое влияние на наше законодательство, институты и социальную структуру. В конечном итоге она приведет к торжеству разума, созданию более гуманного общества и нового, освобожденного человека»².

Вся книга Рейча состоит как бы из двух частей — резкой критики государственно-монополистической корпоративной системы, которая завела США в исторический тупик, и наивных поисков выхода из этого тупика посредством перемен в сознании американского народа. Только глубокие преобразования в жизненных ценностях и в повседневном поведении людей, по мнению Рейча, могут привести к социальному обновлению Америки, ибо, пишет он, «современный

---

¹ Ch. A. Reich, *The Greening of America*. New York, 1970, pp. 3--4 (Ч. Рейч, *Молодая Америка*. «Мировая экономика и международные отношения», 1971, № 10).

² Там же, p. 5.

кризис органически вытекает из самих основ, определяющих наш образ жизни, в силу чего эти проблемы не могут быть решены с помощью каких бы то ни было реформ». В основе социального оптимизма Рейча лежит его убеждение в необратимом характере эволюции мировоззрения людей на протяжении истории.

Каждой исторической эпохе, как считает Рейч, присущ определенный тип сознания. Так, в XIX веке в США сложилось и доминировало индивидуалистическое мировоззрение мелких бизнесменов и фермеров, стремящихся преуспеть в жизни благодаря личным усилиям. Их взгляды, которые разделяла подавляющая часть общества того времени, он условно обозначает как Сознание I. В XX веке этот тип сознания обнаружил свою несостоятельность перед лицом острых социальных проблем, и на смену ему пришла и постепенно стала преобладать либерально-реформистская идеология, по терминологии Рейча — Сознание II, выражающее интересы монополистических корпораций и государственного аппарата. Их идеология, оправдывающая порабощение личности бюрократической организацией, продолжает он, ныне завела Соединенные Штаты в исторический тупик, однако все еще продолжает держать в своем плену значительную часть населения страны. «Во второй половине двадцатого века как старое сознание, характеризующееся мифами, так и сознание, подчиненное машинной рациональности, оказались неспособными управлять, направлять и контролировать возникший в Америке огромный технологический и организационный аппарат. Вследствие этого он превратился в безжалостную силу, разрушающую окружающую среду, уничтожающую человеческие ценности, подчиняющую себе жизнь и разум членов этой системы. Столкнувшись с угрозой

своему существованию, граждане Америки начали в силу чисто биологической необходимости развивать в себе элементы нового сознания, соответствующего сегодняшней реальности...»¹ Все три типа сознания, продолжает Рейч, представлены сейчас среди населения страны: Сознание I владеет умами консервативно настроенных обывателей, поддерживающих Голдуотера и Уоллеса; Сознание II широко распространено среди служащих и либеральной интеллигенции, связавших свои интересы с государственно-монополистическим истеблишментом; наконец, Сознание III привлекает к себе радикальную молодежь и быстро проникает в другие слои общества.

Так же неотвратимо, как на смену индивидуалистическому сознанию эпохи свободного предпринимательства пришло массовое сознание эпохи корпоративного общества в XX веке, на смену последнему идет новое, «третье», сознание свободной личности, представленное пока что главным образом социальными идеалами критически настроенной молодежи, которая отвергает государственно-монополистическую «корпоративную систему».

Критика Рейчем «корпоративного государства» далеко не сводится к его моральному обличению, хотя последнее и преобладает в ней. «Корпоративное государство», по характеристике Рейча, представляет собою слияние монополистических корпораций в экономике с политической властью государства и подчинение им всех остальных сфер общественной деятельности: университеты, филантропические фонды, армия и другие учреждения все больше приобретают черты корпораций и становятся ответвлениями «корпоративного государства». Могущество этого государ-

---

¹ См.: «The New Yorker», September, 26, 1970, p. 65.

ства покоится на том, что оно монополизирует все сферы общественной деятельности в руках узкой привилегированной «элиты», руководствующейся своими интересами. В условиях такого монополистического обобществления собственности, а также научно-технической революции индивидуальная частная собственность становится бессмысленной. Она фактически вытесняется новыми формами собственности в виде правительственных контрактов, экономических обязательств, различного рода привилегий. Одновременно возрастающая роль услуг в потреблении по сравнению с материальным обладанием вещами предполагает уже не частные, а социальные формы распределения: в первую очередь это касается образования, здравоохранения, социального обеспечения, досуга и т. д. Тем самым потребительское общество, покоящееся на частном присвоении, становится архаической формой распределения. Сохранение «корпоративного государства» в современных условиях превращает в частную привилегию все то, что уже может стать общественным достоянием; оно ведет к гипертрофированному потреблению навязываемых товаров в ущерб социальным потребностям. Внешнее изобилие сопровождается социальным обнищанием, психологическим калечением людей и разрушением природной среды.

Чарлз Рейч продолжает социально-критические традиции в послевоенной американской социологии, представленные такими хорошо известными именами, как Дэвид Рисмэн, Ч. Райт Миллс, а в следующем за ними поколении — Кеннетом Кенистоном, Амитаи Этциони, Майклом Харрингтоном и рядом других. В отличие от подавляющего большинства своих университетских коллег, не отваживающихся перешагнуть рамки респектабельного «нонконформизма» и

умеренного реформизма, он озабочен не тем, как усовершенствовать государственно-монополистическую систему и модернизировать ее применительно к современным требованиям, а тем, как найти выход за ее пределы. Конечно, критика государственно-монополистической «корпоративной системы» Рейчем, как и обличение Миллсом «властвующей элиты», при всем их радикализме остаются в русле общедемократических требований и абстрактно-гуманистических социальных идеалов. Антикапиталистический радикализм такого рода ведет не к марксизму, а к утопизму, и тем вернее, чем он ярче выражен¹.

Обличительный пафос Рейча действительно во многом напоминает Райта Миллса, хотя ему явно недостает основательности последнего. Что же касается теоретического содержания концепции Рейча о социальных функциях сознания, то им он обязан в первую очередь Дэвиду Рисмэну, профессору Гарвардского университета, разработавшему в свое время учение о так называемом «социальном характере». Согласно Рисмэну, каждой исторической эпохе в поступательном развитии общества присущ определенный «идеальный тип» социального характера людей, наиболее полно отвечающий тем требованиям, в том числе моральным, которые данное общество предъявляет к личности. Не вдаваясь в подробности этой теории, обстоятельно изложенной автором в книге «Одинокая толпа», следует отметить, что он выделяет три основных типа социального характера, последовательно сменявших друг друга на протяжении нескольких столетий: «традиционно-ориентированный, мотивированный обычаями и страхом быть отвергнутым своим родом или сословием; внутрен-

---

¹ См.: C. Wright Mills, *The Marxists*. New York, 1962.

не-ориентированный, черпающий мотивы своего поведения в индивидуальном призвании, последовательно выраженный в пуританской этике и отвечающий эпохе свободного предпринимательства; и, наконец, внешне-ориентированный, движимый мнением окружающих о себе и наиболее соответствующий современной эпохе монополистического капитализма и бюрократических организаций¹. Этот последний тип, по мнению Рисмэна, воплощает в себе такие черты характера, как неуверенность личности в своих силах, стремление быть похожим на других, приспособленчество к внешним обстоятельствам жизни, склонность к конформизму в политике и т. д.

Не требуется особой проницательности, чтобы узнать в перечисленных типах социального характера соответствующие им исторические типы сознания Рейча; традиционный тип отбрасывается им как излишний для истории США, внутренне-ориентированный, по существу, отождествляется с Сознанием I, а внешне-ориентированный — с Сознанием II, которое, в свою очередь, призвано сменить следующее за ним Сознание III. Надо сказать, что заключительная глава «Автономия и утопия» книги Рисмэна в значительной мере уже предвосхищает появление аналогичного социального характера, наделенного многими чертами Сознания III. Эти взгляды получили дальнейшее развитие в пространном предисловии Рисмэна к массовому изданию книги в 1968 году, а затем в статье «Одинокая толпа» — двадцать лет спустя», опубликованной в журнале «Энкаунтер», где он, в частности, связывал свои надежды на изменение «морального клима-

¹ См.: D. Riesman, with R. Denney and N. Glazer, *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*. New Haven, 1968, pp. 24—29. Марксистский анализ концепции Рисмэна см.: Ю. А. З а м о ш к и н, Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М., 1966.

та» в стране с движением протеста альтруистически настроенной американской молодежи, с возрождением утопического духа ¹.

Собственно говоря, «Молодая Америка» как раз и является таким по преимуществу утопическим сочинением, причем не только в смысле ее объективной оценки, но отчасти по намерению самого автора. Иначе нам пришлось бы предположить у него политическую наивность, совершенно невероятную для сорокатрехлетнего профессора права в одном из ведущих университетов страны, долгое время работавшего в Верховном суде США, консультантом на Уолл-стрите и советником крупной юридической фирмы в Вашингтоне, выполнявшего деликатные функции посредника между корпорациями и правительственными учреждениями.

Вот почему стереотипный упрек в утопизме, адресованный Рейчу многочисленными рецензентами и убийственный для общественного деятеля, стремящегося выглядеть реалистом и прагматиком, бьет мимо цели, когда речь идет о человеке, сознательно стремящемся быть утопистом. Конечно, нарочитый утопизм Рейча облечен в современную форму; Рейч ищет свою утопию не в заморских странах и не на других планетах, а в сознании окружающих его людей, то есть именно там, где находится ее местопребывание. Многие страницы из книги Рейча представляют собой своего рода «параллельные места» по отношению к книгам Эдварда Беллами «Взгляд назад» и особенно «Равенство», хотя и изложены языком современной социологии ². Само по себе это сравнение

---

¹ См.: «Encounter», October, 1969, pp. 36—41.

² Э. Беллами, Через сто лет (Взгляд назад). Спб., 1893, Равенство. М., 1907.

с Беллами говорит скорее в пользу Рейча, ибо выдающийся американский утопист конца прошлого столетия оказался несравненно более проницательным в отношении будущего Соединенных Штатов, чем профессиональные социологи, экономисты и юристы его времени.

Утопизм, однако, далеко не является критерием истинности суждений и даже в том случае, когда он намеренный, не избавляет от критики. Характерная черта утопий состоит не столько в нереальности провозглашаемых ими целей и социальных идеалов (хотя и это весьма часто имеет место), сколько в практической недостижимости их с помощью тех средств, которые рекомендуют их авторы. Что же касается самих идеалов, сформулированных утопистами, то многие из них были реализованы на протяжении истории, пусть другими средствами, чем те предполагали. Если мы теперь обратимся к «Молодой Америке» Рейча, руководствуясь этими критериями, то прежде всего обнаружим, что провозглашаемый им социальный идеал в основном заимствован у марксизма, хотя и отягощен солидным грузом абстрактного гуманизма и мелкобуржуазного радикализма. В приведенном Рейчем списке авторов, которым он считает себя наиболее обязанным, имя Маркса стоит на первом месте. Принципиальное значение для характеристики социального идеала Рейча имеет, однако, не это формальное соображение, а то обстоятельство, что в заключительной главе своей книги он фактически воспроизводит марксистское обоснование всестороннего развития личности как конечной цели общественного прогресса, включая такие предпосылки для этого, как превращение труда в творческую потребность, устранение отчуждения, изобилие материальных и духовных благ, ликвидация односторонней специализации

и т. д. Человек, обладающий Сознанием III, — это, согласно Рейчу, человек, стремящийся осуществить свое социальное призвание в условиях совпадения личных и общественных интересов.

На протяжении всей книги Рейч ведет едва завуалированную полемику со взглядами Джона К. Гэлбрейта и Герберта Маркузе — двух идолов американской интеллигенции, оппозиционно настроенной по отношению к истэблишменту.

Основной упрек, который Рейч бросает им обоим, в сущности, сводится к недооценке ими революционного потенциала американского народа: «Все правоверные либеральные и радикальные размышления о социальных изменениях и революции сводятся к тому, что имеются два основных пути воплощения сознания в эффективное действие. Один из них, предпочитаемый либеральным истэблишментом, — использование существующей легальной, административной и демократической процедуры для того, чтобы приблизить желательные изменения. Студентам и радикалам советуют действовать «в русле законности». Другой путь — противопоставление в политике силы силе». По мнению Рейча, оба эти пути, за которые выступают Гэлбрейт и Маркузе, представляют собой практическое отречение от революции, в первом случае явное, а во втором — скрытое: «Опыт с действиями «в русле законности», приобретенный людьми нового сознания, подтверждает то, что давно уже должно было стать очевидным: если эти действия и предназначены для социальных изменений, то исключительно в рамках существующей системы. Для более радикальных изменений они оказываются тупиком. Остается противопоставить силу силе, в чем и состоит революционная тактика «новых левых».

Рейч отвергает альтернативу, которой придержи-

ваются многие «новые левые» в США, — либо вооруженная борьба, либо капитуляция. Призыв к вооруженной борьбе против «корпоративного общества» в существующей сейчас обстановке, продолжает Рейч, — громкая псевдореволюционная фраза, призванная оправдать отказ от поисков иных, действенных форм борьбы. Те, кто выдвигает подобную перспективу, замечает он, тут же от нее отказываются и приходят к пессимистическим выводам. Больше того, «почти все теоретики новых левых, начиная с Маркузе, согласны в том, что революция в Соединенных Штатах в настоящее время невозможна. А многие считают, что если что-нибудь и произойдет, то это вызовет реакцию со стороны крайне правых элементов, которая начисто сметет остатки новых левых»¹. Радикализм маркузианцев, следовательно, прямо пропорционален их социальному пессимизму и служит преимущественно для его благовидного оправдания, иронически заключает Рейч. Они призывают своих последователей к борьбе не ради победы, а для успокоения своей совести, по экзистенциалистским рецептам; и не случайно наиболее последовательные борники подобных взглядов кончают тем, что готовы искать прообраз грядущей революции в Китае, в Африке, в Латинской Америке — словом, где угодно, но не у себя в стране.

Рейч убежден, что рассуждать таким образом — значит явно умалять революционный потенциал, накопившийся в США. Никто, справедливо подчеркивает он, не совершит в Америке революцию за американцев: ни угнетенные нации за ее пределами, как полагает Маркузе, ни негритянское меньшинство в самих США против воли подавляющего большинства

---

¹ Ch. A. Reich, *The Greening of America*, pp. 302—304.

населения страны, ни мятежные студенты против своих консервативных родителей. Революция в Америке и разрушение государственно-монополистической корпоративной системы произойдут только в том случае и тогда, когда большинство американского народа осознает историческую необходимость этого, то есть воспримет Сознание III. «Корпоративное общество», по его мнению, постоянно и неизбежно воспроизводит в возрастающих масштабах неудовлетворенность существующей системой и всем образом жизни, в том числе и среди рабочего класса, который последователи Маркузе рассматривают как консервативную силу в политике.

Будущее Америки, утверждает Рейч, решается не в университетах, хотя бы оно и зародилось там. «Молодежное движение само по себе не может многого достигнуть на пути политических и структурных перемен. Надежды Сознания III на общественную солидарность будут похоронены, если рабочие и люди старшего поколения окажутся в оппозиции к нему. Вместо этого будет иметь место поляризация, которая приведет к насилию, репрессиям и, быть может, даже к установлению на время фашизма. Сознание III либо выйдет за пределы молодежи, либо обманет ожидания»¹, — пишет Рейч. Но это сознание по своему содержанию апеллирует не только к молодежи; оно выражает глубокие, хотя и не вполне осознанные, интересы самых широких слоев населения. Не только негры, но и белые, не только студенты, но и рабочие испытывают недовольство своим общественным положением. «Недавние многократные забастовки выявили всю глубину недовольства рабочих, а также то, что оно выходит далеко за пределы просто вопроса

---

¹ Ch. A. Reich, *The Greening of America*, pp. 265—266.

о заработной плате». Беда состоит в том, по мнению Рейча, что рабочие, как и служащие, все еще «упрямо возлагают ответственность за испытываемые ими невзгоды на мнимые причины». Однако подобное заблуждение не может длиться вечно. Рабочие пока что значительно уступают студентам и неграм в осознании своих интересов, но когда наконец они их осознают, то их требования станут не менее радикальными, чем со стороны других угнетенных. «Когда белый человек обнаружит свое порабощение, мы станем очевидцами подлинного взрыва в Америке».

Каким бы сомнительным ни казалось на первый взгляд отправное положение «Молодой Америки» о революции посредством сознания, оно содержит в себе определенное рациональное зерно. В конце концов, согласно материалистическому пониманию истории объективные потребности общественного развития не могут оказать влияния на действительный ход событий, не пройдя так или иначе через голову людей, не превратившись в их сознании в идеальные побудительные мотивы деятельности. И в этом смысле революция в сознании предшествует революции в действительности. Для того чтобы сокрушить государственно-монополистический истэблишмент, необходимо предварительно поколебать его и вырвать из сознания масс. Но ведь и французские революционеры не смогли бы снести Бастилию из камня, олицетворявшую старый режим, не разрушив прежде клерикально-феодальную идеологическую Бастилию в сознании «третьего сословия». Заблуждение Рейча, следовательно, заключается не столько в преувеличении роли сознания, хотя это также имеет место, сколько в том, что формирование революционного сознания сводится им к стихийному процессу, и тем самым умаляется роль теоретического мышления и полити-

ческой организации в подготовке и проведении коренных общественных преобразований. Начиная с этого момента Рейч-реалист окончательно уступает трибуну Рейчу-утописту.

Убедительно выявляя несостоятельность ограниченных реформ для преобразования общества на началах социальной справедливости, Рейч, в сущности, противопоставляет буржуазно-либеральному реформизму не социальную революцию, но своеобразную идейную реформацию, напоминающую по своему характеру и предполагаемым историческим последствиям распространение христианства при переходе от античности к феодализму и протестантское движение при переходе от феодализма к капитализму. Эта реформация, которую призвано воплотить в жизнь Сознание III, по мнению Рейча, сделает излишней политическую революцию и приведет к утверждению новых социальных ценностей, новых общественных отношений благодаря моральному обновлению и духовному возрождению человечества. Эту историческую аналогию, разумеется, нельзя воспринимать буквально. В «Молодой Америке» речь идет не просто о замене одного религиозного мировоззрения другим. В наш век такой призыв выглядел бы вопиющим анахронизмом. Если в свое время Гус и Уиклеф, Лютер и Кальвин драпировались в тогу ветхозаветных пророков, то в середине XX века Рейчу это явно противопоказано. Поэтому со своей нагорной проповедью к американцам он выступает ультрасовременно. В его изложении Сознание III, а также соответствующая ему «контркультура» представляют собою вполне светский вариант духовной реформации, морального и идейного обновления общества, замены истлевших социальных ценностей и норм поведения, присущих капитализму,

иными, отвечающими, как полагает Рейч, новой исторической эпохе в поступательном развитии человечества.

По поводу этой концепции, провозглашенной Рейчем уже на первых страницах книги, можно сделать много критических замечаний. Любая новая общественно-экономическая формация не только покоится на специфическом для нее технологическом способе производства, на определенных социальных отношениях, но и предполагает иную сумму социальных ценностей, моральных норм поведения, а также мировоззрения в целом. Эти различные сферы общественной деятельности, несомненно, обладают известной относительной самостоятельностью своего развития. Однако неопровержимым историческим фактом остается, что протестантизм привел к утверждению капиталистической системы и в Англии, и в Нидерландах, и в США лишь после буржуазно-демократических политических революций: там же, где их не было или же они были подавлены, как, например в Германии или в Скандинавских странах, религиозная реформация столетиями уживалась с феодальными отношениями. Это соображение опрокидывает краеугольное положение Рейча о возможности похоронить «корпоративное государство» путем обращения населения в Сознание III, не прибегая в той или иной форме к революционному насилию.

Концепция «контркультуры», заимствованная Рейчем у Теодора Розака, исходит из идеалистического понимания истории, в частности из утвердившегося в современной американской социологии представления, согласно которому общественное развитие, в том числе экономика и технология, берут свое начало в социальных ценностях, в духовной культуре и в своих основных чертах определяются ими. «Револ-

люция должна быть культурной, — утверждает Рейч. — Ибо культура повелевает экономической и политической машиной, а не наоборот»¹. Поскольку носителями духовных ценностей являются отдельные люди, постольку в соответствии с этой концепцией общественные закономерности выводятся из устремлений отдельных личностей. Вся эта концепция не выдерживает ни серьезной теоретической критики, ни даже простого сопоставления с реальной действительностью. В условиях чуждой и враждебной по отношению к ней общественной среды подобная реформаторская «контркультура» со всем ее радикализмом и социальным протестом имеет все шансы выродиться либо в экзотический привесок к господствующей культуре, своего рода «субкультуру», либо в полурелигиозное политическое сектантство.

Никакое насилие, по мнению Рейча, не в состоянии предотвратить повсеместного распространения Сознания III среди американцев. Ссылаясь на появление почталыонов-хиппи, он утверждает, будто со временем Сознанием III проникнутся бизнесмены и чиновники, полицейские и конгрессмены. Картина триумфального шествия Сознания III по коридорам власти в Америке, которую живописует Рейч, поистине достойна иронического пера Честертона. В занимательной повести «Человек, который был Четвергом» английский сатирик изобразил, как добропорядочный Габриэль Сайм, проникнув в тщательно законспирированную организацию анархистов, постепенно обнаруживает, что она сплошь состоит из засланных в нее полицейских шпииков, а ее всеведущий руководитель не кто иной, как шеф полиции. Будь жив Честертон, он, наверное, не преминул бы воспользоваться диаметрально противоположным сюжетом,

¹ Ch. A. Reich, The Greening of America, p. 306.

напрашивающимся из «Молодой Америки» Рейча: некий мистер Джонс, благонамеренный американский гражданин и последний из могикан — обладателей Сознания II, решает разоблачить заговор сторонников Сознания III. Однако, обращаясь в одно учреждение за другим — в Белый дом и в Капитолий, в Пентагон и ФБР, наконец, в правления крупнейших корпораций, — он всюду наталкивается на обросших и экзотически одетых хиппи, восседающих в самых высокопоставленных креслах, и постепенно с ужасом убеждается, что все они только и мечтают о том, как уничтожить «корпоративное государство». И бедному Джонсу остается лишь удивляться, каким образом оно все еще продолжает благополучно функционировать. Быть может, «контркультура» и в самом деле со временем получит весьма широкое распространение во всех слоях американского общества, но разве лишь в качестве своеобразного интеллектуального и культурного снобизма, не покушающегося на основы существующего строя. В сущности, это будет означать, что она обманула надежды, которые возлагают на нее многие радикалы.

Мало какая книга за последние годы сопровождалась такой острой полемикой в общественном мнении США, какую вызвала «Молодая Америка». Филип Нобиле, включивший сорок рецензий (лишь малую часть всех откликов) на книгу Рейча в сборник «Споры вокруг Сознания III», восклицал: «Почему книга профессора права из Йеля разошлась тиражом более миллиона экземпляров? Почему одна статья в журнале «Нью-Йоркер» разожгла такие страсти вокруг Сознания III?»¹ Ответ на этот риториче-

---

¹ Ph. Nobile (ed.), *The CON III Controversy: the Critics look at the Greening of America*. Richmond Hill (Ontario), 1971.

ский вопрос заключается в том, что Рейч обнажил перед американцами глубокую порочность существующей социальной системы, хотя и не смог в силу классовой ограниченности выявить ее подлинные причины; он провозгласил насущную необходимость радикальных перемен в стране, но оказался поразительно беспомощен в поисках реальной перспективы их осуществления.

Достоинства книги соразмеримы с ее серьезными недостатками. Она взывает скорее к эмоциям читателя, чем к его рассудку. Рейч не просто непоследователен, крайне эклектичен, но и откровенно пытается совместить несовместимые взгляды, прямо противоположные утверждения. В его книге, как в Библии, можно найти высказывания в пользу самых различных точек зрения. Так, он заявляет, что «по терминологии Маркса, мы все сегодня пролетарии, и отныне не существует никакого правящего класса, кроме самой машины», то есть «корпоративного государства». А вслед за тем пишет: «Ничто из сказанного не отрицает, что сегодня в Америке имеется привилегированная элита и эксплуатируемая масса. В этом смысле, конечно, у нас все еще есть классы; все еще есть, конечно, люди, жиреющие за счет труда других; все еще есть дворцы и трущобы — но эта борьба отлична от той, которой посвящена данная книга»¹. Итак, кто хочет, может считать, что есть классы и классовая борьба, а кто хочет, может утешаться, что она превзойдена совместной заинтересованностью в возрождении гуманизма. Рейч даже не пытается примирить эти взаимоисключающие положения; подобно многим утопистам прошлого, он пытается убедить представителей господствующего класса, что они тоже

---

¹ Ch. A. Reich, *The Greening of America*, pp. 310—311.

жертвы «корпоративного государства» и лишь выгадают, отказавшись от своих привилегий. Впечатляющая как обличительный памфлет, книга Рейча несостоятельна как социологическое исследование и опасна в качестве евангелия.

Рейч как бы сам напрашивается на критику, однако все дело в том, с каких позиций и во имя чего ополчаются на него критики и за что его хвалят.

Либеральные органы печати склонны упрекнуть его в недостаточном радикализме, тогда как некоторые издания, претендующие на «левизну», обвиняют его в том, что он слишком радикален. А в журнале «Нью Лидер» Рейч обвиняется одновременно и в христианской проповеди милосердия, и в радикализме фашистского толка¹. Подобная критика свидетельствует скорее о смятении, вызванном книгой Рейча в традиционных взглядах, среди либерального истеблишмента, чем о ее подлинных недостатках, очевидных для марксистов.

В самом деле, чаще всего Рейчу ставят в вину, что, обличая «корпоративное государство», он не желает видеть, что носителями социального зла являются конкретные личности, действующие в этой системе. В этом его обвиняют, как правило, либералы, желающие подчеркнуть, что в социальном кризисе виновата не государственно-монополистическая система, а отдельные личности, политические деятели. И речь, следовательно, должна идти не о замене одной системы другой, а о замене некомпетентных и безответственных людей компетентными и ответственными. Такого рода критика Рейча — это критика справа. И в данном случае Рейч ближе к истине, чем его критики-либералы, считая основным, первичным социальным злом

---

¹ «The New Leader», December 1970, pp. 12—15.

государственно-монополистическую систему, а не отдельных политических деятелей, периодически сменяющих друг друга у кормила власти.

Непоследовательность и социальная ограниченность Рейча проявляются в том, что «корпоративное государство» приобретает в его изложении характер безличного механизма, тогда как в действительности оно выражает классовые интересы реакционной монополистической буржуазии. Поэтому последовательная борьба против этой системы предполагает и борьбу против олицетворяющего ее класса, против его представителей.

Именно здесь дает о себе знать принципиальное различие между марксистами и Рейчем. Государственно-монополистический капитализм представляет собой, как подчеркивал Ленин, полную материальную подготовку для перехода к социализму и коммунизму, воплощающему в себе идеал социальной справедливости; между этой ступенью, достигнутой в своем развитии капитализмом, и социализмом нет никаких промежуточных исторических ступеней. Но это не значит, что такой переход к социальной справедливости может быть завершен без классовой борьбы и революционного насилия, с помощью морального увещания и призыва к общечеловеческой солидарности, как считает Рейч. Развитие капитализма, далее, сопровождается превращением подавляющего большинства населения в наемных работников и ведет к растущей пролетаризации общества. От этого, однако, весьма далеко до превращения всех членов общества в пролетариев, как заявляет Рейч. Ибо наряду с процессом формирования «совокупного рабочего» в недрах государственно-монополистического капитализма происходит и формирование противостоящего ему и эксплуатирующего его «совокупного капиталиста»,

включающего в себя как владельцев современных средств производства, так и управляющих корпорациями, высшее чиновничество и другие привилегированные слои общества.

В той своеобразной исторической обстановке, которая сложилась в Соединенных Штатах, концепция Рейча тем не менее выглядит не только весьма привлекательной в глазах демократически настроенных американцев, но и относительно прогрессивной в сопоставлении с многочисленными конкурирующими между собой либеральными, реформистскими и радикалистскими доктринами, распространенными среди интеллигенции и студенческой молодежи, среди негров и других меньшинств. Пусть непоследовательно, она все же отстаивает идею очистительной революции «снизу» от апологетических попыток подменить ее псевдореволюцией «сверху», с которыми выступают официальные круги и теоретики вроде Ж.-Ф. Ревеля¹. Она в известной мере содействует радикализации тех, кто еще питает либеральные иллюзии насчет возможности демократизировать «корпоративное государство» и поставить его на службу общенародным интересам. По сравнению же со взглядами П. Гудмэна и Т. Розака она обладает очевидными преимуществами, ибо отвергает луддитские настроения, осуждает технофобию и связывает перспективы освободительного демократического движения в США с дальнейшим ходом научно-технической революции.

Сознание III, как подчеркивает Рейч, «ни в коей мере не выступает против технологии и не собирается разрушать машины. Но оно и не хочет, чтобы машины управляли обществом... *Сознание III могло появиться на свет лишь благодаря современной техно-*

---

¹ См.: J.-F. Revel, Ni Marx, ni Jésus, Paris, 1970.

логии. И только Сознание III может обеспечить дальнейшее существование человеческого рода в наш технологический век». Он решительно отвергает взгляды, согласно которым человек с его опытом и знаниями стал в нашу эпоху «технологическим пережитком», излишним в процессе общественного производства. Автоматизация призвана покончить не с трудом, а с антагонизмом. «Если машины могут произвести достаточно пищи и продуктов для всех, почему человек не может покончить с антагонизмом, проистекающим от материального недостатка, и создать общество, основанное на любви к своему ближнему?!» — восклицает он¹. Главное же достоинство книги в том, что она разрушает добровольное идеологическое гетто, в которое сектантски настроенные представители «новых левых» пытались заточить своих последователей. Обобщая спонтанное недовольство государственно-монополистической системой, Рейч придает воззрениям «новых левых» такую форму, которая делает радикальные цели этого движения, его социальные идеалы несравненно более приемлемыми для подавляющего большинства американского народа, стремящегося избавиться от гнета «корпоративного государства».

«Молодая Америка», конечно, не совершит революции в США; не произведет она и духовной реформации, если даже Рейч вслед за Лютером, пригвоздившим знаменитые 95 тезисов на портале Виттенбергского собора, расклеит 395 страниц своей книги на всех дверях Капитолия. Но, подобно книгам Эдварда Беллами «Взгляд назад» и Генри Джорджа «Бедность и прогресс», она может оставить след в сознании американцев и способствовать осуществлению программы демократических реформ, направленных против госу-

---

¹ Ch. A. Reich, *The Greening of America*, pp. 352—353.

дарственно-монополистического капитализма. А может... вылиться в еще одну квазирелигиозную проповедь морального искупления, которых было немало на американской сцене.

Именно в этом, втором направлении ее стремятся истолковать и популяризировать как представители «Большого бизнеса», так и некоторые «непримиримые и бескомпромиссные» проповедники радикализма. Показательно, что Герберт Маркузе, еще недавно призывавший отверженных люмпен-пролетариев в США и варваров из «третьего мира» сокрушить новый, империалистический Вавилон, погрязший в пороках «потребительского общества», ныне превращается в проповедника морального самоусовершенствования. В своей последней книге «Контрреволюция и восстание» свои надежды на радикальные перемены в США он возлагает на революцию в сознании молодого поколения привилегированного класса, хотя именно за это прежде критиковал концепцию Рейча, отзываясь о ней как о «мятеже, не выходящем за рамки истеблишмента»¹. Поистине, когда стены государственно-монополистического Иерихона не рушатся от их трубного гласа, пророки униженно стучатся в его ворота. Как справедливо отмечал в органе Компартии США «Политикл афферз» Джеймс Джексон: «Какую бы опасность книга Рейча ни могла бы представить для ясности мышления нашей молодежи, главная идеологическая опасность в настоящее время исходит от мелкобуржуазного революционаризма Маркузе и его последователей, вносящих смятение в ряды левых»².

---

¹ См.: «Литературная газета», 20 сентября, 1972.

² «Political Affairs», January 1971, p. 28.

ПЕРЕД ЛИЦОМ СОЦИАЛЬНОГО ПРОТЕСТА

Итак, движение социального протеста молодежи, особенно студенчества, в Соединенных Штатах доставило за истекшее десятилетие много забот не только родителям и властям — от администрации университетов до федерального правительства, — но и американским социологам, тем более что именно студенты департаментов социальных и гуманитарных наук с самого начала играли в нем ведущую роль.

Кто, как не социологи, по мнению общественности, были призваны в первую очередь научно (или хоть сколько-нибудь правдоподобно) объяснить как причины, так и характер этого движения, кстати, заставшего врасплох их самих, предсказать его дальнейший ход, а также определить свое моральное и политическое отношение к нему. В обоих случаях драматическое развитие событий требовало от них быстрого ответа и решения, а острота положения предполагала его недвусмысленность. В то время как официальная Америка и консервативно настроенная часть родителей с едва сдерживаемым гневом восклицали: «Чему же вы учите нашу молодежь?» — нетерпеливая студен-

ческая аудитория настойчиво вопрошала их: «С кем же вы теперь, наши профессора?»

Социальный протест молодежи тем самым оказался весьма серьезным испытанием как теоретической зрелости, так и политических убеждений американских социологов. И теперь мало кто среди них решается утверждать, что они его достойно выдержали. Надо сказать прежде всего, что для подавляющего большинства социологов массовый социальный протест молодежи, начавшийся в середине 60-х годов в США и распространившийся, подобно лесному пожару, в другие страны, явился полнейшей неожиданностью. Ведь сравнительно недавно, буквально накануне так называемых «студенческих беспорядков» в Калифорнийском университете (Беркли), положивших начало этому движению, либерально настроенные профессора, отважившиеся противостоят волне маккартизма в 50-е годы, снисходительно отзывались о студенческой молодежи как о «молчаливом поколении» и даже сетовали на то, что она, мол, всецело поглощена заботами о приобретении профессиональных знаний и последующим устройством на хорошее место в жизни.

Подобные представления, казалось, прекрасно вписывались в модную среди социологов теорию «деидеологизации» и постепенного увядания социальных конфликтов на Западе. И лишь немногие из них, вроде Райта Миллса, смогли предвосхитить близкий конец «конца идеологии» и возрождение радикальных настроений среди студенческой молодежи. Незадолго до смерти он обратился к ней со своим ставшим знаменитым «Письмом к «новым левым», в котором не только разоблачил концепцию «деидеологизации», но и сформулировал многие программные положения леворадикального движения на Западе. Это письмо

Миллса, к сожалению, стало и его завещанием. И кто знает, скольких политических ошибок и идейных заблуждений удалось бы избежать «новым левым», если бы он остался в живых, а студенческое движение в США не подпало бы под идейное влияние его сомнительных душеприказчиков и псевдомарксистских теоретиков вроде Маркузе.

Итак, в своем подавляющем большинстве американские социологи оказались явно неудачливыми пророками в отношении молодежи, как, впрочем, и в целом ряде других вопросов. По авторитетному свидетельству видного социального психолога Кеннета Кеннистона, никто из социологов в США не мог в период с 1950 по 1960 год предвидеть массовое движение протеста молодежи просто потому, что, как они считали, распространение высшего образования и связанные с этим перспективы «вертикальной социальной мобильности» устранят основные причины для недовольства. Любопытно, что знаменитый американский футуролог Герман Кан, откровенно бахвалящийся своими пророческими способностями, даже в 1967 году все еще снисходительно третировал студенческое движение протеста, зародившееся на его глазах в Калифорнийском университете, как «реакцию избалованных детишек». В его многочисленных сценариях, которыми заполнена книга «Год 2000-й», это движение не нашло никакого места. И в этой связи французский социолог Люсьен Жиранден справедливо замечает: «Книга была опубликована в 1967 году. Четыре года спустя, принимая во внимание продолжающиеся неурядицы из-за Вьетнама, Камбоджи и Лаоса, можно сделать вывод, что речь идет вовсе не о «детских капризах», а о глубинном, серьезном процессе. Не предусмотреть такую возможность, ставшую ныне реальностью, означает, что созданная ав-

тором панорама 2000 года может завести нас в тупик значительно раньше намеченных им рубежей»¹.

Американские коммунисты высоко оценили протест радикальной молодежи в США, рассматривая его как составную часть общедемократического движения в стране. «Массовое восстание молодежи, которое мы наблюдаем в США уже более десяти лет, — это важное явление нашего времени... Именно благодаря молодым радикалам десятилетие назад была пробита брешь в душной атмосфере самодовольства и конформизма. Именно молодые радикалы своей радующей глаз свежестью, энергией, воображением и смелостью выступили против истеблишмента на тысячах различных фронтов», — отмечает деятель Компартии США Джил Грин в книге «Новый радикализм»². Вместе с тем американские коммунисты отмечали серьезные идейные заблуждения «новых левых», а также их политические просчеты.

Движение протеста американской молодежи, подобно своеобразному общественному катализатору, значительно ускорило наступление социального и политического кризиса в США, объективные предпосылки для которого исподволь складывались по мере накопления неразрешимых противоречий капиталистической системы на протяжении послевоенных десятилетий. Активные выступления молодежи не только обнажили эти противоречия, но и придали драматический характер многим политическим событиям 60-х годов. Все это не могло не привести к глубокому теоретическому и политическому размежеванию среди са-

---

¹ См.: „Le Nouveau Planète“, mai — juin 1971, p. 8.

² Цитируется по журналу «США — экономика, политика, идеология», 1972, № 11, стр. 87.

мих американских социологов, как, впрочем, среди либерально настроенной интеллигенции вообще. Значительное большинство американских социологов под влиянием антивоенного движения студентов подписало в свое время призывы о прекращении бомбардировок Северного Вьетнама, а опросы выявили, что 70% преподавателей департамента социологии Колумбийского университета, как и многих других академических учреждений, выступало за вывод американских войск из Вьетнама еще до заявления Джонсона об отказе выдвинуть свою кандидатуру на второй срок.

«Непредвиденный бунт молодежи» явно задел как профессиональную честь, так и политическую совесть американских социологов. Однако для многих из них (в основном рядовых преподавателей, ассистентов и молодых профессоров) оказалось гораздо легче присоединиться к своим студентам в движении протеста, принять участие в демонстрациях и других активных выступлениях, чем теоретически осмыслить его социальные причины и политические перспективы.

Между тем социологи, цеплявшиеся за привычные либеральные взгляды, больше всего заботились о спасении собственной научной репутации. Оказавшись неудачными пророками, они ориентировались на правящие круги и старались теперь восстановить свой престиж, главным образом умаляя социальное значение движения молодежи, подчеркивая его политическую бесперспективность и не останавливаясь перед его намеренной компрометацией в глазах общественного мнения. Массовый протест молодежи объяснялся ими либо традиционным «конфликтом поколений» (Л. Фойер), либо стечением преходящих обстоятельств (С. М. Липсет), либо досадными ошибками и недалековидностью университетской администрации (З. Бжезинский и др.).

По выходящим в США социологическим журналам любопытно проследить, как многочисленные исследования, посвященные «конфликту поколений», «отклоняющемуся от нормы поведению» и «отчуждению» молодежи, наводняли отдел рецензий и постепенно поднимались в иерархии социологических тем с последнего места на одно из первых. Но хотя за последние пять лет в США было издано больше социологических работ о молодежи, чем за предшествующие пятьдесят, они нисколько не приблизились к научному объяснению связанных с ней проблем. И этому вряд ли приходится удивляться, сокрушается, например, профессор Джон Р. Сили из университета Брендис: «Ибо, вероятно, никогда в истории человеческих конфликтов не имели место столь острые разногласия между столь многими учеными-социологами и не обнажалось столь очевидно, что весь социологический научный аппарат представляет собою, в сущности, сомнительную охранную грамоту от пристрастных аргументов и прочих злоупотреблений во имя защиты партикулярных интересов»¹.

На исходе 60-х годов американская социология, рассматриваемая в целом, обнаружила поразительную даже в собственных глазах теоретическую беспомощность и растерянность перед лицом социального протеста молодежи. Прежде всего, рухнул миф об извечном «конфликте поколений». Даже извлеченные для его подкрепления из древнеегипетских папирусов и средневековых фолиантов сетования на молодежь, которая «не желает слушаться родителей» и бросает вызов «авторитету старших», не могли выдержать сопоставления с результатами многочисленных опросов американских студентов, активно участвовавших в радикальном движении, которые неопровержимо уста-

¹ См.: „American Sociological Review“, February 1966, p. 108.

новили, что подавляющее большинство их жило в мире и согласии со своими родителями. Эти опросы скорее подтвердили обратное, а именно совпадение радикальных воззрений студентов с недовольством и разочарованием их родителей американской социальной системой, о чем писал Чарлз Рейч: «...на самом деле, именно настроения родителей являются главным источником настроений молодежи».

Что касается рассуждений об эдиповом комплексе, об «отчуждении молодежи» и прочих психологических интерпретациях движения протеста, то, как остроумно заметил Сэмюэл Любелл, они выглядят столь же невразумительными, как загадочная «черная Африка» в описаниях путешественников XIX века.

Столь же несостоятельными, как выявили различные исследования, были и попытки объяснить протест студенчества «досадными недоразумениями» с администрацией университетов. В подавляющем числе случаев движение студентов начиналось выступлениями против войны во Вьетнаме и выражениями солидарности с движением за гражданские права негритянского населения. Столкновения же с университетскими властями, как правило, возникали в дальнейшем, после того, как они пытались воспрепятствовать политическим выступлениям студентов, обращаясь за помощью к полиции.

По мере того как социальный протест молодежи приобретал повсеместный характер и затрагивал все более широкий круг проблем, беспокоящих широкие слои населения, становилось ясно, что это радикальное движение не локальное, но общенациональное явление, а позиция молодежи не может быть сведена к чисто «негативному» анархистскому бунту. Речь, стало быть, шла не о «нигилизме», свойственном молодежи, а о социальном кризисе американской системы,

порожденном глубокими причинами. Такое восприятие событий сопровождалось кризисом либеральных взглядов среди социологов, заронило сомнение в теоретических и методологических основах их науки.

Многие из них, еще в недавнем прошлом разделявшие либерально-реформистские установки, пришли к убеждению в их ограниченности и бесплодности перед лицом социальных и политических проблем, с которыми столкнулись Соединенные Штаты. Они стали выражать сначала свою моральную солидарность с радикальным движением студенчества, а затем усматривать в нем позитивное общественное содержание.

Под влиянием социального кризиса в США определенную эволюцию претерпели и взгляды Дэниела Белла. В своей статье «Неустойчивая Америка» он в отличие от Бжезинского сравнивает мятежных студентов с луддитами уже не для того, чтобы приписать им «ностальгию» по прошлому, а чтобы подчеркнуть, как и Кенистон, предстоящее перерастание этого протеста в мощное общественное движение: «...мятежные студенты сегодня — это, упрощенно говоря, начало классовой борьбы в постиндустриальном обществе, подобно тому как в период 1815—1840 гг. луддизм и бунт против машин предвосхищали классовые конфликты в индустриальном обществе». В книге «Сопоставление. Мятеж студентов и университеты» Белл подвергает резкой критике провокационную статью Бжезинского, посвященную протесту студентов в Колумбийском университете, очевидцем которого мне самому довелось быть в мае 1968 года. Усматривая причину этих «беспорядков» в нерешительности действий университетской администрации, в ее запоздавшем обращении за помощью к властям и в политической близорукости, выразившейся в неумении применить полицейский кнут по отношению к революционному

авангарду и реформистский прятник по отношению к умеренным, Бжезинский, по мнению Белла, обнаружил не только непонимание природы социального протеста молодежи, но фактически стал на путь макиавеллизма, объективно призвав к расправе над протестующими студентами. Радикальное движение молодежи, подчеркивает Белл, — это лишь одно из проявлений глубокого общенационального кризиса, свидетельствующего об идейном и политическом банкротстве либерализма и ставящего под сомнение правомерность существующего строя в Америке ¹.

Одним из первых выступил в поддержку социального протеста молодежи Кеннет Кенистон, профессор Йельского университета, автор неоднократно переиздававшегося исследования об американской молодежи «Неприкаянные». В своей книге «Молодые радикалы. Заметки об активной молодежи», изданной в 1968 году, он писал: «Несмотря на непрактичность некоторых их взглядов, они порой кажутся единственно трезвыми и здравомыслящими людьми в обществе, которое в массе своей все еще отказывается замечать существование глубоко укоренившегося разрыва — в плане личном (между моральными принципами и практикой) и в плане государственном (между национальными идеалами и политикой)». Не ограничиваясь моральным сочувствием, он также подчеркнул необходимость теоретического осмысления этого движения, заслугой участников которого является уже то, что «они поставили центральные проблемы нашего времени и сформулировали эти проблемы более прямо и четко, чем большинство из нас» ².

---

¹ См.: D. Bell and I. Kristol (eds), *Confrontation*. New York, 1968, pp. 99—102.

² K. Keniston, *Young Radicals: Notes on Committed Youth*. New York, 1968, pp. 239, 290.

С 1970 года К. Кенистон вместе с Ф. Риссменом, А. Этциони, Р. Беннетом, Н. Чомским и рядом других ученых и деятелей культуры, симпатизирующих движению «новых левых», начали издавать журнал «Сошиел полиси», который поставил своей целью идейно сплотить демократически настроенные круги творческой интеллигенции и студенчества вокруг позитивной программы «радикальных социальных изменений» американского общества. Хотя журнал, как провозгласили его издатели, отражает различные оттенки во мнениях, «мы убеждены, что политические, экономические и культурные провалы американского общества коренятся в самой его структуре. И мы тем самым посвящаем наш журнал поискам радикальных социальных преобразований, убежденные в том, что они могут быть осуществлены только тогда, когда это требует массовое общественное движение».

Чтобы выработать такую программу, журнал открыл на своих страницах своего рода заочный симпозиум, вернее дискуссию, обратившись к представителям разных радикальных течений с просьбой высказаться по пяти проблемам, связанным с поисками новой стратегии для достижения коренных демократических изменений американского общества. Сформулированные редакцией вопросы кратко сводились к следующему:

1) Представляет ли собой интеллигенция общественный класс? И какой класс, если не она, является главной силой радикальных преобразований в США?

2) Какие новые производительные силы или основные структурные условия могут способствовать этим преобразованиям? Находимся ли мы уже в «послеиндустриальном обществе» изобилия?

3) Каково ваше отношение к утверждению Маркузе, что «в рамках статус-кво может быть достигнуто

устранение материальных лишений, но не устранение отчужденного труда и достижение мира и радости?»

4) Какие новые элементы стратегии и тактики вытекают из вашего анализа и что вы, в частности, думаете о лозунге «великого похода через учреждения» Дучке, об опасности левого сектантства и правого оппортунизма?

5) Является ли культурная революция важной составной частью революционной стратегии или же она отвлекает в сторону от основных задач? Можно ли считать, что в отличие от прошлых эпох, когда обновление культуры происходило вслед за политическими революциями, ныне «контркультура» является тем чревом, в котором зарождается новое общество? ¹

Перечисленные вопросы, несомненно, представляют интерес, причем не только с чисто познавательной точки зрения (какими проблемами озабочена сейчас интеллигенция в США), но и в теоретическом отношении, для понимания некоторых особенностей и исторических перспектив общедемократического движения в современной Америке. Марксистский анализ этих проблем, как известно, содержится в недавно принятой новой программе Компартии США ². Дискуссия же на страницах «Сошиел полиси», в которой до сих пор выступили С. Ароновиц, Р. Беннет, Б. Бергер, Э. Фриденберг, Р. Флэкс, А. Пирл и С. Пирл, а также К. Кенистон, скорее отражает идейно-теоретическое смятение во взглядах американских радикалов и симпатизирующих им представителей творческой интеллигенции. Их высказывания на страницах «Сошиел полиси» в лучшем случае носят эклектический харак-

---

¹ См.: „Social Policy“, November — December 1970, p. 9.

² См.: «США — экономика, политика, идеология», 1970, № 11, 12 и 1971, № 1.

тер и заслуживают внимания не столько в своей позитивной части, сколько в качестве красноречивого свидетельства быстрого роста социально-критических тенденций и политической оппозиции по отношению к правительству среди широких кругов интеллигенции в США.

Эта дискуссия, еще далекая от завершения, уже выявила известное единодушие ее участников в том, что новые производительные силы так называемого «послеиндустриального общества» не могут ни получить простора для своего развития, ни привести к материальному изобилию для всех в рамках существующих в США экономических отношений и традиционных социальных учреждений. Большинство участников симпозиума предостерегало об опасности, которую для радикального движения в США представляла бы попытка воспринять программу социал-демократов в Западной Европе, ибо их опыт, как отмечал, например, Беннет, «с поразительной очевидностью свидетельствует о бесплодности постепенных, нарастающих реформ». Ни демагогический лозунг Дучке о «великом походе через учреждения», ни призыв к созданию так называемой «контркультуры», представляющие собой, в сущности, нелепую попытку перенести «китайскую тактику на американскую почву», не получили поддержки в качестве основной стратегии для достижения глубоких преобразований в обществе. Обоснованному сомнению была подвергнута концепция об интеллигенции как «особом социальном классе», отвергнуто мнение о «реакционности рабочих» в современной Америке и многие другие политические предрассудки, получившие хождение среди «новых левых» с легкой руки Маркузе. В целом ряде выступлений явно обнаружилось стремление воспринять отдельные марксистские положения применительно к сло-

жившейся ситуации в США. Однако речь шла скорее о теоретических симпатиях к марксизму, чем о сколько-нибудь серьезных намерениях перейти на его позиции.

Статья Кенистона «Возвращаясь к неприкаянным», представляющая собой выдержки из его новой книги «Молодежь и разногласие», которую он готовил к публикации, во многом подводит первые итоги симпозиума. Она представляет интерес отнюдь не радикальностью взглядов автора (в ходе дискуссии имели место несравненно более крайние высказывания), а в первую очередь содержащимся в ней резким осуждением либерализма в политике, а также красноречивым признанием теоретической и методологической несостоятельности исходных положений, господствовавших в американской социологии на протяжении нескольких десятилетий. Именно эта критическая и во многом самокритичная позиция автора придает его выступлению в известном смысле характер поучительного исторического документа, свидетельствующего о серьезных, необратимых сдвигах в сознании творческой интеллигенции в США.

«Ни одна проблема не вызывает сегодня столь глубокого расхождения среди общественности и интеллигенции, как отношение к «контркультуре», «новой культуре», к Сознанию III, то есть к тому, что я назвал бы новой молодежной оппозицией», — пишет Кенистон¹. Одни при этом (Г. Кан, З. Бжезинский, Л. Фойер, Н. Глейзер) ополчаются на нее как на ретроградное, антидемократическое и даже контрреволюционное движение; другие же (Т. Роззак, Ф. Слейтор, П. Гудмэн, Ч. Рейч) готовы рассматривать ее в ка-

---

¹ K. Keniston, A. Second Look at the Uncommitted, «Social Policy», July—August 1971, p. 6.

честве чуть ли не единственной революционной силы современности. Отвергая эти обе крайние оценки социального протеста молодежи, Кенистон считает их отражением объективных противоречий, раздирающих американское общество в целом, а академический мир, университеты — в особенности. По его мнению, речь идет о процессе социального расслоения и идейного размежевания среди интеллигенции и работников, занятых в быстро расширяющейся сфере научной деятельности, образования и культуры, производства и распространения всякого рода информации и знания.

Движение молодежи, продолжает он, выявило несостоятельность либеральных социологических теорий, изображавших развитие общества как эволюционный процесс накопления и приспособления, третировавших социальные конфликты как аномалию и уповавших на постепенные реформы, классовый мир и манипуляцию сознанием как факторы прогресса. Эти теоретические постулаты особенно импонировали той привилегированной части интеллигенции, которая восприняла интересы государственно-монополистического истеблишмента и претендовала на роль интеллектуальной «элиты» нового «технологического общества». Легко понять их возмущение социальным протестом молодежи, разбившим вдребезги эти тщательно разработанные социологические концепции, ибо это подорвало не только их научный авторитет, но и их престиж в глазах истеблишмента.

В своей статье Кенистон осуждает не отдельные ошибки и заблуждения либералов, а либерализм в целом как систему теоретических и политических взглядов, которая в качестве господствующей формы буржуазной идеологии в американском обществе со времен Рузвельта нанесла ему в послевоенные десятилетия колоссальный ущерб. В Соединенных Штатах,

конечно, никогда не было недостатка в критике либерализма, однако, как правило, она исходила справа, со стороны консервативных кругов и различных «ультра» (достаточно вспомнить Голдуотера!). Теперь же с острой критикой либерализма выступают те, кто долгие годы следовал в его русле и усматривал в нем чуть ли не панацею от социальных конфликтов и экономических потрясений, связывал с ним надежды на лучшее будущее для Америки. Историческое банкротство либерализма в США влечет за собою крах пресловутого умеренно реформистского «согласия», на котором не одно десятилетие спекулировали лидеры демократической партии. Вместе с тем оно означает, что на смену центристским тенденциям в политической и идеологической жизни страны ныне пришла нарастающая поляризация общественных сил, предвещающая все более острые социальные конфликты, идейные столкновения и политическую борьбу.

В этой борьбе молодежи и, в частности, студенчеству предстоит сыграть важную историческую роль. Ведь уже сейчас количество студентов в колледжах и университетах США значительно превысило численность самодеятельного населения, занятого в сельском хозяйстве, а к 2000 году оно, возможно, приблизится по численности к так называемым «синим воротничкам» в обрабатывающей промышленности. И тем не менее молодежь сама по себе ни сейчас, ни в будущем не в состоянии радикально преобразовать общество, даже если бы и имела перед собой ясную цель.

Отношение к социальному протесту молодежи как к якобы «контрреволюционному движению» со стороны одних и его оценка как прогрессивного общественного явления — со стороны других в настоящее время, по мнению Кенистона, выходит далеко за рамки теоретических расхождений между социолога-

ми по какому-то отдельному вопросу и превращается в политическое размежевание во взглядах на исторические перспективы развития Соединенных Штатов в современном мире.

Хотя обе концепции апеллируют в подтверждение своих крайних, взаимоисключающих взглядов к науке и к истории, в сущности, иронизирует он, все их веские доводы и сильные стороны исчерпываются взаимной критикой. «Если отвергнуть утверждение об исторической неизбежности, — пишет Кенистон, — то как «контрреволюционную», так и «революционную» теории следует рассматривать лишь как попытки оправдать их представителями ряд своих специфических интересов путем предписывания им свойств исторической неизбежности, как своего рода упражнения в пророчестве, попытку убедить людей в истинности пророчества и тем самым сделать его самоподтверждающимся. Эндрю Грили сравнил Чарлза Рейча с ветхозаветным пророком, ибо сходство между ними очевидно. Хотя большую часть академических повествований Бжезинского, Фойера или Беттлхейма вряд ли можно сравнить с Ветхим заветом, тем не менее в них также дают о себе знать подобные пророческие тенденции. Но в каждом случае утверждения, что Бог или его современный эквивалент — История, Технология и Культура — находятся на нашей стороне, следует рассматривать как просто призыв, с которым пророки обращаются к людям, чтобы сплотить их, обеспечить поддержку и держаться, вопреки враждебным силам»¹.

Ни теоретический экстремизм Маркузе, скорбно провозглашающего: «чем лучше, тем хуже», ни консервативный оппортунизм Липсета, заверяющего: «чем

---

¹ «Social Policy», July—August 1971, p. 14.

хуже, тем лучше», теперь уже никого не удовлетворяют. Больше того, подобные лозунги убедительно выявляют, что крайности в политике часто сходятся, причем самым неожиданным образом для их сторонников. В самом деле, выдвигая лозунг «чем лучше, тем хуже», Маркузе намерен был подчеркнуть, что перспективы революции в США связаны только с ухудшением материального положения и с глубоким кризисом, то есть чем лучше экономическое положение масс, тем, стало быть, хуже для революции. Однако журнал «Тайм» воспроизвел прямо противоположное мнение Липсета, согласно которому ухудшение экономического положения в стране в результате кризиса должно, напротив, способствовать умиротворению политических страстей, ибо озабоченным своим трудоустройством студентам будет не до революции¹. Марксисты всегда отвергали лозунг «чем хуже, тем лучше», выражающий мелкобуржуазное отчаяние всякого рода экстремистов перед лицом неподвластных им объективных факторов революции, складывающихся в ходе нарастания неразрешимых противоречий антагонистического общества. И если теперь к аналогичному лозунгу начинают прибегать консервативно настроенные теоретики, то это, в свою очередь, свидетельствует об их неспособности справиться с обстоятельствами, предотвратить или разрешить социальный кризис.

Революционные перемены в нашу эпоху, как создают передовые представители американской интеллигенции, в том числе и социологи, предполагают болезненную переоценку социальных ценностей, пересмотр идейного и теоретического наследия прошлых десятилетий, выработку нового взгляда на общество, его

---

¹ См.: „Time“, February, 22, 1971, p. 21.

движущие силы и идеалы. «Подобный взгляд с очевидностью ведет от либерализма к марксизму», — весьма определенно заявляет Кенистон¹. В устах социолога, не собирающегося порывать ни со своим классом, ни со своим мировоззрением, это лаконичное признание столь красноречиво, что не нуждается в пространных комментариях. Но слишком глубоко, по-видимому, укоренились в общественном мнении США различные антикоммунистические предрассудки, чтобы такие заявления не влекли за собой опасность подвергнуться идейному остракизму. И не потому ли это утверждение сопровождается сомнительными рассуждениями, призванными амортизировать его значение? В самом деле, говоря о необходимости «критического восприятия марксизма», Кенистон ссылается на то, что социальные конфликты, о которых писал Маркс, ныне якобы в основном канули в прошлое. Однако двумя абзацами ниже он, противореча себе, констатирует, что эти конфликты решены лишь потенциально, то есть могут быть решены при достигнутом уровне производительных сил общества, если будут произведены глубокие социальные преобразования.

Отвергая либеральную интерпретацию протеста молодежи как якобы «контрреволюционного» движения, а также выявляя необоснованность авангардистских претензий «новых левых», в частности поборников «революционной контркультуры», Кенистон справедливо замечает, что позитивное содержание обеих концепций исчерпывается их взаимной критикой. Тем большее недоумение вызывает, что выход из теоретического кризиса в социологии он усматривает в некоем синтезе этих двух точек зрения. Но подобный «теоретический синтез», к которому призывает Кени-

---

¹ „Social Policy“, July — August, 1971, p. 16.

стон, оказался бы сочетанием именно слабости обеих концепций и в конечном счете мог бы привести лишь к поверхностному обновлению либерализма более или менее радикальной фразеологией.

В этом с очевидностью дает о себе знать классовая ограниченность Кенистона и других американских социологов, выступающих с критикой государственно-монополистического истэблишмента. Они оказываются не способны понять, что движение молодежи социально неоднородно не только в тех узких рамках, о которых упоминает Кенистон, но и в общенациональных масштабах освободительного движения и классовой борьбы в США. Социальный протест молодежи далеко не сводится к студенческому движению, и его перспективы, как справедливо отмечается в новой программе Компартии США, связаны с совместной борьбой рабочего класса и всех трудящихся и угнетенных масс против государственно-монополистического капитализма. Это сознают и сами передовые представители американской молодежи, в чем можно было убедиться во время их встречи с представителями советской молодежи, состоявшейся в Минске летом 1972 года.

В поисках конструктивной программы социального обновления идеологи «новых левых» обращаются к марксизму, ищут в теории научного коммунизма идеалы лучшего будущего для человечества. И это вполне закономерно, ибо марксизм содержит в себе наиболее последовательную программу социальных преобразований нашей эпохи, органическое единство научно-технической революции и освободительного движения трудящихся.

Кеннет Кенистон приводит мнение утешающих себя либералов, согласно которому общественный шторм, вызванный «протестом молодежи», — скоропреходящее явление, и к 2000 году все снова

вернется в привычную социальную колею. В подобные «утешительные» прогнозы сейчас, конечно, мало кто верит. Общественный прогресс необратим. Каковы бы ни были исторические перипетии социальной и политической борьбы в предстоящие десятилетия, будущее Америки, как, впрочем, и остального мира, бесспорно, принадлежит молодежи. Подавляющее большинство конгрессменов и сенаторов, губернаторов и руководителей корпораций, редакторов газет и президентов университетов будет состоять из лиц, которым сейчас 20—30 лет.

В демографическом смысле, следовательно, молодежи не приходится беспокоиться, за кем будет будущее, если только в самом ближайшем будущем не изобретут эликсир бессмертия. Собственно говоря, в этом смысле будущее всегда было за молодежью. Но, увы, в социальном отношении это плохая гарантия. Ибо остается открытым самый важный вопрос: каким окажется это будущее? В конце концов, и начало 70-х годов двадцать лет назад было всего лишь весьма отдаленным будущим для не столь уже молодых ныне людей. Однако многие ли в Америке желали для себя такого будущего, каким для них оно стало в настоящем? Наверное, если провести социологический опрос, то оказалось бы, что такого будущего в свое время почти никто не желал. Вот почему, с социологической точки зрения, «конфликт поколений» из-за того, кому будет принадлежать будущее, явно бессмыслен, но в отличие от него принципиальное значение имеет проблема совместной исторической ответственности всех поколений за то, чтобы это будущее не обмануло надежды и соответствовало социальным идеалам тех людей, которые его создадут и будут в нем жить.

III.

ТЕХНОКРАТИЯ ИЛИ АНТРОПОКРАТИЯ?

В наше время все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятым чорам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрач-

ном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, современной нищетой и упадком — с другой, этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, неизбежный и неоспоримый факт.

Карл Маркс

О «ДАРЕ ПРЕДВИДЕНИЯ»

Идейная и теоретическая борьба, развернувшаяся за последние годы как в самой футурологии, так и вокруг проблемы прогнозирования будущего, является отражением и преломлением идеологической и социальной борьбы в современном обществе. Теоретики государственно-монополистического капитализма с помощью футурологии стремятся сделать свои представления о будущем господствующими в общественном мнении, тогда как прогрессивные силы на капиталистическом Западе пытаются сформулировать и противопоставить им альтернативу не только в сфере политики, но и в области социального предвидения. При всей их противоречивости и непоследовательности различные футурологические концепции, носящие социально-критический характер и отвергающие «неокапиталистическую» перспективу для человечества, выражают настроения и чаяния многочисленных средних слоев населения, которые все больше осознают несовместимость своих интересов с сохранением антагонистического общественного строя. Шаткость и ограниченность тех перспектив, поисками которых занимаются буржуазные футурологи, объясняется в первую очередь отсутствием у них классов-

вого подхода к перспективам общественного развития в современную эпоху.

Многие из них в какой-то мере и сами сознают необходимость в классовом подходе к проблемам социального прогнозирования, ибо понимают, что научное предвидение должно совпадать с интересами восходящего общественного класса, который был бы способен воплотить его в жизнь. Именно этим объясняется явная тенденция среди футурологов «обнаружить» в современном капиталистическом обществе такую социальную силу, с которой они могли бы связать надежды на осуществление своих прогнозов «лучшего будущего» для человечества. Так появляются на сцене «техноструктура» Гэлбрейта, различные виды «нового класса», усматриваемого, например, Беллом и Уоскоу в творческой интеллигенции и технических специалистах или, как считают тот же Уоскоу и Г. Мюрдаль, в обездоленном «низшем классе» в лице негров и других «париев» индустриального общества, Н. Бирнбаум рассматривает в качестве пролетариев студенчество и т. п. Поскольку подобные «социальные классы» в действительности являются мнимыми, постольку и сам исходящий от них анализ перспектив общественного развития остается мнимо классовым, в конечном счете мелкобуржуазным и эклектичным. Подлинно классовый, марксистский подход к социальному прогнозированию предполагает понимание исторической миссии рабочего класса как носителя нового общественного строя.

Сила марксистского предвидения, блестящие образцы которого содержатся в работах Маркса, Энгельса и Ленина, в документах международного коммунистического движения, как раз и состоит в научном анализе общественных закономерностей и тенденций развития с позиций рабочего класса.

Марксизм отнюдь не считает социальное предвидение какой-то сверхъестественной способностью отдельных индивидов. Дар предвидения, которым столь блестяще владели Маркс, Энгельс, Ленин, был результатом органического сочетания в их творчестве и в их деятельности, с одной стороны, глубоко научной объективности, опирающейся на накопленные человечеством знания об обществе, а с другой — принципиальной партийности, которая позволяла им подходить к социальным проблемам и перспективам «не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего...»¹.

Исходя из этого фундаментального положения, французский ученый-марксист Леон Лавалле подчеркивает, что перед социальным прогнозированием стоит задача «переосмыслить настоящее в соответствии с этим будущим, а не поступать наоборот», как это делают буржуазные футурологи².

Марксисты не отвергают и не умаляют огромного значения научной методологии и техники социального прогнозирования, в том числе экстраполяции, аналогии, моделирования. Однако сами по себе эти методы, как бы они ни были совершенны, не могут гарантировать достоверности прогноза. Тем более такая достоверность не вытекает из различных частных методик, вроде «дельфи», «паттерн» и т. д., покоящихся в конечном счете на квалифицированном учете и обобщении мнений о будущем, ибо они оставляют открытым вопрос, чьи интересы эти мнения выражают и чем обусловлено наличие именно тех, а не иных мнений. Экстраполяция способна дать нам определен-

---

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 26, стр. 77.

² „L'Humanité“, le 10 février 1970.

ные знания о будущем, поскольку оно всегда так или иначе является продолжением настоящего; но оно же вместе с тем является отрицанием настоящего, прерывом постепенности, а следовательно, объективно ограничивает экстраполяцию. Аналогия помогает уловить определенную повторяемость в поступательном развитии общества, но последнее предполагает вместе с тем и возникновение чего-то существенно нового, что не в силах предусмотреть никакая аналогия. Моделирование позволяет ограничить круг реальных вариантов, устранив из анализа мнимые и формальные возможности, но само по себе не предопределяет их вероятности.

Вот почему марксистско-ленинское предвидение экстраполирует не просто статистические ряды, но исторические закономерности и тенденции, прибегает к аналогии не между отдельными событиями, а между социальными взаимоотношениями, моделирует не формальные возможности, но исход реальных противоречий и социальных конфликтов. Не случайная ситуация, а диалектический анализ общественного прогресса и материалистическое понимание истории позволили Марксу и Энгельсу предвидеть не только общую тенденцию поступательного развития от капитализма к коммунизму, грядущий революционный скачок человечества из «царства необходимости» в «царство свободы», но во многих случаях и конкретный ход важнейших исторических событий в будущем. Ярким подтверждением силы марксистско-ленинского предвидения могут служить такие примеры, как предсказанное Марксом и Энгельсом перемещение центра мирового освободительного движения на Восток, предвосхищение Энгельсом роли Тихого океана в XX веке и характера первой мировой войны, гениальное ленинское обоснование возможности побе-

ды социализма первоначально в одной стране и многие другие.

Маркс и Энгельс, как и Ленин, не имели ничего общего с такого рода утопистами, которые охотно распространялись на тему о том, сколько ступенек должно быть во «Дворце справедливости» будущего общества, но не могли сказать, какие промежуточные ступени ведут человечество в это общество из настоящего, которые больше думали о том, как будут жить люди в ХХХ веке, но не знали, что произойдет завтра. Основоположники марксизма не стремились предвосхищать то, что нельзя было научно предвидеть. Они отвергали всякого рода необоснованные предположения как «праздные гипотезы» и оставляли различные детали далекого будущего на усмотрение тех людей, которые будут жить в нем и «будут не глупее нас с вами».

Современная футурология, оставаясь в стороне от марксистской традиции в социальном предвидении, пренебрегая классовым анализом общественного развития, рискует оказаться столь же незадачливой в своих прогнозах, как и многие утопии прошлого. Никакая самая совершенная техника прогнозирования не способна застраховать футурологов от заблуждений в отношении предстоящего хода событий. И в этой связи как нельзя кстати вспоминается красноречивое признание известного английского ученого и писателя Чарлза Сноу: «Будет горько и обидно, если самой лучшей для нас эпитафией, когда пронесутся исторические битвы, будут слова: «Это были самые мудрые люди, но беда их состояла в том, что они были лишены дара предвидения»¹.

---

¹ Charles Snow, Science and Government. London, 1961, pp. 83—84.

Современные футурологи во многом напоминают такого рода незадачливых «мудрецов, лишенных дара предвидения», которых немало было в прошлом, начиная хотя бы с ветхозаветных пророков. История общественной мысли в определенном смысле может быть названа также и кладбищем предсказаний и пророчеств. Конечно, сейчас, задним числом, можно обнаружить, что в свое время был высказан целый ряд проницательных мыслей, отчасти предвосхитивших те или иные последующие события, открытия и изобретения. Однако на каждое сбывшееся предсказание в среднем приходится десятки нелепых и наивных пророчеств. И коль скоро многие предсказания носили в прошлом взаимоисключающий характер, то, с точки зрения теории вероятностей, было бы вообще странно, если бы некоторые из них не подтвердились. Наверное, достоверность прогнозов была бы несравненно выше, если бы их авторы предсказывали будущее, так сказать, «наоборот».

Врожденный порок всех пророков заключается отнюдь не в слабой проницательности человеческого ума, а в социальной обусловленности их предсказаний. Пророкам, как правило, свойственно заблуждаться насчет будущего, ибо они склонны рассматривать его сквозь призму интересов исторически переходящего класса, который стремится подчинить будущее настоящему. А когда к этой социальной ограниченности присоединяется профессиональная близорукость, то появляются удивительные перлы заблуждения, типичные для буржуазного интеллигента. Некоторые из них весьма поучительны. В 20-х годах немецкий ученый Антон Любке написал книгу «Техника и человек в 2000 году». Однако нам нет необходимости дожидаться этой даты, чтобы убедиться в несостоятельности и бесплодности его прогнозов. Чего стоят, напри-

мер, его рассуждения о характере войны и военной технике в будущем, когда он пишет о проекте «прокладки глубоких окопов с помощью гигантских плугов»¹.

В 30-х годах английский политический деятель граф Биркенхед в книге «Мир в 2030 году» отверг телевидение (находившееся тогда в экспериментальной стадии развития) как бесполезное изобретение. Но, быть может, самым поразительным примером такого рода является мнение Ванневара Буша, видного американского ученого и одного из главных советников американского правительства по вопросам науки в годы второй мировой войны. Когда уже после появления немецких ракет V-1 и V-2 его пригласили в сенат для консультации, он категорически заявил: «Сейчас много говорят о создании ракеты с дальностью действия в 3000 миль. Я считаю, что это вряд ли возможно в ближайшие годы. Те, кто об этом пишут и мне докучают этим, говорят о ракете, способной преодолеть расстояние от одного континента до другого, оснащенной атомной бомбой и обладающей системой наведения такой точности, которая позволяет поразить цель, скажем город. Я, как представитель науки, утверждаю, что мне неизвестен в этом мире человек, который бы знал, как создать такую ракету. Я могу дать гарантию, что еще в течение длительного времени такая ракета создана не будет. Нужно выбросить все это из головы. Я хотел бы, чтобы все американцы выбросили этот вздор из головы»². Не прошло и нескольких лет, как оказалось, что Буш прекрасно знал человека, который построил такие ракеты, а затем и сам воочию убедился в том, что

¹ А. Любке, Техника и человек в 2000 году. Л., 1929, стр. 169.

² «Le Nouveau Planète», mai—juin 1971, p. 8.

они могут попасть в цель не только на другом континенте, но и на Луне.

А ведь ни Любке, ни Биркенхед, ни тем более Буш не уступали по научной компетентности, по интеллекту знаменитым футурологам наших дней. И все же они были именно «мудрецами, лишенными дара предвидения», ибо проецировали в будущее не реальные тенденции настоящего, а свои собственные социальные и профессиональные предрассудки. Но этими же пороками страдают и современные футурологи вроде Кана, Винера, Бжезинского и многих других: они предсказывают, исходя из своих желаний, намерений, предпочтений. А стало быть, мир будущего, изображенный в их сочинениях, заведомо является мертворожденным.

Это искреннее, неосознанное заблуждение футурологов на собственный счет нередко сочетается с намеренным стремлением ввести в заблуждение общественное мнение. В отличие от ветхозаветных пророков, не боявшихся поставить на карту свою репутацию, современные прорицатели, как правило, явно предпочитают осторожную двусмысленность. Изощренная техника внушения в их прогнозах призвана совместить его внешнюю категоричность с предусмотрительно скрытыми оговорками. Характерной иллюстрацией такой двусмысленности может служить прогноз, приведенный на конференции американских футурологов в Вашингтоне в 1972 году. В 80-х годах согласно этому прогнозу цивилизации угрожает сто смертельных напастей, среди которых всемирный потоп, новое оледенение, порабощение человека роботами, термоядерная война. И хотя вероятность каждой из них 1 к 100, все же поскольку их 100, то тем самым исподволь внушается, будто, по крайней мере, одной из них не миновать. В действительности, однако, веро-

ятность остается та же, имеется ли в подобной футурологической «лотерее» один несчастливый номер на 100 билетов или 100 на 10 тысяч. Больше того, система, которая состоит из 100 элементов, обладающих 99 процентами надежности, — это весьма надежная система, во всяком случае, несравненно надежнее, чем такая, где существует лишь одна опасность — скажем, термоядерная война, но ее вероятность была бы 1 к 10. Формальные ухищрения, разумеется, не могут придать прогнозу достоверность. С их помощью можно внушить определенные представления о будущем, но не приобрести дар предвидения.

Научно-техническая революция, как отмечалось на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве (1969 г.), «...стала одним из главных участков исторического соревнования между капитализмом и социализмом...»¹. Это соревнование отнюдь не сводится к тому, у кого будет больше машин и чьи машины будут более совершенными, ибо социалистическое общество призвано историей в первую очередь продемонстрировать миру, что научно-техническая революция может быть целиком поставлена на благо человечества, что достижения науки и техники могут служить благородным, гуманистическим идеалам социальной справедливости, благосостояния народов и всестороннего развития личности.

Даже теперь, в начальный период научно-технической революции, становятся очевидными различные, нередко прямо противоположные ее последствия при капитализме и социализме. Хотя многие социальные проблемы, которые она ставит перед человечеством, в ряде своих аспектов аналогичны — сайентификация

---

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», стр. 22.

производства, интеллектуализация общества, использование свободного времени и т. д., — однако реальные возможности разрешить эти проблемы в условиях социализма и капитализма весьма различны. Вот почему анализ и оценка научно-технической революции с позиции различных классов и мировоззрений становится объектом острой идеологической борьбы, столкновения различных концепций общественного развития.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОРОТ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

В свое время Гегель обратил внимание на то, что «...во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не сознавалось ими и не входило в их намерения»¹. Эта объективная закономерность, придававшая общественному развитию в течение всей предшествовавшей истории стихийный, независимый от воли и желания людей характер, получила вполне рациональное, материалистическое объяснение в работах основоположников марксизма.

Не рок или судьба, не божественное предопределение или абсолютная идея, а сами люди, подчеркивали Маркс и Энгельс, творят свою историю. Однако творят ее не по произволу, а в зависимости от объек-

---

¹ Гегель, Соч., т. VIII. М.—Л., 1935, стр. 27.

тивных социальных условий. И в процессе этого исторического творчества цели и следствия, намерения и результаты далеко не всегда совпадают. Ибо в своей повседневной деятельности люди обычно руководствуются лишь непосредственными интересами и целями. Что же касается побочных результатов, а тем более отдаленных последствий своей деятельности, то в условиях стихийного общественного развития они ими либо просто пренебрегают, либо оказываются бессильны их предвидеть и контролировать.

В своем очерке, посвященном роли труда в происхождении человека, Энгельс привел многочисленные примеры того, как непредвиденные последствия деятельности людей спустя десятилетия и века обрушивались на человечество подобно стихийным бедствиям. Примеры Энгельса можно дополнить другими, не менее поучительными, почерпнутыми из новейшей истории.

Пока сохраняются антагонистические отношения и стихийный характер общественного развития, даже величайшие завоевания человеческого ума и открытия, продиктованные самыми благородными побуждениями, могут обратиться против человечества. Разве предполагали Эдуард Дженнер и Луи Пастер, вложившие в руки врачей эффективные средства борьбы против инфекционных болезней путем прививок, что отдаленным последствием их открытий станет так называемый «демографический взрыв» в XX веке, который умножит количество голодающих и недоедающих на Земле? Мог ли предвидеть Альберт Эйнштейн, создавая теорию относительности, что он положил начало своего рода цепной реакции в физике, которая завершится Хиросимой и поставит человечество перед угрозой термоядерной войны?

Конечно, отдаленные социальные последствия на-

учных открытий и технических изобретений далеко не всегда и не обязательно оборачиваются сплошными бедствиями: изобретение пороха не только увеличило кровопролитность войн, но и подорвало феодальную раздробленность; паровая машина вызвала не только усиление эксплуатации трудящихся, но и способствовала росту общения между людьми.

Научно-техническая революция XX века, властно вторгшаяся в жизнь современного поколения, исключительно остро ставит перед человечеством проблему социальных последствий общественной деятельности людей. По своим долговременным, историческим тенденциям она во многом аналогична предшествовавшим технологическим революциям в истории общества, но вместе с тем отличается от них определенным своеобразием. Это своеобразие обусловлено в первую очередь объективными факторами общественного прогресса в современную эпоху: резким ускорением поступательного развития общества; неизмеримо возросшей властью человека над природой и над самим собой; непосредственным вовлечением всего человечества в единый мировой процесс революционных социальных преобразований.

В прежние исторические эпохи глубокие преобразования в жизни общества, как правило, растягивались на долгие десятилетия и даже века. Одно поколение сменяло другое практически при неизменных экономических и социальных условиях, наследуя от своих предков и производительные силы, и образ жизни, и мировоззрение. Капитализм, как известно, значительно ускорил темпы исторического развития.

«Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые», — отмечали

Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии»¹. Но лишь в XX столетии это ускорение приобрело качественно новый характер. В современную эпоху уже в течение одного поколения происходят такие экономические и социальные изменения, такие исторические события, которые прежде занимали века.

Научно-техническая революция нашего столетия, подобно предшествовавшим ей революционным переворотам в технологии производства, сопровождается новым общественным разделением труда, глубокими изменениями в отраслевой и профессиональной структуре общества, быстрым ростом производительности труда, серьезными переменами в образе жизни, в социальных ценностях и мотивах поведения человека.

Как известно, основоположники марксизма придавали огромное значение технологическим переворотам в истории человечества, рассматривая их как источник глубоких и необратимых общественных преобразований, как ведущий фактор социальной революции. Так, Энгельс отмечал, что промышленная революция конца XVIII — начала XIX века по своим социальным последствиям имеет для человечества большее значение, чем любые политические события и идейные движения, происходившие одновременно с ней. К. Маркс в речи на юбилее газеты «The People's Paper» в 1856 году говорил, что так называемые революции 1848 года были лишь мелкими эпизодами в истории XIX века. «Пар, электричество и селфактор, — по его словам, — были несравненно более опасными революционерами, чем даже граждане Барбес, Распайль и Бланки»². По аналогии мы также вправе сказать, что научно-техническая революция

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 429.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 3.

нашей эпохи по своим социальным последствиям далеко превосходит политические события 1968 года во Франции или США, а атомная энергия и электронные вычислительные машины, космические ракеты и искусственные спутники Земли являются несравненно большими революционерами, подрывающими капиталистическую систему, чем Рейч и Роззак, Ревель и Рокар, вместе взятые.

В своей книге «Мир без войны» выдающийся английский ученый Джон Десмонд Бернал (кстати, он впервые ввел в употребление понятие «научно-техническая революция» для обозначения современного технологического переворота) приводит любопытную диаграмму, иллюстрирующую основные изменения в общественном разделении труда на протяжении истории¹.

Вплоть до XVIII века подавляющая часть самодеятельного населения в обществе была сосредоточена в сельском хозяйстве, или в так называемой первичной сфере экономической деятельности, покоящейся на непосредственном использовании естественных богатств природы. Промышленная революция, как известно, вызвала массовое перемещение рабочей силы в обрабатывающую промышленность, или «вторичную сферу» деятельности. Ныне научно-техническая революция сопровождается новым перераспределением самодеятельного населения по сферам экономической деятельности. Согласно прогнозам к концу нашего века в экономически наиболее развитых странах в сельском хозяйстве останется менее 5 процентов всех работников, в обрабатывающей промышленности будет занято около 20 процентов, тогда как остальное самодеятельное население будет сконцентрировано

---

¹ См.: Дж. Бернал, Мир без войны. М., 1960, стр. 292—293.

главным образом в «третичной сфере»: в науке и образовании, в управлении и на транспорте, в торговле и социальных услугах. Иначе говоря, в результате научно-технической революции произойдут серьезные сдвиги в профессиональной структуре: в обществе со временем будет больше учителей, чем крестьян, больше ученых, чем строителей, больше врачей, чем шахтеров.

В исторической перспективе в коммунистическом обществе больше людей будет занято духовным производством, чем материальным производством; хотя последнее останется и в дальнейшем экономической основой жизни людей, на которой в конечном счете будет покоиться его благосостояние. Выявляя несостоятельность сведения общественного богатства к материальным продуктам, к той его форме, которая воплощена в вещах, Маркс восклицал: «На самом же деле, если отбросить ограниченную буржуазную форму, чем же иным является богатство, как не универсальностью потребностей, способностей, средств потребления, производительных сил и т. д. индивидов, созданной универсальным обменом? Чем иным является богатство, как не полным развитием господства человека над силами природы, т. е. как над силами так называемой «природы», так и над силами его собственной природы? Чем иным является богатство, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному* масштабу»¹.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. I, стр. 476.

Мы называем современный технологический перелом научно-технической революцией не потому, что он произошел в науке и ведет к ее возрастающему техническому применению в промышленности, а потому, что благодаря ему наука, техника и образование превращаются в ведущую сферу деятельности общества. Если символом промышленной революции была механическая машина, изготавливающая промышленные изделия, то символом научно-технической революции стало электронное вычислительное устройство, производящее информацию. Именно в «третичной сфере», в первую очередь в научно-исследовательской деятельности и в системе образования, уже спустя несколько десятилетий будет создаваться и приобретаться основное богатство общества — полезное знание самого различного рода. Наука в самом широком смысле этого слова, как и предвидел Маркс, станет не только непосредственной, но и преобладающей производительной силой общества. А распределение и потребление знания приобретет большее социальное и экономическое значение, чем распределение и потребление вещей-товаров. Чем выше производительность труда в создании материальных благ, тем больше сил и средств может уделить общество созданию культурных ценностей и развитию личности. Однако производительность труда в отдельных сферах деятельности людей не является величиной, независимой от других сфер. Так же как производительность труда в сельском хозяйстве зависит от уровня развития промышленности, производительность труда последней, в свою очередь, будет в возрастающей мере определяться достигнутым уровнем развития науки и квалификации работников, производством духовных ценностей в самом широком смысле слова.

Воздействие научно-технической революции на об-

щественное производство отнюдь не исчерпывается лишь объективной стороной производительных сил: внедрением более совершенной техники, возникновением нового общественного разделения труда, научной организацией производства и т. д. Преобразуя технологическую структуру производства, она вместе с тем неизбежно ведет к изменениям и в субъективной стороне производительных сил; новая техника предполагает иную, более высокую квалификацию работников, а также иные, чем прежде, побудительные стимулы к труду.

Как бы ни казались самоочевидными мотивы поведения людей в каждую данную историческую эпоху, прямо или косвенно они в конечном счете продиктованы не вечными и естественными устремлениями «человека вообще», не абстрактной «человеческой природой», а объективными условиями жизни людей в исторически определенной социальной среде, господствующими экономическими отношениями. Потенциальные возможности научно-технической революции не могут раскрыться в полной мере и воплотиться в действительность, если они не трансформируются в соответствующие субъективные побудительные мотивы человеческой деятельности.

Исторические эпохи в поступательном развитии общества, как известно, различаются между собой не столько тем, что производят люди в качестве конечного продукта своей деятельности, сколько тем, чем и как они его производят. Уровень развития производительных сил в общем предопределяет способ соединения непосредственных производителей с орудиями труда, со средствами производства и лежит в основе остальных социальных отношений. В соответствии с этим Маркс отмечал три последовательные ступени в развитии общественных отношений: «Отношения

личной зависимости (вначале совершенно первообытные) — таковы те первые формы общества, при которых производительность людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости, — такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние, — такова третья ступень¹. Этим трем формам в основном соответствуют и определенные побудительные мотивы в деятельности людей: внеэкономическое принуждение, материальное вознаграждение и моральные стимулы не в том смысле, что они взаимно исключают друг друга, а в том, что более высокое побуждение, первоначально возникнув как спорадическое явление, со временем превращается в преобладающий стимул.

Так же как капитализм, особенно после промышленной революции, не мог развиваться на основе внеэкономического принуждения к труду, общественно полезная деятельность в современную эпоху, в том числе и в производстве, не может стать вполне эффективной, опираясь лишь на экономическое принуждение, на материальное вознаграждение за труд. Не только в таких новых сферах общественно полезной деятельности, как наука, образование, разного рода социальные услуги, но и в традиционных отраслях материального производства все большую роль в качестве стимулов к труду по необходимости начи-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. 1, стр. 100—101.

нают играть социальный престиж профессии, удовлетворенность трудом, совпадение личных стремлений с интересами коллектива и общества, возможность самовыражения и т. д. Именно эти моральные стимулы позволяют достигнуть наивысшей производительности труда там, где материальные стимулы постепенно исчерпывают себя. А это, в свою очередь, сопровождается крутой ломкой в традиционной жизненной философии, в представлениях личности о смысле и цели жизни. Меркантильные установки, принципы утилитаризма, долгое время оправдывавшие себя в условиях капиталистического общества как линия поведения для значительной части населения, в процессе научно-технической революции постепенно утрачивают свою притягательную силу. Между тем новые стимулы морального порядка в условиях антагонистического общества приходят в столкновение с частнокапиталистическими принципами товарного производства и могут стать побудительными мотивами общественно полезного труда лишь узкого круга привилегированных людей.

Капитализм пытается возместить эту свою слабость как социальной системы с помощью создания так называемого массового потребительского общества, насаждая потребительскую психологию, всячески стимулируя не только реальные, но и мнимые потребности в товарах. Иначе говоря, в поисках выхода из объективного социального противоречия он стремится не столько дополнить материальные стимулы к труду моральными побудительными мотивами, сколько усилить экономическое принуждение с помощью рекламы, моды, мещанского соревнования в обладании вещами.

Объективный парадокс «массового общества» состоит как раз в том, что оно обращает во зло именно

те факторы, которые сами по себе призваны принести человечеству благо. В условиях капиталистического общества наука и техника из могучего средства избавления людей от материальных лишений и культурной ограниченности все больше превращается в орудие их экономического, социального и духовного порабощения. Любая деятельность людей — и как производителей, и как потребителей — в таком обществе подчинена независимо от их субъективных намерений одной цели — эффективности производства, а в конечном счете извлечению максимальной прибыли. Массовое производство предполагает массового потребителя и, следовательно, стандартизацию вкусов, желаний, всего образа жизни людей. Когда-то Генри Форд мечтал о том, чтобы одеть всех людей в одинаковые костюмы, поселить их в стандартные дома и посадить за руль автомобилей-близнецов его марки. Современное массовое производство товаров на капиталистическом Западе внесло в этот казарменный идеал лишь одно дополнение — иллюзию разнообразия товаров благодаря их внешнему виду, расцветке, упаковке. Не надо думать, что здесь проявляется чья-то злая воля либо ирония судьбы. Дело обстоит гораздо проще: чем выше издержки производства какого-либо предмета вследствие возрастающих расходов (на оборудование, научные исследования, рабочую силу и т. д.), тем на большую массу одинаковых товаров они должны быть разложены, чтобы спастись от призрака открытой Марксом тенденции к снижению средней нормы прибыли.

Вездесущая реклама, преследующая людей на протяжении всей их жизни, собственно говоря, и призвана преобразовать эту необходимость для монополистических корпораций сбыть свои стандартные товары в личную потребность покупателя обладать ими.

Опираясь на достижения современной науки, включая социологию и психологию, используя все технические средства массовой коммуникации (кино, телевидение, радио, прессу), реклама умело манипулирует сознанием и поведением потенциальных потребителей, эксплуатирует их предрассудки и исподволь внушает желания: она предлагает ему не зубную пасту, а «ослепительную улыбку», не телевизор, а «освобождение от забот», не автомобиль, а «социальный престиж». Движущей пружиной всего этого механизма массового производства и массового потребления является, разумеется, не бескорыстное стремление наделить людей всеми нужными им, а также бесполезными предметами потребления, но весьма рациональное в своей основе соображение: ради приобретения автомобиля и телевизора человек будет работать несравненно более интенсивно и производительно, чем только для того, чтобы обеспечить себя пищей и одеждой.

«Скрытые искусители», как метко заклеил капиталистическую рекламу американский публицист Вэнс Паккард, вырабатывают у потребителей искусственные рефлексы еще более успешно, чем это делают ученые в лабораторных опытах над обезьянами. Благодаря усилиям рекламы девиз «Не отставай от Джонсов!» («Keep up with Joneses!») стал в Соединенных Штатах первой заповедью обывателя, который живет и работает ради приобретения вещей и услуг не потому, что он испытывает в них жизненную потребность, но в первую очередь потому, что ими уже обладают другие. О человеке и его месте в обществе судят на основании того, что у него есть, а не что он есть, что собою представляет как личность.

Жертвами подобного коммерческого подхода становятся также культура и искусство. Они все больше

превращаются в отрасли массового производства — стандартизированной продукции, предназначенной для удовлетворения духовных потребностей обывателя. Эта «массовая культура», или, как ее презрительно окрестили, «маскульт» и «поп-арт» (то есть популярное искусство), изготавливается, рекламируется и сбывается, как всякий иной товар. Идеалом для производителя и приманкой для потребителя служит так называемый бестселлер, то есть художественное произведение, будь то книга либо фильм, которое пользуется наибольшим спросом. Именно такой чисто количественный подсчет разошедшихся экземпляров книги или числа зрителей, просмотревших фильм, становится чуть ли не единственным критерием творческого успеха деятеля искусства, а также, разумеется, коммерческого успеха фирмы.

Чтобы добиться такого успеха, произведение искусства заранее ориентируется на наиболее распространенные вкусы и интересы, приведенные к общему, весьма примитивному знаменателю: секс, культ силы, голая занимательность и обывательская актуальность. Как только какие-нибудь книга или фильм, телепрограмма или мелодия достигли успеха, они немедленно влекут за собой десятки вариаций и подражаний, пока публике не надоедает смотреть и читать одно и то же. И начинается новый цикл... Режиссеру и издателю важно хорошо знать не законы искусства, а законы рынка, чтобы вовремя войти и выйти из очередного цикла моды и подражания.

В «массовом обществе» ценятся не одаренность и моральные достоинства человека, а его эффективность и деловые способности, не индивидуальность, а лояльность, не оригинальность, а конформизм. В «идеале» люди в таком обществе должны стать столь же взаимозаменяемы, как и детали машин. «Для личности

сохраняются лишь две возможности, — с горечью констатирует видный французский социолог Жак Эллюль. — Либо человек продолжает оставаться самим собой, в этом случае он оказывается все более неприспособленным, невротиком, неэффективным, теряет возможность существования, и его наконец вышвыривают на мусорную свалку общества, как бы талантлив он ни был; либо он приспособливается к новому общественному организму, который становится его миром, и отныне уже не способен жить где-либо, помимо массового общества. (И тогда он едва ли отличается от пещерного человека.)¹

Однако возможности капиталистической системы в этом направлении объективно ограничены. Вот почему господствующие классы на Западе все шире прибегают к такому методу социального воздействия на массы, как манипулирование их сознанием с помощью самого разнообразного арсенала психологических средств. Социальное назначение манипулирования состоит в том, чтобы исподволь, не вызывая сознательного сопротивления, внушить массам определенную линию поведения, предрассудки и рефлексy, которые сделали бы из них послушную жертву господствующего класса. Надо сказать, что в лице кино, радио, периодической печати и особенно телевидения государственно-монополистический капитализм действительно располагает могущественным техническим и социальным орудием манипуляции. Поскольку, однако, подобное психологическое воздействие на сознание приходит в противоречие с объективными условиями жизни и деятельности масс, постольку оно в конечном счете не может служить панацеей от социального и идейного кризиса. В исторической перспективе

---

¹ J. Ellul, The Technological Society, New York, 1965, p. 339.

манипуляция сознанием, равно как и «потребительское общество», — это лишь паллиатив, своего рода патентованное средство, временно снимающее болезненные симптомы общества, но не избавляющее от роковой болезни.

Социальные ценности и побудительные мотивы общественной деятельности, соответствующие требованиям научно-технической революции, складываются лишь в условиях социализма. Если научно-техническая революция создает объективные материальные условия для перехода общества к коммунизму, то последний потенциально содержит в себе социальные принципы общественных отношений, которые совпадают с ее долговременными экономическими и социальными тенденциями.

ЧЕЛОВЕК И ТЕХНИКА В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Deus ex machina», иначе говоря «бог посредством машины», — так называли в античности хитроумные приспособления и механизмы, а в переносном смысле также театральные приемы, благодаря которым в кульминационный момент действия на сцену являлся бог, призванный своим сверхъестественным вмешательством привести к благополучной развязке трагическую и, казалось бы, безвыходную ситуацию. В нашу эпоху, однако, в отличие от древности машины используются в первую очередь для производства хлеба, одежды и других практических целей, а затем уже для эффектных зрелищ. В ходе научно-технической революции масштабы их использования возрастают в геометрической прогрессии; машины властно вторгаются во все сферы общественной жизни: в экономику, в быт, в культуру. Автомобиль, или «машина для передвижения», стал важнейшим средством транспорта и повальным увлечением. Архитекторы все чаще употребляют термин «машина для жилья» в качестве синонима квартиры. Появилась уже «машина для обучения», и ученые сулят человечеству изобрести универсальную «машину для развлечения», «машину для

питания», которая упразднит сельское хозяйство, и даже фантастическую «машину, управляющую обществом».

Однако повсеместная механизация, автоматизация и кибернетизация далеко не безболезненный процесс. Научно-техническая революция, как это теперь очевидно для всех, сопровождается также многими отрицательными последствиями, масштабы которых пропорциональны возросшей власти человека над природой и самим собой. И в то время как одни, подобно зрителям в античном театре, безмятежно уповают на то, что в конце концов все противоречия и социальные конфликты будут разрешены благодаря «Deus ex machina», в душу других закрадывается беспокойство и даже смятение, не ожидает ли человечество на этом пути какая-либо дьявольская «машина светопрестваления».

Человек и техника. На эту тему изведены горы бумаги и потоки чернил со времен Аристотеля, которому принадлежит знаменитое изречение: «...если бы ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре, то тогда и зодчие при постройке дома не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы». Увы, эту на первый взгляд простую фразу можно истолковать по-разному. Как известно, сам Аристотель хотел ею выразить тривиальную истину, что рабство вечно, неустранимо и входит в естественный порядок вещей. В наше время ее извлекли на свет как довод в пользу того, что автоматизация избавит наконец человечество от всех форм рабства, включая необходимость трудиться, и приведет к торжеству социальной справедливости. «Не будет преувеличением подчеркнуть, что мы можем стать современными греками с механическими рабами, которые заменят людей-инструменты», — оптимистически

утверждает английский экономист Роберт Тиболд¹. Но вместе с тем многие социологи на Западе тревожно заявляют, что слова Аристотеля применительно к современности можно понять и так, что, став ненужными в производстве, трудящиеся станут вообще не нужны, окажутся «лишними людьми».

В этой связи все чаще вспоминают о Сэмюэле Батлере, который около ста лет назад, то есть задолго до появления «разумных» электронно-вычислительных машин, иронически предостерегал, что, стремясь освободиться с помощью машин от труда, люди попадут в рабство к машинам. В устах социологов, вроде Жака Эллюля и Льюиса Мэмфорда, подобная литературная ирония приобретает характер исторического сарказма.

За последние годы на Западе широкое распространение получили взгляды, согласно которым технический прогресс уменьшает роль человека, вытесняет его из общественного производства, все больше превращает его из производителя в потребителя материальных и духовных благ, а в перспективе обрекает на роль «иждивенца машин» в так называемой «цивилизации досуга». Эту точку зрения в своем подавляющем большинстве разделяют представители как консервативных, так и либерально-реформистских кругов. В зависимости от социальных позиций ее проповедников она приобретает прямо противоположное истолкование последствий этого процесса и явно рассчитана на то, чтобы вызвать различные эмоции. Одни соблазняют общественное мнение идеалом новой «античной Греции», где машины заменят рабов и принесут людям изобилие и праздность в условиях мас-

---

¹ R. Theobald, *Free Men and Free Markets* New York, 1965, стр. 119—120.

сового потребления. Другие столь же настойчиво пытаются запугать население мрачной и якобы неизбежной перспективой того, что люди в своей массе окажутся «лишними» и в кибернетизированном обществе будущего для них придется «учредить заповедники подобно тому, как мы учреждаем убежища для кондоров и венценосных журавлей». В конечном счете обе альтернативы покоятся на молчаливом признании антагонизма человека и техники, а различаются лишь в истолковании участи, ожидающей людей, якобы ставших лишними в производстве.

Но, прежде чем судить о степени вероятности той либо другой перспективы, мы вправе сначала задаться вопросом: действительно ли научно-технический прогресс сопровождается массовым вытеснением человека из сферы общественного производства?

Согласно предположениям некоторых идеологов капитализма рост производительности труда в масштабах всего хозяйства неизбежно приводит к избытку наличной рабочей силы в обществе. На этом основании мы были бы вправе умозаключить и обратное, а именно: чем больше затраты труда на производство данной продукции, тем выше должна быть и занятость. Иначе говоря, следовало бы ожидать, что по мере перехода ко все менее совершенным орудиям и технологии производства потребность в рабочей силе как на отдельных предприятиях, так и во всех отраслях должна постоянно возрастать.

Вся экономическая история человечества, однако, категорически восстает против подобного предположения. В самом деле, сто лет назад производительность труда в Англии, например, была в несколько раз ниже современной, тем не менее ее промышленность не испытывала никакой острой нужды в привлечении дополнительной рабочей силы; больше того,

она обеспечивала занятость едва 10 миллионов человек (вместо 24 миллионов сейчас), и многие десятки тысяч англичан, не находя применения своему труду у себя на родине, ежегодно устремлялись в поисках работы за океан. Если бы мы отступили в прошлое еще на столетие, то есть в середину XVIII века, до промышленной революции, то опять-таки окажется, что всего лишь 3,5 миллиона самодеятельного населения с избытком покрывали потребности английской экономики того времени в рабочей силе, а многие тысячи оставались безработными. И какую бы страну мы ни взяли, всякий раз, ретроспективно проникая в глубь веков, мы обнаружим действие одной и той же закономерности: чем примитивнее техника производства, тем меньше рабочих рук она способна занять, тем меньшее количество людей может обеспечить себя работой и средствами существования на данной территории.

Несостоятельность мнения, согласно которому автоматизация производства сопровождается сокращением занятости, состоит в том, что оно совершенно игнорирует экономическую динамику и рассматривает экономику статически, как механическую сумму существующих в каждое данное время отраслей, а каждую отрасль, в свою очередь, — как совокупность составляющих ее предприятий. Между тем сама отраслевая структура экономики в решающей степени, если не целиком, зависит от уровня производительности труда в данном обществе.

В самом деле, что произошло бы, скажем, с экономикой какой-либо промышленно высокоразвитой страны середины XX века, если допустить, что производительность труда во всех отраслях хозяйства этой страны сократилась ровно наполовину? Здравый смысл, казалось бы, подсказывает, что в этом гипотетическом

случае экономика страны окажется способной привлечь вдвое больше самодеятельного населения. Ведь для изготовления ранее выпускаемого количества товаров потребуется на каждом рабочем месте по два работника. Не будем, однако, спешить с выводами. Затраты труда на производство каждого товара, а следовательно, и его стоимость действительно возрастут вдвое. При этом отдельные отрасли в зависимости от их значения для общества прореагируют на это изменение по-разному. Прежде всего для обеспечения страны продовольствием и сельскохозяйственным сырьем потребуется вдвое больше рабочих рук, чем сейчас. Издержки производства сельскохозяйственных товаров возрастут вдвое, и их надо будет так или иначе возместить. Каким бы ни был конкретный механизм этого возмещения, в конечном счете он приведет к уменьшению на соответствующую сумму спроса на остальные товары, которые к тому же станут вдвое дороже. В результате производство одних товаров и услуг резко сократится, других — вообще прекратится вследствие отсутствия на них массового платежеспособного спроса. Целые отрасли экономики окажутся за порогом рентабельности производства при новых условиях и прекратят существование.

В конечном итоге сокращение производительности труда вместо увеличения занятости приведет к изменению отраслевой структуры, к падению занятости в масштабах всего общества. И это будет вполне понятно уже из того обстоятельства, что отраслевая структура народного хозяйства является более или менее точным отражением расходов среднего потребителя на различные товары и услуги. Иначе говоря, если он тратит 20 процентов заработка на питание, 10 процентов — на одежду, 30 процентов — на услу-

ги, то примерно соответствующая доля населения будет занята в сельском хозяйстве, пищевой промышленности и торговле продуктами питания, в текстильной и швейной промышленности и т. п. И если его заработок сократится вдвое, то различные расходы сократятся не в одинаковой пропорции; в свою очередь, при удвоении заработка они также возрастут непропорционально.

Короче говоря, сократив производительность труда вдвое, вы оставите общество без реактивной авиации и электронной промышленности и сделаете сотни тысяч людей безработными; сократите ее вчетверо, и оно лишится автомобилей, телевидения и сколько-нибудь развитой сферы услуг, обрекая миллионы людей на безработицу; сократите ее в десять раз, перед вами будет общество неграмотных людей, лишенных медицинского обслуживания, механических средств транспорта и влачащих существование впроголодь в условиях скрытого, аграрного перенаселения.

Многочисленные социологи и экономисты на Западе, которые сейчас запугивают себя и других призраком небывалой безработицы вследствие автоматизации, совершают ту же самую ошибку, что в свое время допускал и Сисмонди. Тогда, в начале XIX века, многие идеологи мелкой буржуазии пророчили, что машины вытеснят людей из производства, а Сисмонди даже писал, что логическим завершением этого процесса будет то, что в Англии останется лишь один король без подданных, царствующий над машинами.

История жестоко посмеялась над такого рода пророчествами; именно благодаря машинам теперь в Англии находит себе работу втрое большее число людей, чем во времена Сисмонди (это, безусловно, не исключает того, что в Англии сейчас насчитывается большая армия безработных).

Конечно, Сисмонди оказался бы прав, если бы отраслевая структура английской экономики с тех пор не претерпела никаких изменений. Но отраслевая структура экономики в ходе технического прогресса не могла и не может оставаться прежней. Устранив десятки тысяч мест кучеров карет, дилижансов и т. п., технический прогресс вызвал к жизни сотни тысяч новых рабочих мест водителей механического транспорта и т. д.

Если мы теперь обратимся к статистическим данным, то обнаружим непрерывный рост самостоятельного населения ныне развитых капиталистических стран на протяжении более полутора столетий¹:

	Конец XVIII в.	1950 г.	1965 г.
США	—	64,7 млн.	78,0 млн.
Англия	5,8 млн.	22,7 "	24,8 "
Франция	13,0 "	18,9 "	21,0 "
Италия	8,7 "	17,3 "	21,0 "
Нидерланды	0,9 "	3,8 "	4,5 "

Причем возросло не только общее количество занятых, но и их доля в населении в возрасте 20—60 лет, в особенности благодаря широкому вовлечению женщин в общественное производство.

Вряд ли целесообразно подвергать сомнению эту очевидную статистическую закономерность и тенденцию. Более плодотворным будет, по-видимому, попытаться выяснить, почему это произошло и сохраняют ли силу причины, действовавшие до сих пор.

Экономия рабочей силы далеко не единственная и не всегда главная цель, а также следствие техническо-

¹ A. S a u v y, *Mythologie de notre temps*. Paris, 1965, pp. 99, 107.

го прогресса вообще и автоматизации производства в частности даже на отдельном предприятии или в отрасли, не говоря уже об общественном производстве в целом. Цель автоматизации — это сокращение издержек производства на единицу продукции, а это может быть достигнуто как благодаря экономии рабочей силы, так и сокращением капиталоемкости и материалоемкости продукции, улучшением ее качества, ускорением процесса ее изготовления, лучшей организацией производства и т. д. Очень часто сокращение затрат труда на изготовление какой-либо продукции заслоняет от нас тот факт, что и затраты капитала, а также сырья сократились при этом, быть может, еще в большей мере.

Безработица, далее, отнюдь не находится в прямой зависимости от уровня производительности труда. Экономическая история отдельных стран, а также сравнение стран, находящихся ныне на весьма различном уровне экономического развития, достаточно убедительно подтверждают, что в общем и высокая и низкая безработица могут быть как при высокой, так и при низкой производительности труда.

В конечном итоге занятость зависит в первую очередь от таких факторов, как объем рынка сбыта в форме платежеспособного спроса, соотношение потребления и накопления, наличие основного капитала в достаточных размерах для того, чтобы обеспечить потребное количество рабочих мест, возможность обеспечения возрастающих потребностей в сырье без увеличения издержек на его производство. Главным из них в условиях капиталистического способа производства является образование основного капитала: рост капиталоемкости будет сопровождаться уменьшением спроса на рабочую силу. Эта тенденция особенно давила себя знать в конце XIX — начале XX века. Науч-

но-технический прогресс между тем привел пока к снижению капиталоемкости и материалоемкости продукции, в связи с чем обнаружился даже относительный избыток капитала и недостаток высококвалифицированной рабочей силы, более быстрый рост занятости по сравнению с началом века.

Однако одновременно еще более обнаружались пороки социально-экономической системы капитализма в целом. В отличие от социализма, где подготовка квалифицированной рабочей силы и в случае необходимости ее переквалификация осуществляются планомерно и за счет общества, в условиях капитализма научно-технический прогресс резко обостряет так называемую технологическую безработицу, когда наряду с недостатком в рабочей силе определенных специальностей увеличивается и становится хронической «излишняя» рабочая сила, не могущая найти себе применения в общественном производстве вследствие недостаточного образования, ставшей ненужной квалификации и т. д. Это уже не только постоянная резервная армия труда, как прежде, а «лишние люди» для капитализма, обреченные на нищету в пресловутом «обществе изобилия». А во время экономического спада, как, например, в США в 1969—1972 годах, без работы остаются многие десятки тысяч высококвалифицированных специалистов, инженеров и ученых, занятых в передовых отраслях производства, переживающих кризис.

Буржуазные социологи и экономисты, как правило, связывают научно-техническую революцию и рост производительности труда в современном обществе по преимуществу, если не исключительно, с изменениями в технике, в средствах труда и т. д. В их концепциях технологического детерминизма машины вообще, а в современную эпоху электронно-вычислительные машины и кибернетические устройства совершенно засло-

няют человека. Человек согласно им все больше остается в тени производства, и если не вытесняется оттуда, то отступает на второй план, постепенно утрачивает свои производительные функции. В соответствии с этим овеществленные труд и знания, воплощенные в технике, в машинах, как бы подавляют живой труд и знания, носителем которых является человек, прошлое господствует над настоящим.

Совершенствование орудий и средств производства на протяжении истории — хороший объективный критерий для характеристики возросшей власти общества над природой. Но он совершенно неуместен для сопоставления относительной роли человека и техники в каждую данную эпоху. Ведь и сам человек в процессе общественного развития не остается неизменным: на протяжении истории происходит не только количественный рост населения, но и качественный рост составляющих его людей, — производителей материальных и духовных ценностей. Нельзя формально сравнивать конный плуг и трактор, ремесленный инструмент и автоматический станок, парусный корабль и реактивный самолет, а затем делать необоснованный вывод об умалении человека. Почему, собственно говоря, человек должен сознавать себя более зависимым от современной техники? Только потому, что она эффективнее, производительнее, обладает большей скоростью?

В фантастическом романе американского писателя Курта Воннегута «Утопия 14» изображено общество, где в практической деятельности участвует всего лишь несколько процентов взрослого населения — преподаватели, полицейские и государственные чиновники, а также возглавляющие их технократы, а девять десятых жителей оказываются просто «лишними людьми», занятыми бессмысленным времяпрепровождением.

ем. Герои романа устраивают заговор против машин. Какие же доводы они находят в защиту человека? Увы, это лишь апелляция к его «божественному происхождению» и... беззащитности: «Несовершенство имеет право на существование, ибо человек несовершенен... Слабость имеет право на существование, ибо человек слаб... Неспособность имеет право на существование, ибо человек неумен и неловок...»

Подобную аргументацию «в защиту человека» можно ныне встретить на Западе не только в фантастических романах, но и в серьезных социологических сочинениях.

Перспективы научно-технической революции воистину выглядели бы в мрачном свете, если бы место и роль человека в обществе зависели лишь от псевдогуманистических доводов, от абстрактных призывов к состраданию и справедливости.

К счастью, в реальной жизни дело обстоит иначе. Подлинное содержание и объективные тенденции научно-технической революции опровергают представления технократов о судьбах человечества.

Соотношение человека и техники — это прежде всего взаимодействие живого и овеществленного труда в процессе общественного производства на каждом данном этапе его развития. И если мы выразим стоимость технических средств, которые использует человек, в количестве живого труда, затраченного на их изготовление, то и без математических расчетов легко обнаружим, что сельскохозяйственный инвентарь, который передавался в наследство от деда к внуку, или же парусный корабль стоили в средние века в общем дороже, чем современные орудия производства и средства транспорта стоят для нас. Иначе говоря, современный человек в высокоразвитом обществе и экономически и психологически находится в меньшей зави-

симости от ста лошадиных сил, спрятанных под капотом его автомашины, от электрической или газовой плиты, от автоматического станка и реактивного самолета, чем его предки от пароконной упряжки, от печи, от их жалкого, с нашей точки зрения, производственного инвентаря. Современному человеку все это и легче приобрести, и дешевле содержать, если мы выразим их стоимость в таком объективном критерии, пригодном для сравнения разных эпох, как количество рабочих часов или недель.

Бороздящие океанские просторы гигантские танкеры, водоизмещением до 500 тысяч тонн, то есть в сотни раз превосходящие каравеллы эпохи Великих географических открытий, не должны заслонять от нас современного человека, способного, подобно Фрэнсису Чичестеру, в одиночку на крошечной яхте «Джипси мот-IV» меньше чем за год совершить кругосветное путешествие. А ведь Магеллану в свое время понадобилось для этого 3 года, 5 кораблей и 265 человек экипажа. Человек XX века отнюдь не карлик в сравнении с созданной им техникой, а великан, поскольку он владеет знаниями и опытом, приобретенными человечеством, стоит как бы на плечах гигантов науки прошлого и своих современников.

Иногда, чтобы подчеркнуть колоссальную роль техники в наши дни, ссылаются в подтверждение на огромную стоимость некоторых машин и агрегатов. Однако в этом случае речь идет об уникальных примерах. Создание нового типа компьютеров, сверхзвукового самолета, вроде «Конкорд», не говоря уже о программе космических исследований, предполагает расходы многих миллиардов долларов на протяжении ряда лет, иногда десятилетий. Эти цифры поражают своей величиной, но если мы распределим их на десять лет и сопоставим с размерами национального дохода,

то обнаружим, что они составляют к нему лишь долю процента по 5—10 долларов в год на душу населения. Экспедиция Васко да Гамы, открытие Америки Колумбом, кругосветное плавание Магеллана в относительных цифрах представляли для Португалии и Испании в XV и XVI веках гораздо большее финансовое бремя.

Научно-техническая революция ведет к колоссальному росту производительности труда не столько благодаря современным машинам, сколько благодаря современным трудящимся, рабочему классу. Попробуем проиллюстрировать это одним гипотетическим примером.

В самом деле, что произошло бы, если бы в один прекрасный день все машины, все орудия производства, включая самое современное оборудование, были бы вывезены, скажем, из Англии в Нигерию, а нигерийская техника производства — в Англию? Если бы главной производительной силой общества были машины, а не люди, то нам следовало бы ожидать, что спустя двадцать лет Нигерия оказалась бы несравненно более развитой в экономическом отношении страной, чем Англия, низведенная из-за этой операции до уровня одной из наиболее отсталых в мире. Однако результат, по всей вероятности, оказался бы совершенно иным. Спустя десятилетие или два после этого мысленного эксперимента мы обнаружили бы, что машины, перемещенные в Нигерию, в своем подавляющем большинстве превратились бы просто в лом, ибо на них просто некому было работать, так как Нигерия не располагает соответствующими квалифицированными кадрами и за десятилетие их нельзя подготовить в соответствующем количестве. Англичане же ценой больших лишений и жертв, по всей вероятности, сумели бы создать необходимые им машины, может быть, да-

же более совершенные, чем у них были прежде. Парадокс объяснялся бы просто: в конечном счете не машины порождают технически квалифицированных людей, а, наоборот, люди создают машины, соответствующие их уровню технических и научных знаний. И чтобы убедиться в этом, не обязательно прибегать к изложенному выше гипотетическому эксперименту.

Каждый раз, когда правители какой-либо страны заблуждались на этот счет, они, как свидетельствует история, жестоко платились за это и заставляли расплачиваться свои народы. В XVI веке, например, Филипп II изгнал из Испании около полумиллиона морисков, которые были лучшими земледельцами, ремесленниками и торговцами в стране. И хотя они были вынуждены оставить практически все свои орудия и средства производства, стране был нанесен непоправимый экономический ущерб. Век спустя, после отмены Нантского эдикта, из Франции были изгнаны протестанты-гугеноты. В результате целые отрасли хозяйства пришли в упадок. И наоборот, соседние страны, в особенности Голландия и Пруссия, предоставив гугенотам убежище, извлекли из этого огромные экономические выгоды. Количество подобных примеров можно без труда умножить.

Человек и в ходе научно-технической революции остается главной производительной силой общества отнюдь не только по гуманистическим соображениям, но и по экономическим расчетам. Техника, машины, как бы они ни были совершенны, являются не чем иным, как овеществленной суммой человеческих знания, опыта, навыков. «Машина, которая не служит в процессе труда, бесполезна, — отмечал Маркс. — Кроме того, она подвергается разрушительному действию естественного обмена веществ. Железо ржавеет, дерево гниет. Пряжа, которая не будет использована для

тканья или вязанья, представляет собой испорченный хлопок. Живой труд должен охватить эти вещи, воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости»¹.

В ходе совершенствования электронных вычислительных машин быстро снижается стоимость одной, условной операции на них. Причем это достигается не столько быстрым улучшением технических данных самих машин, сколько стремительным усовершенствованием программ, математического и интеллектуального обеспечения, все более широкого и изобретательного их использования. За последние годы капиталовложения в это обеспечение, воплощенное в приобретенном знании и умении обращаться с машинами, которое по-английски весьма красноречиво именуется «мягким товаром» (software), во много раз превзошли стоимость самих машин, или так называемого «твердого товара» (hardware). «Будущее вычислительных машин в гораздо большей степени принадлежит повелителям этого «мягкого товара», т. е. лучшим мозгам, чем повелителям «твердого товара», т. е. техникам в промышленности», — замечает Ж.-Ж. Серван-Шрейбер, автор книги «Американский вызов»².

Любопытно, что электронная промышленность принадлежит к отраслям, в которых стоимость оборудования на одного занятого принадлежит к самым низким во всей экономике. Выдающиеся технические достижения нашего времени, воплощенные в различных машинах, подчас гипнотизируют людей, заставляя их забывать, что главной пружиной научно-технического

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 194.

² J. J. Servan-Schreiber, Le Défi américain. Paris, 1969, p. 186.

прогресса остается именно использование этих достижений, постоянный процесс нововведений, способность размышлять, изобретать, творить, применять, непрерывно открывать новые возможности приложения труда. Из всех факторов современного производства именно эта способность не только наиболее важная, но и менее всего исчерпана и экономически наиболее перспективная.

Как ни баснословны возрастающие расходы на науку и технику в нашу эпоху, они не только сравнительно быстро и многократно окупаются, но вместе с тем отнюдь не представляют какого-то непосильного бремени для современной экономики.

По мере ускорения научно-технического прогресса процесс устарения и морального износа прошлого, овеществленного знания по сравнению с приобретаемым, живым знанием не замедляется, а, естественно, ускоряется. Это находит свое проявление в возрастающем экономическом значении интенсивных факторов производства по сравнению с экстенсивными в современном общественном производстве. По подсчетам американского экономиста Денисона, по крайней мере две трети общего прироста продукции в США после 1929 года следует отнести за счет роста квалификации работников, лучшей организации производства и внедрения научных знаний, то есть интенсивных факторов, и лишь одну треть за счет экстенсивных факторов: роста занятости и увеличения основного капитала. Причем доля первых в ходе научно-технической революции имеет тенденцию возрастать. Вот почему нельзя не согласиться с французским демографом А. Сови, который справедливо пишет: «Внимательное изучение экономической эволюции за последние пятнадцать лет показывает, что главным фактором развития прогресса является не капитал, как полагали дол-

гое время, а знания людей, их способность создавать богатства»¹.

В общественном производстве в целом доля национального богатства, воплощенная в овеществленном труде, снижается по сравнению с его долей, воплощенной в знаниях людей. Так, накопленные издержки на образование наличного населения возросли с 19,9 процента к национальному богатству США в 1940 году до 25,6 процента в 1950 году и до 38,7 процента в 1960 году. Об этом же свидетельствует и тот факт, что удвоение знания в сфере науки происходит за 10—12 лет, тогда как накопление капитала совершается несравненно медленнее. Одновременно и инвестиции в человека становятся все более продуктивными, чем инвестиции в машины и оборудование.

Современная техника предъявляет возрастающие требования к человеку. Общество будущего — это не царство дилетантов, знающих все понемногу и ничего досконально, а общество высококвалифицированных специалистов, профессионалов, повелителей машин. «Люди с психологией машинопочтунков часто питают иллюзию, будто в высокоавтоматизированном мире потребуется меньше изобретательности, чем в наше время; они надеются, что мир автоматов возьмет на себя наиболее трудную часть нашей умственной деятельности — как тот греческий философ, который в качестве римского раба был принужден думать за своего господина. Это явное заблуждение... — писал Норберт Винер. — Мир будущего потребует еще более суровой борьбы против ограниченности нашего разума, он не позволит нам возлечь на ложе, ожидая появления наших роботов-рабов»².

---

¹ „Le plan Sauvy“. Paris, 1960, p. 115.

² Н. В и н е р, Творец и робот. М., 1966, стр. 73, 80.

В сфере экономической деятельности мы имеем дело фактически не с вытеснением человека из производства, а с изменением его функций в производстве, превращением его из простого агента производства, придатка машины, в «контролера» производства в широком смысле этого слова, как предвидел Маркс. Капитализм, естественно, уродует и деформирует этот процесс, придает ему антагонистический характер.

Иллюзия «вытеснения человека из сферы общественного производства» и связанные с ней технократические мифы порождены в первую очередь тем, что буржуазным социологам и экономистам, как правило, чужд исторический подход к обществу, а их анализ ограничен лишь сферой промышленного производства. Социальная обусловленность подобного подхода станет очевидной, если мы примем во внимание, что преувеличение роли техники так или иначе отражает преклонение перед основным капиталом, в умалении человека дает себя знать пренебрежение трудящимися массами, в ограничении анализа промышленностью — товарный фетишизм, представление же о вечности капиталистических отношений, естественно, сопровождается утратой социальной перспективы.

КАПИТАЛИЗМ — ПРОКРУСТОВО ЛОЖЕ ПРОГРЕССА

Не только экономическое развитие, но и социальный прогресс человечества во многих отношениях обусловлены последовательным разделением труда. На протяжении истории это разделение происходило как в горизонтальной плоскости, путем расчленения непосредственного процесса изготовления продукта на ряд параллельных или последовательных операций, так и в вертикальной плоскости, путем выделения отдельных этапов общественного производства в относительно самостоятельные сферы экономической деятельности. В первом случае процесс производства по своему характеру оставался совместным трудом; во втором же он приобретал характер более или менее опосредованного участия во всеобщем труде. В обоих случаях, однако, в результате общественного разделения труда значительно возрастала его совокупная производительность благодаря специализации и кооперации, а также благодаря перемещению части рабочей силы в те сферы деятельности, где экономическая эффективность приложения труда в целом выше.

Развитием прежде всего науки и образования,

а также ряда других социальных услуг научно-техническая революция как бы надстраивает следующий, новый этаж в экономическом здании цивилизации — третий, если рассматривать первым присвоение и умножение богатств природы в сельском хозяйстве, а вторым — их промышленную переработку. Дело не в том, что эти формы общественной деятельности не существовали прежде, а в том, что производство знания, его приобретение и технологическое применение в процессе научно-технической революции становятся необходимым предварительным условием современного общественного производства; общественно полезная деятельность в этой сфере превращается в общественно необходимую и экономически весьма эффективную; она вносит свою возрастающую долю в стоимость совокупного общественного продукта и уже в силу этого приобретает характер производительного труда.

К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что понятие производительного труда является историческим, что его содержание меняется от эпохи к эпохе, от одного общественного строя к другому. «Только буржуазная ограниченность, считающая капиталистические формы производства абсолютными его формами, а следовательно вечными естественными формами производства, может смешивать вопрос о том, что такое *производительный труд* с точки зрения капитала, с вопросом, какой труд вообще является производительным, или что такое производительный труд вообще...»¹ — подчеркивал Маркс.

Известное расхождение в оценке той или иной деятельности как общественно полезной, экономически эффективной и производительной (либо наоборот) вызвано не столько различиями в исходной точке зре-

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 26, ч. 1, стр. 400.

ния представителей различных социальных слоев и профессий, сколько уровнем развития производительных сил данного общества. Точка зрения господствующего класса является преобладающей не просто потому, что он господствует в обществе; она до поры до времени объективно выражает сложившиеся экономические и социальные условия общественного производства.

Пока использование достижений науки в производстве было лишь ее побочным, во многом случайным результатом, пока медицина и образование оставались привилегией господствующего, эксплуататорского класса, труд ученого, врача, учителя мог рассматриваться в основном как непроизводительный не только с точки зрения капиталиста, поскольку он не создавал прибавочной стоимости, но и с точки зрения общества, ибо практически не сопровождался экономией общественно необходимого труда и не вносил сколько-нибудь соизмеримого реального вклада в конечный продукт. Собственно говоря, в этом смысле и физиократы были вправе считать непроизводительным труд на большинстве мануфактур, изготовлявших главным образом оружие, фарфор, зеркала, кружева, гобелены и другие предметы роскоши. Ибо в отличие от труда в сельском хозяйстве, от труда ткача-ремесленника или деревенского кузнеца мануфактурное производство не увеличивало сколько-нибудь заметным образом количество средств существования, которыми располагало общество. Однако такого рода «правота» весьма относительна и исторически ограничена. Становиться в современную эпоху после начавшейся научно-технической революции на позицию, будто только физический труд, или труд в промышленности, или труд, производящий материальные ценности, является производительным — это все рав-

но что уверять после промышленной революции, будто производителен только труд в сельском хозяйстве, то есть равносильно тому, чтобы быть физиократом ХХ века. Вместе с тем и точка зрения капиталиста на производительный труд приходит в столкновение с новой экономической реальностью, порожденной научно-технической революцией.

В «Теориях прибавочной стоимости» Маркс приводит многочисленные примеры противоречия между здравым смыслом и капиталистическим критерием в оценке того или иного конкретного труда в качестве производительного. Так, труд учителя или артиста в капиталистическом обществе считается производительным не сам по себе, а лишь в зависимости от того, удастся ли извлечь из него прибавочную стоимость. То, что было экономическим парадоксом и логической нелепостью, ныне превращается в глубокое экономическое противоречие и вопиющую социальную нелепость: общественно полезная деятельность и в науке, и в образовании, и в здравоохранении становится в процессе научно-технической революции экономически высокоэффективной; вместе с тем она в целом непроизводительна и нерентабельна как сфера приложения частного капитала.

Между капиталистическим способом производства и наукой как сферой общественно полезной деятельности существует весьма глубокое и в исторической перспективе неустранимое противоречие. Новые производительные силы, которые вызывает к жизни научно-техническая революция, предполагают для своего полного развития иные экономические и социальные принципы, чем те, которые сложились на основе промышленной революции в рамках капиталистического общества. Дело в том, что производство общественно полезного знания во многих отношениях существенно

отличается от производства промышленных изделий — товаров и большинства услуг, предназначенных в конечном счете для индивидуального потребления в форме приобретения на рынке непосредственного, исключительного права пользования ими. В ходе научно-технической революции становится все более очевидным, что и эффективность капиталовложений в науку, и реализация ее продукции уже не могут успешно регулироваться механизмом частнокапиталистического товарного производства.

Роль науки как всеобщей производительной силы определяется в первую очередь достигнутым человечеством уровнем знания, который в каждом конкретном случае его использования и полезного применения выступает, согласно Марксу, как в некотором роде «даровая сила». Этот уровень, представляющий собой накопленный итог предшествовавшего развития науки, сравнительно мало зависит от текущей деятельности отдельного ученого или отдельной лаборатории, вносящих в него свой вклад. Напротив, результаты их деятельности в основном обусловлены именно этим наличным уровнем. Как ни велика экономическая эффективность капиталовложений в науку с точки зрения общества в целом, она отнюдь не укладывается в узкие рамки рентабельности инвестиций с точки зрения капиталиста. Ни одна монополистическая корпорация, какими бы финансовыми ресурсами она ни обладала, не в состоянии сколько-нибудь существенно повлиять на общий уровень знаний в данную эпоху. Больше того, такого рода усилия выглядели бы столь же тщетными, как попытки поднять уровень Мирового океана или же очистить воздух в каком-либо одном городском районе. Хотя положение в этом смысле и неодинаково в различных отраслях знаний, тем не менее использование достижений науки отдельными

корпорациями в основном покоится на утилизации наличного знания и его технологическом применении.

С точки зрения общества расходы на науку не только оправданы, но и весьма эффективны экономически. Энгельс в свое время отмечал, что «только один такой плод науки, как паровая машина Джемса Уатта, принес миру за первые пятьдесят лет своего существования больше, чем мир с самого начала затратил на развитие науки»¹. И мы вправе сегодня повторить этот вывод применительно, скажем, к электронной вычислительной машине или транзисторам, а в будущем он окажется справедливым для космических исследований и мирного использования термоядерной энергии. Однако то, что правомерно в отношении затрат на науку в целом, далеко не всегда можно распространить на каждое конкретное исследование, взятое в отдельности. Чем ограниченнее масштаб исследовательских работ, тем сомнительнее конечный успех, тем больше риск, что затраты либо вообще не оправдают себя, либо окупятся многие десятилетия спустя, причем лишь косвенно.

Хотя в ходе научно-технической революции время от начала исследования до его первого коммерческого использования значительно сократилось (например, в США с 37 лет на рубеже XIX—XX века до 14 лет за последние два десятилетия), тем не менее капиталовложения в науку окупаются в несравненно более продолжительные сроки, чем обычные инвестиции. Причем в частной промышленности так называемый инкубационный период научных исследований вдвое дольше, чем для государственных затрат на эти цели, которые производятся в массовом масштабе.

Наконец, сама экономическая реализация научных

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 555.

открытий и частное присвоение их результатов не могут быть втиснуты в рыночные отношения. Вся предприимчивость и коммерческий дух бизнеса так и не изобрели способа, благодаря которому можно было бы, продав геометрическую теорему или физический закон в одном экземпляре, сохранить рыночную цену на их последующие экземпляры-копии. Как только сам факт открытий становится известен, вновь приобретенное знание в своей непосредственной форме перестает быть товаром и так или иначе превращается во всеобщее достояние. Оно может быть присвоено в частную собственность лишь косвенно и на ограниченный срок в виде патентов на его технологическое применение. Засекречивание же научно-исследовательских работ, практикуемое корпорациями, сулит лишь кратковременный выигрыш ценой замедления развития науки в целом, то есть, подобно бумерангу, обращается против их собственных долговременных интересов.

В своей автобиографии Норберт Винер, наученный, надо полагать, собственным горьким опытом, следующим образом заклеил подобное хищническое отношение к науке в условиях капитализма: «Бизнес, возможно, и осознал необходимость долговременного риска при условии, что он заранее рассчитан; но ни один риск по самой своей природе не поддается столь трудному расчету, как ожидание прибыли от новых идей. Мы живем в век, когда мотивы прибыли часто экзальтированы даже вплоть до подавления всех остальных стимулов. Ценность идей для общества измеряется в долларах и центах, а ведь доллары и центы обладают преходящей ценностью по сравнению с новыми идеями. Открытие, которое сулит практическую пользу лишь пятьдесят лет спустя, имеет слишком мало шансов на благосклонность тех, кто

платит за работу, ведущуюся над ним. А между тем если бы подобные открытия не были сделаны и мы продолжали зависеть от уже существующих, то мы распродали бы наше будущее и будущее наших детей и внуков»¹.

На протяжении последнего десятилетия на капиталистическом Западе, особенно в Соединенных Штатах, имеет место своеобразный «научно-исследовательский бум». Инвестиции ведущих монополистических корпораций на научные исследования и технические разработки стремительно возрастают из года в год и по своему объему уже превзошли капиталовложения в новое оборудование. Множатся корпорации и учреждения, специализирующиеся на «производстве и продаже знаний», вроде знаменитой «Рэнд корпорейшн» или Гудзоновского института. Капиталистическое предпринимательство как бы открыло для себя в лице науки новую неисчерпаемую «золотую жилу», более заманчивую, чем тысяча Клондайков. Но за этим фасадом коммерческого процветания в сфере научных исследований скрываются долговременные процессы, которые ведут к накоплению и обострению противоречий между наукой и частным капиталом. Государство, а фактически все общество, вынуждено брать на себя с каждым годом возрастающую долю капиталовложений в науку. Если расходы на научные исследования и технические разработки в США увеличились с 1954 года вчетверо, то одновременно доля только прямых государственных расходов на эти цели достигла свыше $\frac{2}{3}$, а учитывая всякого рода налоговые льготы для корпораций, она, очевидно, еще выше. С помощью государства корпорации возлагают

---

¹ N. Wiener, I am a Mathematician, London, 1959, p. 361.
См. также Н. Винер, Я — математик. М., 1960, стр. 345.

на общество в целом не только практически все затраты на развитие фундаментальных исследований, но и основное бремя расходов на такие исследования, которые не сулят им прямой и быстрой выгоды, например практическое использование атомной и термоядерной энергии, космические средства связи и т. п. Даже создание сверхзвукового пассажирского самолета, коммерческая эксплуатация которого сулит авиакомпаниям огромные прибыли, финансируется государством либо полностью, как во Франции, либо на 90 процентов, как в США. Иначе говоря, симбиоз частного предпринимательства с наукой чем дальше, тем больше превращается в экономический и социальный паразитизм: эксплуатация бизнесом золотых россыпей науки — это частное присвоение богатства, созданного за счет всего общества.

В исторической перспективе стремление сохранить принципы частнокапиталистического предпринимательства в сфере научной деятельности во многом напоминает попытки развивать промышленность в XVIII веке на основе феодальных методов эксплуатации путем создания крепостных мануфактур и горных заводов. Тогда просвещенные правители щедро наделяли горнозаводчиков крепостными душами и землями, всячески поощряли их за счет казны. Благодаря этому Россия, например, в XVIII веке даже ненадолго вышла на первое место в мире по выплавке чугуна и экспортировала его в Англию. Но эта пиррова победа феодального способа производства, достигнутая ценой расхищения людских и природных ресурсов страны, впоследствии обернулась многими десятилетиями экономической и социальной отсталости по сравнению с Западной Европой, ушедшей далеко вперед по капиталистическому пути. Эта историческая аналогия при всей ее условности весьма

поучительна: впечатляющие достижения науки и техники на капиталистическом Западе за последние десятилетия не могут скрыть явные симптомы его грядущей отсталости, он был вынужден уступить приоритет социализму в космических исследованиях, в создании реактивной и сверхзвуковой гражданской авиации, приоритет и в ряде других областей.

Революционное воздействие науки на капиталистическое общество, как считает Роберт Хейлброунер, по своим социальным последствиям сопоставимо с разлагающим влиянием товарного производства и денежных отношений на феодализм. В конфликте между научно-технической революцией и капитализмом, констатирует он в своей книге «Пределы американского капитализма», обнажается непримиримость двух начал: стихийного саморегулирования и сознательного развития, общественных интересов и привилегий меньшинства. Исход этого столкновения, по его мнению, исторически предрешен: «Определенно лишь одно, а именно глубокая несовместимость между новой идеей активного использования науки в обществе и идеей капитализма как социальной системы... В конечном счете капитализм взвешен на весах науки, и обнаружено, что он легковесен не только как система, но и как философия»¹.

Несовместимость научно-технической революции с капитализмом обнажается и в сфере образования, которое становится одной из ведущих форм общественно полезной деятельности. В этой сфере, быть может, ярче, чем где-либо еще, проявляется переоценка экономических и социальных ценностей, которая происходит в нашу эпоху.

---

¹ R. L. Heilbroner, *The Limits of American Capitalism* New York, 1966, p. 101.

Вплоть до XX века ни одно общество, в сущности, просто не могло дать подавляющей массе населения более чем элементарное образование. Уже только по экономическим соображениям оно могло позволить себе содержать лишь горстку высокообразованных людей, ибо быть образованным — это на протяжении долгих веков означало то же самое, что быть непродуктивным. Университетское образование, как правило, было синонимом роскоши, принадлежности к господствующему классу в антагонистическом обществе. Научно-техническая революция произвела подлинный переворот в экономической и социальной функции образования: теперь уже, наоборот, остаться необразованным равносильно тому, чтобы быть малопродуктивным, а нередко вообще излишним для производства. Многие ученые на Западе называют этот переворот «революцией в образовании». Однако правильнее его рассматривать не как какую-то параллельную революцию, а как вторую неотъемлемую сторону научно-технической революции. Овладение знаниями, или человеческое применение науки, становится столь же важным фактором общественного производства, как и технологическое применение науки.

Современное общественное производство как при социализме, так и при капитализме нуждается в возрастающем количестве высококвалифицированных специалистов, обладающих знаниями на уровне последних достижений науки и техники. По мере того как возрастает значение умственного труда по сравнению с физическим, роль квалификации работников по сравнению с их количеством, принцип «максимум образования максимальному числу людей» становится не только требованием социальной справедливости, но и условием расширенного воспроизводства основной производительной силы общества — трудящегося че-

ловека. К концу нашего века в экономически наиболее развитых странах подавляющая часть подрастающего поколения должна будет получать образование, равноценное современному высшему.

«Современное производство предъявляет быстро-растущие требования не к одним лишь машинам, технике, но и прежде всего к самим работникам, к тем, кто эти машины создает и этой техникой управляет. Специальные знания, высокая профессиональная подготовка, общая культура человека превращаются в обязательное условие успешного труда все более широких слоев работников. Но все это в значительной мере зависит от уровня жизни, от того, насколько полно могут быть удовлетворены материальные и духовные потребности»¹, — отмечал Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС.

В ходе научно-технической революции образование, как профессиональное, так и общее, приобретает, с экономической точки зрения, характер «капиталовложений в человека». Экономическая эффективность образования (а им, разумеется, никак не исчерпывается его социальное значение) сейчас уже ни у кого не вызывает сомнений. Многочисленные экономические расчеты, а также конкретные социальные исследования убедительно подтверждают, что затраты общества на образование многократно возмещаются последующим ростом производительности труда. Больше того, хотя продление формального образования в годах неизбежно ведет к тому, что человек, получивший высшее образование, начинает возмещать обществу произведенные на него затраты на несколько лет позже, он все же окупает их полностью, как правило, значительно раньше, чем человек со средним

---

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 41.

образованием, не говоря уже о том, что на протяжении своей жизни производит несравненно больший прибавочный продукт.

Наличие высокообразованной рабочей силы соответствующей квалификации и в соответствующем количестве — основное условие современного производства. Это не вызывает сомнений ни у буржуазных экономистов, ни у капиталистов-предпринимателей. «Существенный новый факт состоит в том, что развитое общество и экономика не будут вполне эффективными, если кто-либо получит образование ниже предела своих потенциальных возможностей, — заявляет, например, американский экономист Питер Ф. Дракер. — Необразованный быстро становится непроизводительным. Общество должно быть сегодня «образованным обществом», чтобы прогрессировать, расти, даже просто выжить»¹. Однако от осознания этого факта капиталистическое общество автоматически не превратится в «образованное общество».

Необходимость дать специальное техническое образование основной массе населения предполагает колоссальные затраты общественного труда, причем в течение долгого времени: подготовка высококвалифицированного специалиста в среднем занимает до 15—20 лет обучения в школе и университете. В конечном счете «капиталовложения в человека», будь то в форме образования, здравоохранения и даже воспитания с детских лет, включая обеспечение подрастающего поколения пищей, одеждой, жилищем, более чем окупаются в течение его последующей производительной деятельности. Но, с точки зрения предпринимателя-капиталиста, это в целом совершенно нерентабельная сфера приложения капитала, во-первых, потому, что

---

¹ „The Uses of Sociology“. New York, 1965, p. 224.

они окупилась бы очень не скоро (по подсчетам демографов, человек возмещает все произведенные на него затраты в среднем к 30—35 годам); во-вторых, потому, что продукт его затрат — высококвалифицированный специалист — может быть на равных основаниях приобретен другими, конкурирующими фирмами на рынке рабочей силы, причем много ниже его стоимости. В лучшем случае крупнейшие корпорации готовы вложить средства в своеобразный «полуфабрикат», то есть в сравнительно краткосрочное обучение более или менее образованного работника, позволяющее рассчитывать на быстрый эффект. Все же остальные расходы по воспроизводству высококвалифицированной рабочей силы возлагаются частным капиталом либо на семью, либо все больше на государство, либо, наконец, даже на другие страны, откуда переманивают специалистов.

Итак, капиталовложения в человека, подобно капиталовложениям в науку, в современную эпоху превращаются во всеобщее необходимое условие общественного производства в целом. Но вместе с тем они лежат в основном «по ту сторону» частнокапиталистического предпринимательства. Экономическая эффективность общественной деятельности в этой сфере и капиталистическая рентабельность все больше расходятся между собой. Интересы общества и интересы частного капитала приходят в столкновение, которое перерастает в антагонистический конфликт, ибо основные издержки по созданию общественного богатства в возрастающих размерах перекладываются с помощью государства на все население, тогда как выгоды от его реализации в процессе товарного производства присваиваются частным образом, преимущественно монополистическим капиталом.

Пока расходы государства на научные исследова-

ния и технические разработки, на образование и здравоохранение укладываются в пределах 10—20 процентов национального дохода, подобное перераспределение общественного богатства в пользу монополистических корпораций, быть может, еще и удастся как-то оправдать в глазах общественного мнения с помощью идеологических ухищрений, какими-либо иными, мнимыми преимуществами капиталистической системы. Однако эти расходы стремительно возрастают и по мере перемещения рабочей силы в «третичную сферу» в процессе нового общественного разделения труда будут возрастать и дальше. Чтобы предотвратить экономический застой и социальную стагнацию, государство будет вынуждено и дальше изымать из сферы частного предпринимательства те формы общественно полезного труда, к которым неприменимы принципы товарного производства.

Колоссальный рост роли государства в экономической и социальной деятельности общества на капиталистическом Западе после второй мировой войны в значительной мере следствие научно-технической революции. И это не преходящий, а постоянно действующий фактор. В конечном итоге спустя несколько десятилетий, даже при сохранении в промышленности частнокапиталистического товарного производства, ее реальная доля в совокупном общественном продукте упадет до 15—20 процентов. В этих условиях сохранение частной собственности и принципа капиталистического предпринимательства в промышленности (не говоря уже о других сферах общественного производства) объективно будет выглядеть столь же диким, как сохранение крепостного права, феодальной ренты и сословных привилегий после промышленной революции в сельском хозяйстве. Иначе говоря, государство должно будет превратить капита-

листическое производство в промышленности в своеобразную привилегию небольшого круга лиц, присваивающих в виде прибыли продукт общественно полезной деятельности в остальных сферах производства.

Даже если бы капиталистической системе удалось продлить свое существование до той поры вопреки неразрешимым внутренним противоречиям (что весьма сомнительно) и если бы ей удалось изобрести такой экономический механизм, который обращал бы в товар весь продукт «третичной сферы» (что в непосредственной форме невозможно), ее дни были бы сочтены в результате этого нового общественного разделения труда. Ни один капиталист не примирился бы с тем, чтобы вся его продукция, включая прибавочную стоимость, отчуждалась в виде натуральной ренты землевладельцу-феодалу на том основании, что предприятие построено на территории его владения. Также и общество не допустит, чтобы созданное им в новых сферах деятельности богатство реализовалось бы на рынке в форме промышленной продукции, а весь прибавочный продукт присваивался бы в форме частнокапиталистической прибыли горсткой собственников.

Частная капиталистическая собственность на средства производства и контрольные пакеты акций в глазах общества имели бы не больше моральных оправданий и правовой силы, чем ленные грамоты французских королей и сословные привилегии в развитом промышленном обществе. Привилегия капиталистов на частную собственность неизбежно будет взорвана в ходе научно-технической революции, а их шансы продержаться в условиях нового общества окажутся еще меньшими, чем шансы английских лордов в начале XIX века сохранить таможенные тарифы на хлеб.

ВСЕСТОРОННЕЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ ИЛИ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДОСУГА»?

Несостоятельность товарного производства и меркантильного подхода особенно ярко проявляется в оценке социальной функции свободного времени.

До научно-технической революции свободное время трудящегося было безразлично с экономической точки зрения. В настоящее время проблема свободного времени все больше занимает не только социологов и экономистов, но и бизнесменов. Однако подход к свободному времени в этом отношении остается по-прежнему «потребительским», а именно: ученые озабочены проблемой того, чем заполнить свободное время, чтобы оно не оказалось заполненным антисоциальной деятельностью. Бизнесмены рассматривают свободное время и досуг с точки зрения потенциально го рынка сбыта.

Сокращение рабочего времени и, соответственно, увеличение свободного времени — это совершенно очевидная тенденция нашей эпохи, обусловленная объективными причинами. С одной стороны, быстрый рост производительности труда в ходе научно-технического прогресса позволяет сокращать необходимое

рабочее время; с другой — условия жизни и работы в современном обществе предполагают увеличение свободного времени для полноценного воспроизводства рабочей силы. В предстоящие десятилетия эта тенденция не только сохранится, но и приобретет дальнейшее ускорение. Если с начала нашего века по настоящее время количество рабочих часов в году сократилось в среднем с 3000 до 2000, то к концу века оно, по всей вероятности, может сократиться еще на треть.

Сейчас, конечно, преждевременно гадать, какую конкретную форму обретет это сокращение. В своей книге, озаглавленной «40 000 часов», французский социолог и экономист Жан Фурастье считает, что эта средняя продолжительность трудовой активности работника на протяжении его жизни будет состоять из 33 лет рабочего стажа, 40 рабочих недель в году, по 30 рабочих часов в неделю¹. Чем меньше рабочее время, тем больше может быть вариантов его распределения как в течение жизни человека, так и на протяжении года и даже недели. Вполне можно предположить, что люди будут работать 25 часов в неделю, иметь три месяца отпуска в году, а из 40 лет их трудового стажа 5 лет будут отведены на повышение квалификации или переквалификацию. Так или иначе, но подобные расчеты не могут быть формальными и умозрительными. Распределение рабочего времени будет объективно диктоваться потребностями современного производства и условиями жизни.

Столь же очевидно, что весь предстоящий рост производительности труда никак не может быть сведен к сокращению рабочего времени. Большая часть его будет обращена на повышение уровня жизни, и лишь меньшая — на увеличение свободного времени.

---

¹ J. Fourastié, Les 40 000 heures. Paris, 1965, p. 83.

Собственно говоря, если бы люди готовы были удовлетвориться, скажем, теми потребностями и тем уровнем жизни, которые существовали в 1900 году, то они уже сейчас могли бы позволить себе работать каких-нибудь два-три часа в день. Однако один и тот же пирог, как говорят, нельзя съесть дважды — первый раз в качестве уровня жизни, а второй — как свободное время.

Как ни заманчивы подобные рассуждения, занимающие много места во всех социальных прогнозах, они остаются абстрактными и малосодержательными вне социального контекста, ибо антагонистическое общество может превратить даже потенциальное благо в реальное социальное зло.

Дело в том, что капиталистическое производство обладает способностью превращать в товар все, что оно затрагивает и вовлекает в свой процесс. Это относится и к свободному времени, которое подвергается своего рода принудительной ампутации на такую величину, в течение которой трудящимися должна быть создана прибавочная стоимость. И Маркс поэтому справедливо называл капиталистическое производство «кражей» времени работника. Свободное время приобретает вполне определенную цену как в глазах предпринимателя, так и в глазах трудящегося. Под давлением борьбы рабочих за свои экономические интересы первый готов пойти на сокращение рабочего времени, но лишь в тех пределах, в которых может возместить его увеличением относительного прибавочного времени путем роста производительности труда и интенсификации производства. Иначе говоря, он готов оплатить работнику часть его доли в созданной им новой стоимости не зарплатой, а свободным временем. В глазах же работника это дополнительное свободное время также имеет вполне конкретную цену, а имен-

но — от какой «сверхурочной» заработной платы он отказывается ради него. Итак, трудящиеся вынуждены выкупать свое собственное свободное время как своего рода товар, далеко не всегда добровольно. При этом свободное время как товар обладает специфическим свойством: использование его часто сопряжено с расходами, превышающими его цену. Если, скажем, приобретение дополнительно пяти часов свободного времени в неделю равносильно отказу от 10—20 долларов заработка, то затем использование этого дополнительного времени в качестве досуга, для развлечения может повлечь расходы вдвое и втрое большие.

Капиталист в конечном счете стремится извлечь прибыль не только из рабочего, но и из свободного времени трудящихся. По мере увеличения свободного времени, которым располагает население, оно превращается в своего рода новый рынок сбыта товаров и услуг, призванных заполнить досуг; возникает целая «индустрия развлечений». По оценке Б. Селигмана, в среднем свыше 15 процентов расходов американской семьи связано с досугом, а свободное время как рынок сбыта ежегодно поглощает товаров и услуг на сумму свыше 50 миллиардов долларов¹.

Тем самым глубоко извращаются социально полезные функции свободного времени как для общества в целом, так и для личности. Многие миллионы людей жертвуют свободным временем ради дополнительного заработка, который затем расходуется на бессмысленные развлечения, чтобы «снять трудовое напряжение». А другие миллионы оказываются обречены на пустое, праздное времяпрепровождение. Социологи на Западе

---

¹ B. B. Seligman, *Most Notorious Victory*. New York, 1966, p. 382.

с возрастающей тревогой пишут о проблеме свободного времени, которое, по словам Жана Барро, из величайшего блага для рода человеческого может стать источником «социального кораблекрушения»¹.

Анализируя проблему свободного времени, большинство западных социологов исходит из несостоятельного представления, что в будущем люди в своем подавляющем большинстве будут вытеснены из сферы автоматизированного производства, что их жизнь будет определяться не общественно полезной деятельностью, а праздным досугом. Так, известный английский историк Арнольд Тойнби в статье «Обречены ли мы на вечный досуг?» полагает, что общество в будущем будет состоять из «деятельного меньшинства» и непроизводительного, «праздного большинства», между которыми возникнет глубокий антагонизм, могущий привести к их взаимному истреблению². При всей абсурдности подобных сенсационных пророчеств можно тем не менее понять тревогу тех социологов, которые считают, что «западная цивилизация» явно не способна решить проблему свободного времени. Как отмечает Селигмэн, работа не может рассматриваться только в качестве средства к существованию, ибо с ней связаны достоинство человека, социальный престиж и смысл его жизни. Свободное же время и досуг приобретают смысл лишь по отношению к трудовой деятельности. И если последняя становится сама все более бессодержательной и бессмысленной в глазах человека, то досуг, как бы велик он ни был, не может придать полноценности его существованию; в лучшем случае он становится сомнительным и шатким прибежищем от никчемной рабо-

---

¹ «Le Figaro», le 4 mars, 1971.

² Ibid.

ты. «Досуг, — заключает он, — должен быть серьезной деятельностью; вместо этого он извращен технологией индустриализма и превращен в принудительное времяпрепровождение»¹.

В поисках выхода из создавшегося положения одни предлагают создать новую «этику досуга», которая в отличие от так называемой «пуританской этики» трудолюбия приучила бы людей находить смысл жизни в праздности и развлечениях. Другие возлагают свои надежды на государственную «политику досуга», призванную заполнить свободное время разных слоев населения соответствующими их культурному уровню способами «убить время», не причиняя зла окружающим. Лишь немногочисленная элита, по их мнению, способна сама себе найти творческое и созерцательное занятие; средним же слоям рекомендуются всякого рода активные игры, спорт и туризм, тогда как для подавляющего большинства — пассивные зрелища, рыбная ловля, взаимное общение и т. п. Подобные рекомендации покоятся на метафизическом противопоставлении рабочего и свободного времени. Однако свободное время никак нельзя отождествлять с досугом, с праздностью, ибо оно обладает определенными содержательными функциями в обществе.

Свободное время, как писал Маркс, — это величайшее богатство общества и личности. Растрачивать его на праздность — непозволительная роскошь. Проблема состоит вовсе не в том, как «убить свободное время», а как его наполнить общественно полезной и содержательной деятельностью. Общество не может относиться безразлично к поведению личности в свободное время, лишь бы оно не носило антисоциальный характер. Ибо свободное время только относительно

---

¹ В. В. Seligman, Most Notorious Victory, p. 380.

свободно, в том смысле, что сама личность распределяет в его пределах многие свои общественно необходимые обязанности, а также моральные обязательства перед собой и своими близкими.

Именно в сфере свободного времени, по Марксу, и должна иметь место та разнообразная деятельность людей, благодаря которой происходит рост производительности труда в промышленности. Если одна сторона производительных сил — машины — производится и воспроизводится в сфере промышленности в рамках необходимого времени индивида, то вторая сторона, как мы видели, наиболее важная для роста производительности труда, а именно производство и воспроизводство человека со всеми его знаниями, опытом и т. д. могут происходить по преимуществу лишь в свободное время. Промышленность без свободного времени в эпоху научно-технической революции была бы обречена на столь же жалкое существование, как сельское хозяйство без промышленности в современную эпоху. В этой связи Маркс писал, что теперь уже не необходимое время, а именно свободное время будет являться подлинным богатством общества.

Работы Маркса «Капитал», «Теории прибавочной стоимости», «Экономические рукописи 1857—1859 годов», «Экономическо-философские рукописи» (1844 г.), «Критика Готской программы» содержат в себе гениальные мысли и идеи, которые позволяют нам сейчас лучше понять научно-техническую революцию и ее социальные и экономические последствия, чем многие толстые фолианты современных экономистов и социологов, специально посвященные этим проблемам. Так, в частности, Маркс, отмечая, какая огромная роль в будущем принадлежит науке и свободному времени как производительным силам

общества, писал: «Кража чужого рабочего времени, на которой зиждется современное богатство, представляется жалкой основой в сравнении с этой недавно развившейся основой, созданной самой крупной промышленностью»¹.

Излагая содержание «Экономических рукописей», американский социолог Майкл Харрингтон пишет, что Маркс в этой подготовительной работе предвидел, что автоматизация и кибернетизация производства в конечном счете разрушат ту основу, на которой покоится капиталистическая система. И хотя эти мысли были высказаны более ста лет назад, они крайне проницательны и своевременны в нашу эпоху, продолжает Харрингтон, сопровождая пространные выдержки из работы Маркса следующим комментарием: «Эти цитаты приведены не для того, чтобы подтвердить удивительный исторический факт, и даже не для того, чтобы изобразить Маркса провидцем. Они воспроизведены просто потому, что в его словах содержится столь много истинного для наших дней»².

Научно-техническая революция предполагает, как предвидел Маркс, всестороннее развитие личности, максимальное раскрытие всех ее потенциальных способностей и талантов. Вместе с тем общество в будущем отнюдь не станет царством дилетантов, знающих обо всем понемногу и не умеющих ничего делать квалифицированно. По мере дальнейшего развития научно-технической революции общество станет не примитивней, а сложнее современного. Колоссальный рост знаний, а также расширение сферы его технологического применения потребуют глубокой специализации

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 46, ч. II, стр. 214.

² M. Harrington, The Accidental Century. New York, 1965, p. 266.

со стороны работников, чрезвычайно высокой профессиональной компетентности. При этом количество профессий и специальностей в обозримом будущем будет не сокращаться, а возрастать. В условиях антагонистического общества это не может не сопровождаться усилением классовой дифференциации; в условиях же развитого социализма профессиональная специализация будет сочетаться с возрастанием социальной однородности общества.

За последнее время в социологической литературе стало признаком хорошего тона третировать профессионализм, пренебрежительно отзываться о специализации. В свое время испанский философ Ортега-и-Гассет заклеил процесс специализации в обществе как «вертикальное вторжение варварства», которое принесет, дескать, современной цивилизации такие же пагубные последствия, как вторжение варваров для Римской империи. Однако подобное аристократическое высокомерие по отношению к профессиональной компетентности не выдерживает критики.

Профессиональная специализация — это всего лишь обратная сторона, своего рода «изнанка» общественного разделения труда и обмена деятельностью между людьми. Она, вне всякого сомнения, связана с определенными издержками для личности, но одновременно сопровождается для нее и многими приобретениями. Вот почему каждый хочет сам быть «всесторонне развитой личностью», однако в деловых взаимоотношениях с другими людьми явно предпочитает «иметь дело со специалистами». Если у вас испортились часы, предостерегал Марк Твен, то, ради бога, не обращайтесь с просьбой починить их к неудавшимся паяльщикам, оружейникам, сапожникам, механикам и кузнецам, какими бы приятными собеседниками и милыми людьми они ни были. Эlemen-

тарный здравый смысл подскажет, что лучше постричься у хорошего парикмахера, чем у садовника; лучше сшить костюм у высококвалифицированного портного, чем у плотника. И самый достойный способ вознаградить других за их высококвалифицированные услуги — это самому быть профессионалом своего дела. Дилетант, которому нечего предложить другим в обмен, — это нахлебник общества. Именно благодаря разделению труда и специализации люди могут приобрести лучшее, на что способны другие, и, в свою очередь, предложить им в обмен лучшее, на что способны сами. В ходе научно-технической революции люди попадают во все большую зависимость не от машин, а друг от друга.

Всестороннее развитие личности и профессиональная специализация не противоречат друг другу. Более того, одно предполагает другое. Только такая специализация, которая целиком поглощает все время и все мысли человека, делает его ограниченным во всех остальных отношениях. Крайность специализации состоит не в ее так называемой узости. Наоборот, спасение от отрицательных последствий специализации заключается в еще большей специализации, как это ни звучит парадоксально. Ибо для того, чтобы высвободить время для разносторонних занятий, не перестав быть компетентным специалистом, надо соответственно сузить область своих профессиональных интересов. Научно-техническая революция помогает облегчить бремя специализации, высвобождая время от рутинных, механических занятий, связанных с ней, и расширяя возможность для всестороннего развития личности. Но она не отвергает профессиональной специализации, которая и впредь будет требовать от человека если не всей его жизни, то ее значительной части даже в свободное время, чтобы оставаться

на уровне своей эпохи. Наивно думать, что можно быть прекрасным пианистом, играя на рояле лишь два часа в неделю, или выдающимся шахматистом, от случая к случаю встречаясь со своими партнерами и не изучая соответствующую литературу, или же ученым, посвящая науке только уик-энды, и т. д. Даже когда в будущем рабочий день сократится, скажем, до четырех-пяти часов, а может быть и меньше, это еще не значит, что тем и ограничатся профессиональные занятия. Ибо по мере роста знаний будет происходить его ускоренный моральный износ, предполагающий непрерывное пополнение и обновление профессиональных знаний. Всестороннее развитие личности означает, что она перестанет быть рабом специализации, а станет ее повелителем, виртуозом в своей области знания, избранной по призванию.

По мере роста благосостояния все большее значение приобретает вопрос личных стимулов к труду, к образованию, к культурному росту. Стимулирование материальных мотивов, как оно ни важно, не должно сопровождаться усилением потребительской психологии. Долговременные материальные и моральные стимулы с этой целью должны возобладать в сознании трудящегося над текущими, преходящими интересами.

Научно-техническая революция благодаря колоссальному увеличению власти человека над природой не только приближает воплощение в жизнь идеалов коммунизма, создавая соответствующие им материальные условия и экономические предпосылки, но одновременно наносит последний «удар милосердия» по утопическим, уравнилельным представлениям о социальной справедливости, в основе которых лежит идея о равномерном распределении между всеми приятных и неприятных занятий, удовольствий и невзгод жизни.

В самом деле, создавая изобилие материальных благ, научно-техническая революция со временем позволит перейти к коммунистическому принципу распределения не путем введения каких-то форм рационализации потребления, а путем предоставления каждому человеку возможности наиболее полно и всесторонне удовлетворять все свои реальные потребности без ограничений. Научно-техническая революция приведет к устранению противоположности между физическим и умственным трудом не путем какого-то чередования в занятии тем и другим на протяжении дня или жизни каждого человека, а избавив людей вообще от необходимости тяжелого физического и монотонного умственного труда и оставив за ними лишь творческий, высокоинтеллектуальный труд. Различие между городом и деревней опять-таки будет преодолено не путем периодической отправки горожан на сельскохозяйственные работы, создания агрогородов и рассредоточения населения по средним «оптимальным» городам, а просто исчезновением деревни как социального явления. Научно-техническая революция вытеснит бумажные деньги из сферы обращения не потому, что они представляют собой «социальное зло», а просто потому, что многие их экономические функции возьмут на себя, притом с гораздо большей эффективностью, электронные вычислительные машины. Количество подобных примеров можно умножить.

Все это, однако, отнюдь не означает, что осуществление глубоких социальных преобразований в обществе отныне сводится лишь к технической стороне, является просто логическим следствием научно-технической революции и якобы не зависит от социального строя, как полагают современные реформисты вроде теоретиков социал-демократии или авторов знаменитого манифеста о «тройственной революции». Научно-

техническая революция лишь делает потенциально возможными подобные преобразования в обществе, она ведет к ним в тенденции, они, в свою очередь, представляют собой объективное, настоятельное требование общественного прогресса в нашу эпоху. Однако в условиях антагонистического общественного строя подобные тенденции вовсе не сопровождаются автоматическим разрешением социальных противоречий и конфликтов, которые либо обостряются, либо принимают иную форму. Рост массового производства, с одной стороны, превращает потребление в жертву рекламы, насаждающей мнимые потребности, а с другой — ведет к образованию очагов хронической нищеты; отсталая, обездоленная материально и культурно деревня исчезает только для того, чтобы возродиться в своеобразной форме в виде городских трущоб и гетто; тяжелый физический и монотонный умственный труд механизмуется, но вместе с тем творческий интеллектуальный труд никак не становится достоянием всех, а превращается в монополию господствующей в обществе элиты. Деньги вытесняются из сферы обращения кредитными карточками, но социальные контрасты между бедностью и богатством отнюдь не сглаживаются. Вместо всестороннего развития личности происходит расчленение человека по различным социальным функциям, которые он призван выполнять в обществе, чтобы оно могло продолжать функционировать.

«В мире сейчас разворачивается невиданная по своим масштабам и темпам научно-техническая революция, — отмечал товарищ Л. И. Брежнев в своей речи 28 декабря 1968 года. — Она производит настоящий переворот в одной отрасли промышленности за другой, открывает новые перспективы совершенствования управления производством и организации труда...

Можно без преувеличения сказать, что именно в этой области, в области научно-технического прогресса, пролегает сегодня один из главных фронтов исторического соревнования двух систем. Для нашей партии это делает дальнейшее интенсивное развитие науки и техники и широкое внедрение в производство последних научно-технических достижений не только центральной экономической, но важной политической задачей. На нынешнем этапе вопросы научно-технического прогресса приобретают, можно прямо сказать, решающее значение»¹.

Начавшаяся в недрах старого, антагонистического общества научно-техническая революция, как становится все более очевидным, уже не может уместиться в его прокрустовом ложе и неизбежно ведет к таким экономическим и социальным преобразованиям, которые в перспективе выходят за пределы капитализма.

Сегодня, как никогда более, справедливы слова В. И. Ленина: «Куда ни кинь — на каждом шагу встречаешь задачи, которые человечество вполне в состоянии разрешить *немедленно*. Мешает капитализм. Он накопил груды богатства — и сделал людей *рабами* этого богатства. Он разрешил сложнейшие вопросы техники — и застопорил проведение в жизнь технических улучшений из-за нищеты и темноты миллионов населения, из-за тупой скаредности горстки миллионеров»².

Научно-техническая революция — неотъемлемая составная часть всемирной освободительной социаль-

---

¹ Л. И. Брежнев, Ленинским курсом. Речи и статьи, т. 2. М., 1970, стр. 346.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 17.

ной революции нашего столетия, которая завершится переходом всего трудящегося человечества к высшей общественно-экономической формации — к коммунизму. Попытки противопоставить современный научно-технический переворот социалистической революции, а тем более подменить технологической революцией революцию политическую и социальную, широко распространенные в нынешней буржуазной социологии и пропаганде, являются теоретически несостоятельными.

Приобретая огромную роль в поступательном развитии общества, наука и техника при всей их относительной самостоятельности отнюдь не представляют собой ни от чего не зависимые и всемогущие факторы социального прогресса. В высшей степени наивны расчеты апологетов государственно-монополистического капитализма, надеющихся с помощью научно-технического прогресса разрешить экономические противоречия и социальные конфликты антагонистического общества. Хотя империализм в условиях борьбы двух систем и стремится приспособиться к требованиям научно-технической революции, однако, даже приобретая некоторые новые черты, он тем не менее, как говорится в итоговом документе международного Совещания коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 году, не в состоянии обуздать стихийные силы капиталистического рынка, предотвратить экономические потрясения и общественные катаклизмы. «Научно-техническая революция открывает перед человечеством беспрецедентные возможности преобразования природы, создания огромных материальных богатств, умножения творческих способностей человека. В то время как эти возможности должны были бы служить благу всех, капитализм использует научно-техническую революцию для уве-

личения прибылей и усиления эксплуатации трудящихся»¹.

Научно-техническая революция не смягчает, а, напротив, обостряет и углубляет объективные противоречия капиталистического способа производства; она не только в еще больших масштабах воспроизводит традиционные социальные антагонизмы, но и добавляет к ним новые. В ходе научно-технической революции возрастает неустойчивость всей мировой капиталистической системы.

Идеологи буржуазии гораздо более встревожены социальными последствиями научно-технической революции и исходом соревнования двух систем, чем они хотели бы в том признаться не только другим, но и самим себе. Красноречивым подтверждением тому могут служить вырывающиеся у них пессимистические признания, вроде заявления Бжезинского: «...Мой взгляд на роль Америки в мире все еще оптимистичен. Я говорю «все еще» потому, что сильно встревожен теми дилеммами, с которыми мы сталкиваемся как у себя, так и за рубежом, и особенно социальным и философским смыслом направления изменений в новые времена»².

Марксисты отвергают различные правооппортунистические, буржуазно-реформистские концепции, согласно которым научно-техническая революция якобы делает излишней социалистическую революцию, позволяя осуществить социальные идеалы посредством различных технологических нововведений и т. п.

---

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969». Прага, изд-во «Мир и социализм», 1969, стр. 18.

² Z. Brzezinsky, *Between Two Ages*. New York, 1970, p. XVII.

Столь же несостоятельными являются и левооппортунистические, утопические взгляды, согласно которым социальная справедливость может быть достигнута и без научно-технической революции, с помощью одного лишь радикального переустройства общества.

Общество будущего, несомненно, будет не примитивнее, а гораздо более совершенным, чем современное. Оно предъявляет не меньшие, а большие требования к человеческому интеллекту и творческим способностям личности. «Мы, товарищи, — отмечал Л. И. Брежнев, — строим не царство бездельников, где реки молочные да берега кисельные, а самое организованное, самое трудолюбивое общество в истории человечества. И жить в этом обществе будут самые трудолюбивые и добросовестные, организованные и высокосознательные люди»¹.

Будущее человечества, конечно, не предопределено научно-технической революцией, взятой самой по себе, независимо от социального строя и революционных общественных движений. Но вместе с тем было бы наивно полагать, будто переход к коммунизму как в отдельных странах, так и во всемирном масштабе может быть осуществлен помимо научно-технической революции.

Научно-техническая революция — необходимое условие коммунистического строительства, создания материально-технической базы коммунизма. Без нее недостижимы не только изобилие материальных и духовных благ в обществе, но и окончательное стирание существенных различий между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, немислимо всестороннее развитие личности. Как подчеркивал

---

¹ Л. И. Брежнев, О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, стр. 57.

Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС, перед нами стоит задача исторической важности, чтобы «органически соединить достижения научно-технической революции с преимуществами социалистической системы хозяйства...»¹.

Соревнование двух социальных систем на попрнице научно-технической революции отнюдь не сводится к тому, у кого будет больше машин и чьи машины будут более совершенными. Социалистическое общество призвано историей продемонстрировать, что нынешний научно-технический переворот и его непосредственные результаты могут быть целиком поставлены на благо человечества, что достижения науки и техники могут служить благородным идеалам социальной справедливости, благосостояния народов и всестороннего развития личности.

Проблема состоит не в том, кому отдать предпочтение, — человеку либо машине. Насыщение цивилизации все более совершенными машинами отнюдь не обязательно сопровождается ее обезчеловечением. Технократия или антропократия? Иначе говоря, господство над народными массами привилегированной «элиты», монополизирующей плоды научно-технической революции, или же всестороннее развитие личности и общества благодаря тому, что достижения науки и техники поставлены на службу всему народу, — такова историческая альтернатива XX века. «В проекте Основного документа Совещания, — говорил Л. И. Брежнев, — подчеркивается, что широкое развертывание научно-технической революции стало одним из главных участков исторического соревнования между капитализмом и социализмом. Наша пар-

---

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», стр. 57.

тия полностью согласна с таким пониманием проблемы.

Используя преимущества социалистического строя, Советский Союз добился серьезных успехов в развитии современной науки и техники. Мы первыми поставили ядерную энергию на службу мирным целям, первыми вышли в космос, добились многих других замечательных достижений, выдвинувших Советский Союз в первые ряды научно-технического прогресса.

Но, говоря об этих успехах, мы не хотим преуменьшать силы тех, с кем приходится соревноваться на научно-техническом поприще. Борьба здесь предстоит длительная. И мы исполнены решимости вести ее всерьез, чтобы доказать превосходство социализма и в этой области. Это отвечает не только интересам строительства коммунизма в нашей стране, но и интересам мирового социализма, интересам всего революционного и освободительного движения»¹.

---

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий», стр. 208.

НА ПОРОГЕ НОВОГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

«Год 2000-й», «Навстречу 2000 году», «Мир в 2000 году», «Человечество: 2000 год», «Взгляд в 2000 год», «Завтра 2000 год»... Эта «круглая дата» отнюдь не случайно столь часто в самых различных сочетаниях фигурирует в названиях футурологических сочинений, а также в качестве темы для конференций и симпозиумов, посвященных «исследованию будущего». Ее популярность среди футурологов объясняется далеко не одними лишь практическими соображениями — удобством для статистических расчетов, для экстраполяции современных тенденций в будущее и для эффектных сопоставлений с прошлым. Как полагает Дэниел Белл, интерес к футурологии, к социальному прогнозированию и всякого рода пророчествам во многом подогревается именно приближением этого «великого года», «знаменательной даты», «конца нашего века», «рубежа двух тысячелетий» и т. п., до наступления которого большинство людей обоснованно рассчитывает дожить. «Большое внимание, уделяемое 2000 году, — замечает он, — определено продиктовано магическим значением, которое придается тысячелетию»¹. На протяжении истории религиозные

---

¹ «Daedalus», Summer, 1967, p. 640.

люди в самом деле связывали с тысячелетним периодом мистические ожидания, суеверные надежды и тревоги, получившие наименование хилиазма (от греческого слова «хилиас» — тысяча).

Многие футурологи явно склонны спекулировать на этих хилиастических настроениях, распространенных среди населения, связать с наступлением 2000 года воплощение в жизнь определенных социальных идеалов. Если и не всему человечеству, то, по крайней мере, населению экономически высокоразвитых стран они сулят к этому времени материальное благополучие, необременительную работу, огромный досуг и массу развлечений, причем без каких-либо глубоких социальных преобразований, ибо обо всем этом позаботятся наука и техника, своего рода «рог изобилия XX века». Нужно ли бороться за лучшее будущее, коль скоро оно и так наступит, демагогически вопрошали, например, Г. Кан и его коллеги, экстраполируя существующие тенденции развития «стандартного мира» на предстоящие три десятилетия. Такие «утешительные прогнозы» весьма льстили обывателю, который, подобно Тобину, персонажу одного из рассказов О'Генри, готов был примириться с тем, что предсказанные ему неприятности ограничиваются ожогом от сигары, потерянными шляпой и 1 долларом 65 центами наличностью, но никак не желал удовольствоваться тем, что все счастье, обещанное его ладонью, исчерпывается парой бутылок пива с холодной закуской.

Характеризуя подобные взгляды, превалировавшие среди американских футурологов, Р. Хейлброунер писал: «По случаю прошлого тысячелетия на вершины холмов в Европе стекались толпы людей в ожидании светопрествления; теперь же, накануне нового тысячелетия, люди собираются, чтобы опознать пер-

вые признаки приближения нового мира. Идея прогресса, неведомая в 1000 году, ярко освещает 2000 год, и воскресные приложения газет, посвященные этому сказочному событию, — легендарному новому году, несомненно, будут обращены скорее к тому, чему предстоит случиться, чем к тому, что осталось позади»¹.

Не успела, однако, высохнуть типографская краска, которой были оттиснуты эти оптимистические высказывания, как среди футурологов возобладали прямо противоположные, пессимистические настроения. Если для конца 60-х годов наиболее типичными и популярными были концепции, содержащиеся в работах Комиссии 2000 года, то за последние два года широкое распространение приобрели мрачные прогнозы на будущее Джея Форрестера, Денниса Мидоуза и его коллег из Массачусетского технологического института, разработанные под эгидой так называемого «Римского клуба».

Основанный в 1968 году влиятельным итальянским предпринимателем, управляющим концерном «Фиат» Аурелио Печчеи, этот клуб поставил перед собой цель — содействовать реалистическим исследованиям в области социального прогнозирования, которые бы отвечали интересам деловых кругов и соответствующим образом влияли на общественное мнение. В «Римский клуб» вошли крупнейшие предприниматели, управляющие, политические деятели, высокопоставленные служащие и доверенные эксперты. Провозгласив себя «невидимым колледжем», эти технократы возложили на себя попечение о нуждах и судьбах человечества. Благодаря миллионной субсидии, предо-

---

¹ R. L. Heilbroner, *Between Capitalism and Socialism*. New York, 1970, p. 260.

ставленной автомобильной компанией «Фольксваген», клуб развил активную деятельность в исследовании экономических и социальных последствий научно-технической революции, загрязнения среды, проблемы бедности, инфляции и валютных кризисов, движения протеста среди молодежи, перспектив потребления и использования досуга и т. д. Первыми итогами футурологических исследований клуба как раз и стали книги Дж. Форрестера «Мировая динамика» и коллективная монография под редакцией Д. Медоуза «Пределы роста».

Экстраполируя существующие тенденции роста мирового населения, производства энергии, продовольствия и промышленных товаров, использование природных ресурсов и загрязнения среды на несколько десятилетий в будущее, Форрестер пришел к заключению, что современные темпы экономического развития не могут сохраняться сколько-нибудь продолжительное время. Несколькими десятилетиями раньше или позже, в зависимости от своевременности и эффективности принятых для ограничения роста мер, человечество, устремившееся в погоню за призраком материального изобилия, ожидает экологическая катастрофа, которая будет сопровождаться массовым голодом, эпидемиями и обнищанием, утверждает Форрестер. Объявляя «возрастающие надежды» человечества на достижимость благосостояния в обозримом будущем несостоятельными, он пишет, что отныне «вопрос заключается лишь в том, когда и как прекратится рост, а не в том, что он прекратится». По всей вероятности, продолжает он, население развитых стран живет сейчас в условиях «золотого века», который близится к своему концу; что же касается народов развивающихся стран, то им следует распрощаться с надеждами достигнуть современного уровня

жизни на Западе. Единственный выход из создавшейся «критической ситуации», который Форрестер оставляет открытым для человечества, — это заблаговременно принять самые суровые меры для прекращения роста населения, постепенного снижения темпов экономического развития до уровня простого воспроизводства, возрождение ремесла, ограничение потребностей и т. п. Лучше экономическая стагнация, чем экологическая катастрофа, — вот вывод Форрестера ¹.

Еще более пессимистических взглядов придерживаются авторы книги «Пределы роста», ибо в отличие от Форрестера они считают, что все перечисленные им меры предотвращения надвигающейся катастрофы заведомо будут обречены на провал, так что к исходу следующего столетия истощенные ресурсы земли будут не в состоянии обеспечить ее населению даже нищенский уровень жизни XIX столетия ². В подтверждение своих мрачных прогнозов они, как и Форрестер, апеллируют к электронно-вычислительной машине, на которой были произведены все математические расчеты и проверены многочисленные варианты по экстраполяции существующих тенденций роста населения, потребления природных ресурсов и других данных. Однако, воспользовавшись сравнением Поля Валери, можно сказать, что они смогли извлечь из современных компьютеров еще меньше достоверных предсказаний и мудрости, чем римские жрецы находили в потрохах своих цыплят, гадая о будущем по их внутренностям.

Заблуждения, как известно, отнюдь не приобретают истинности только потому, что их в средние века

---

¹ J. W. Forrester, *World Dynamics*. Cambridge, 1971.

² D. L. Meadows and others, *The Limits to Growth*. New York, 1972.

излагали по-латыни, а в наше время облачают в математические формулы. Электронно-вычислительные машины не несут ответственности за те исходные положения и данные, которые в них были вложены. Собственно говоря, они так же подтвердили бы сравнительно примитивные выкладки Мальтуса в конце XVIII века, как сейчас — изощренные расчеты Форрестера и Медоуза. Коль скоро заранее предполагается как исходное условие экстраполяции, что одни величины (природные ресурсы) не могут возрастать, а другие возрастают лишь в арифметической прогрессии (урожайность, экономия сырья и материалов и т. д.), тогда как третьи возрастают в геометрической прогрессии (население, потребности, загрязнение среды и т. д.), то нет никакой необходимости прибегать к компьютеру, чтобы убедиться в том, что первые два ряда величин могут выдержать сопоставления с третьим рядом не более чем на протяжении его нескольких удвоений. И Форрестер, и его коллеги из Массачусетского технологического института, в сущности, извлекли из компьютера только то, что предварительно в него вложили. Собственно говоря, и компьютер понадобился им только потому, что в отличие от Мальтуса, оперировавшего лишь с двумя переменными, они прибегли ко многим.

В своих расчетах авторы обеих книг умаляют возможные достижения науки и техники, а между тем удвоение научных знаний и технологических нововведений на протяжении нашего века происходит в несравненно более короткие сроки, чем весьма проблематичное удвоение «угрожающих величин» в их экстраполяции. Не составляет большого труда найти иные, вполне обоснованные коэффициенты для всех факторов, фигурирующих в их прогнозе, из которых будут напрашиваться совершенно другие выводы. Фу-

турологические экскурсии Форрестера и Медоуза в XXI век в конечном счете никак не могут служить подтверждением мнимых «пределов экономического роста»; они лишь свидетельствуют о пределах экстраполяции как метода исследования будущего.

Теоретическая произвольность и методологическая несостоятельность этих прогнозов очевидна для многих ученых на Западе¹. В данном случае, однако, обращают на себя внимание не столько их заблуждения и просчеты, сколько то обстоятельство, что этот пессимистический взгляд в будущее приобрел в изображении буржуазной печати характер чуть ли не социального откровения. Появись книга Форрестера каких-нибудь три года назад, его взгляды отвергли бы с пренебрежением, констатировал журнал «Форчун», но «в этом году мы, вероятно, не увидим издания более важной книги»². Собственно говоря, на Западе никогда не было недостатка в кассандрах, предрекающих всякого рода бедствия, и об интеллектуальном климате и настроениях следует судить не по наличию мрачных прогнозов, а по отношению к ним различных слоев населения. Вот почему можно понять нескрываемую тревогу Энтони Винера, который в своем докладе на III Международной конференции по исследованию будущего (Бухарест, сентябрь 1972 года) вынужден был заявить: «Сегодня на Западе тот класс, который в прошлом был наибольшим поборником «прогресса», а именно — верхний слой средней буржуазии — впервые стал разочаровываться в этой концепции, особенно в США и Северо-Западной Европе»³.

¹ См.: «The New York Times Book Review», April 2, 1972.

² «Fortune», September, 1971, p. 131.

³ A. J. Wiener, *The Prospect for Mankind and a Year 2000 Ideology*. Hudson Institute, 1972, p. 8.

Восторженный прием, оказанный мрачным футурологическим прогнозам «Римского клуба», несомненно, свидетельствует о возрастающем пессимизме в оценке долговременных перспектив научно-технической революции, ее экономических и социальных последствий в условиях антагонистического общества. Общественное мнение на Западе явно и глубоко обеспокоено злоупотреблениями, которые сопровождают использование технологических достижений монополистическими корпорациями с целью увеличения своей прибыли. «Кризис окружающей среды», «экологический Армагеддон», «технологическое самоубийство цивилизации» ныне заслонили заманчивые перспективы 2000 года, которыми еще совсем недавно футурологи почти единодушно обольщали публику.

Сейчас среди футурологов ведется оживленная полемика между так называемыми «технологическими оптимистами» и «социальными пессимистами». Нет необходимости входить в детали этой полемики, чтобы убедиться в том, что она во многом напоминает спор о бутылке, про которую одни говорят — «она уже наполовину пуста», тогда как другие возражают — «она все еще наполовину полна». В ходе этой полемики, в частности, на страницах журнала «Фьючерист» в 1971—1972 годах, были высказаны веские доводы против взглядов Дж. Форрестера, Д. Медоуза и др. Так, Бернхэм Беквит отмечал, что их пессимистические прогнозы исходят из явно предвзятых и вместе с тем ложных посылок, а именно из молчаливого предположения, будто технический прогресс не может остановить быстрого роста затрат на сырье и материалы, обеспечить изобилие продовольствия, а человечество заведомо окажется не в состоянии предотвратить катастрофическое загрязнение среды или ограничить рождаемость. Подобные прогнозы несо-

стоятельны, заключает он, их в лучшем случае можно рассматривать как предостережение.

Оптимизм самого Беквита, как и ряда других футурологов, покоится, однако, на весьма шатком основании. Свои надежды на будущее они связывают со стихийным действием рыночного механизма и закона спроса и предложения: по мере исчерпания природных ресурсов рост цен на них будет, мол, автоматически принуждать к экономии материалов, к замене редких более распространенными. В условиях капиталистического производства и погони за прибылью такие расчеты выглядят крайне сомнительными, ибо цены на сырье определяются не его относительной редкостью в недрах Земли и не соображениями экономии, а издержками по его добыче, транспортировке и переработке. Запасы каменного угля на земном шаре во много раз превышают запасы нефти, однако добыча угля во многих капиталистических странах сокращается, добыча же нефти быстро растет, и она вытесняет уголь из энергетического баланса. Столь же сомнительно, что под давлением общественного мнения и правительства монополистические корпорации прекратят загрязнение среды, добровольно пойдут на увеличение своих издержек производства. Как ни парадоксально, но оптимистами, уповающими на технологию, выступают в основном социологи и экономисты. «В оценке способности общества разрешить свои проблемы представители общественных наук как группа выглядят более оптимистичными, чем представители естественных наук и технологии... — констатирует журнал «Фьючерист». — Многие из ведущих социальных пессимистов — это специалисты в таких областях знания, как биология, инженерия и т. д.»¹. Вряд ли стоит оспаривать тот факт, что по-

¹ «The Futurist», vol. VI, № 2, April 1972, p. 63.

следние могут вполне компетентно судить о потенциальных возможностях науки и техники. Их пессимизм объясняется не тем, что они умаляют роль технологии, а тем, что, по их убеждению, ее эффективность зависит от социальных факторов. Что касается оптимистов, то технологический радикализм призван оправдать социальный консерватизм в их взглядах.

Впрочем, по трезвому размышлению, откровенный пессимизм футурологов заслуживает не больше доверия, чем широковещательный оптимизм. И тот и другой в значительной мере наигранны и преследуют вполне определенную цель — повлиять на умонастроение людей. Выражая свое скептическое отношение к прогнозам, вышедшим под эгидой «Римского клуба», Реймон Арон констатировал: «К сожалению, когда речь заходит об этом, поразить умы можно только в том случае, если являешься крайним оптимистом либо крайним пессимистом, приходится провозглашать либо катастрофу, либо земной рай»¹.

В конце концов футурологи в своем подавляющем большинстве озабочены не столько тем, что может в действительности произойти в следующем столетии, сколько тем, как повлияют их прогнозы на сознание и поведение людей в настоящем. Вот почему независимо от того, насколько искренне они сами убеждены в достоверности своих прогнозов, социальное назначение последних объективно состоит в том, чтобы внушить людям определенные представления о будущем, ожидающем их, и заставить их действовать соответственно этим представлениям. И чем сенсационней прогнозы, приобретающие характер пророчеств и заклинаний, тем более обоснованно подозрение, что их авторы

---

¹ «Réalités», № 319, août 1972, p. 67.

намеренно стремятся не столько просветить, сколько поразить умы людей.

В основе буржуазных футурологических концепций лежит волюнтаристический принцип так называемого «самооправдывающегося пророчества» — иначе говоря, теоретически несостоятельное предположение, будто тот или иной прогноз, убеждая людей в мнимой неизбежности определенного исхода событий в будущем, становится уже в силу этого главной причиной своего собственного воплощения в действительность. И наоборот, так называемый «самоубийственный прогноз» призван побудить людей поступать так, чтобы избежать предсказанного будущего, предотвратить его наступление. Как писал американский социолог Э. А. Росс, пророки «пророчествуют потому, что, заставляя других предвосхищать предсказанное ими будущее, они тем самым способствуют осуществлению своих намерений в настоящем»¹. Громоздкий методологический арсенал, которым сопровождаются футурологические прогнозы, представляет собой скорее тщательно разработанную технику внушения соответствующего образа мыслей и поведения в настоящем, чем научно обоснованную методику социального предвидения.

Подобно волшебнику Изумрудного города в стране Оз, предписавшему всем своим подданным носить зеленые очки, буржуазные идеологи стараются исподволь заставить общественное мнение воспринимать социальные проблемы современности сквозь свои футурологические концепции. Нечего и говорить, что их как «розовые», так и «мутные» очки донельзя искажают и нынешний и грядущий день. В сущности,

---

¹ См.: R. W. Friedrichs, A Sociology of Sociology. New York—London, 1970, p. 66.

расхождение между оптимистами и пессимистами в футурологии не столь уж велико, как может показаться на первый взгляд. В конечном счете и те и другие выполняют один и тот же социальный заказ — примирить широкие слои населения с настоящим. Футурологи-оптимисты пытаются достичь этой цели, суля им в не столь уж отдаленном будущем вознаграждение за текущие невзгоды и долготерпение, тогда как футурологи-пессимисты уверяют их в том, что настоящее положение дел при всех его очевидных недостатках заслуживает предпочтения в сравнении с любым возможным будущим.

Избрав в начале 60-х годов социальное прогнозирование в качестве арены идеологической борьбы, государственно-монополистический капитал явно рассчитывал перейти в идейно-политическое контрнаступление не только против теории научного коммунизма, но и против самых различных либерально-реформистских и социально-критических настроений в общественном мнении. Однако это широковещательное идеологическое наступление уже к концу десятилетия вылилось в самооборону от повсеместно растущего общественного возмущения коренными пороками антагонистической системы. Бурное развитие научно-технической революции сопровождалось в развитых капиталистических странах, как и предсказывали марксисты, не смягчением, а, напротив, резким обострением и углублением экономических противоречий, социальных конфликтов и идейно-политической борьбы, в том числе и поляризацией взглядов на будущее.

До конца нашего столетия осталось немногим более четверти века. Почти три четверти всех людей, ныне живущих на земном шаре, доживут до 2000 года, но они составят к тому времени немногим более трети его населения, которое достигнет 6,5—7 милли-

ардов жителей. И, по всей вероятности, мир, в котором они окажутся, будет отличаться от современного во многих отношениях даже больше, чем наш мир, в свою очередь, отличается от того, каким он был в начале века.

Человечество стоит буквально на пороге нового, третьего тысячелетия. Ведь в масштабе тысячелетия каждые десять лет составляют всего лишь один процент его продолжительности, все равно что три дня в году. Демографы называют поколением средний отрезок времени между рождением родителей и их детей, который составляет примерно тридцать лет. В тысячелетии уместается свыше тридцати поколений, и до его конца осталось всего лишь одно. Со времени открытия Америки Колумбом сменилось шестнадцать поколений; со времен Наполеона — шесть; от Великой Октябрьской революции нас отделяют два поколения. Даже от конца второй мировой войны прошло больше времени, чем осталось до конца века. За редким исключением, все политические и общественные деятели, которым, образно говоря, предстоит «вершить делами человечества» в 2000 году, все выдающиеся ученые, великие писатели и художники, знаменитые артисты конца нашего века уже родились и живут среди нас. И только большинству призеров XXVII Олимпийских игр еще предстоит родиться.

XX век, несомненно, является самым революционным столетием во всей предшествующей истории человечества. В результате бурного ускорения темпов истории в мире с 1900 года произошло больше социальных преобразований, политических событий и радикальных перемен во всех сферах жизни общества, чем за многие столетия до тех пор. Достаточно сказать, что за это время более чем удвоилось население Земли; свыше половины человечества ныне живет в

государствах, которые не существовали в начале века. С 1900 года в мире добыто больше угля и нефти, выплавлено больше стали, произведено больше энергии, чем за всю предшествовавшую историю. Подавляющая часть изделий, которые выпускает современная промышленность, вообще не существовала до 1900 года. А девять десятых всех ученых, когда либо живших на Земле, являются нашими современниками. Общественный и научно-технический прогресс в нашу эпоху приобрел стремительные темпы. И мы вправе ожидать, что за оставшиеся до конца века десятилетия в мире произойдет еще больше событий и перемен, чем за истекшие семьдесят лет: вновь почти удвоится население Земли, в четыре-пять раз возрастет мировой валовой продукт, будет приобретено больше научных знаний и внедрено больше технических нововведений, чем с начала века до сих пор. Даже легендарный патриарх Мафусаил, проживший, согласно Библии, 969 лет, не видел на протяжении своей жизни стольких перемен, сколько предстоит увидеть современному поколению до 2000 года.

К концу нашего столетия социалистическая система станет во всех отношениях преобладающей в мире, не только политически, но и экономически, по численности населения, объему промышленного производства, производительности труда, национальному доходу, уровню науки и техники. И во многих социалистических странах развернется переход к коммунизму. Мир 2000 года подтвердит научные предвидения Маркса, Энгельса, Ленина, высказанные ими 50, 75, 100 лет назад. Даже в конкретных деталях он будет несравненно больше соответствовать им, чем представлениям о будущем современных футурологов, которые могут рассчитывать дожить до него и убедиться в том, что их ожидания будут опрокинуты

ходом событий. Теория научного коммунизма — вот та нить Ариадны, которая не только выводит из лабиринта футурологических пророчеств, но и, овладевая массами, позволяет им преобразовать мир в соответствии с идеалами социальной справедливости.

Капитализм как социально-экономическая система, покоящаяся на антагонистических отношениях и стихийном развитии, не в состоянии ни своевременно предвидеть социальные последствия и побочные результаты научно-технической революции, ни тем более поставить их под контроль общества. Поэтому замена его коммунистическим строем продиктована ныне не только требованиями социальной справедливости, но объективным ходом общественно-исторического прогресса человечества.

СОДЕРЖАНИЕ

Бум прогнозов: футурология и идеология	3
--	---

I. ПОЛИТИКА, ОПРОКИНУТАЯ В БУДУЩЕЕ

Футурологический айсберг монополий	25
Футурологические инвестиции и идеологические дивиденды	47
Миф о «послеиндустриальном обществе»	64
Гордиев узел и дамоклов меч	89

II. В ПОИСКАХ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ АЛЬТЕРНАТИВЫ

Против «уготованного будущего»	115
Во власти технофобии	133
Радикальная утопия вместо научного предвидения	150
Новые «новые левые»?	162
Перед лицом социального протеста	187

III. ТЕХНОКРАТИЯ ИЛИ АНТРОПОКРАТИЯ?

О «даре предвидения»	209
Технологический переворот и социальные ценности	219
Человек и техника в условиях научно-технической революции	234
Капитализм — прокрустово ложе прогресса	253
Всестороннее развитие личности или «цивилизация досуга»?	269
На пороге нового тысячелетия. (Вместо заключения)	288

Араб-Оглы Эдвард Артурович.

А79 В лабиринте пророчеств. Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М., «Молодая гвардия», 1973.

304 с. 65 000 экз. 37 коп.

Книга посвящена проблеме социального предвидения в связи с современной научно-технической революцией и идеологической борьбой по вопросам будущего человечества и цивилизации.

1-5-5

Б. З. № 51—1972. (3)

1ФБ

Редактор Л. Волкова

Художник В. Нагаев

Художественный редактор А. Косаргин

Технический редактор Е. Брауде

Сдано в набор 3/VII 1972 г. Подписано к печати 29/V 1973 г. А00726. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 9,5 (усл. 13,3). Уч.-изд. л. 12,3. Тираж 65 000 экз. Цена 37 коп. Заказ 1359.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сушеvская, 21.

37 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
